

ВОЙНА ИУДЕЕВ

ВОЙНА ИУДЕЕВ ИЛИ ИСТОРИЯ РАЗРУШЕНИЯ ИЕРУСАЛИМА.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. (1) В то время как война, которую евреи вели с римлянами, была величайшей из всех войн, не только имевших место в наше время, но и в некотором роде из тех, о которых когда-либо слышали; и та, и другая, в которой города сражались против городов, или народы против народов; в то время как некоторые люди, которые сами не были вовлечены в эти дела, собирали понаслышке пустые и противоречивые истории и записывали их софистическим образом; и в то время как те, кто там присутствовал, давали ложные отчеты о вещах, и это было либо из чувства лести к римлянам, либо из ненависти к евреям; и в то время как их писания содержат иногда обвинения, а иногда похвалы, но не там, где точная истина фактов; я предложил себе, ради тех, кто живет под властью римлян, перевести эти книги на греческий язык, который я прежде составлял на языке нашей страны и посылал Высшим варварам, чтобы они могли быть в состоянии говорить на греческом языке; (2) Иосиф, сын Матфея, по рождению еврей, также священник, и тот, кто сначала сражался против римлян сам, и был вынужден присутствовать при том, что было сделано впоследствии, [я автор этого труда].
2. В то время, когда произошло это великое потрясение, дела самих римлян были в большом беспорядке. Те евреи, которые также были за нововведения, тогда поднялись, когда времена были тревожными; они также были в процветающем состоянии силы и богатства, так что дела на Востоке были тогда чрезвычайно бурными, в то время как некоторые надеялись на прибыль, а другие боялись потерь в таких бедах; ибо евреи надеялись, что весь их народ, который был за Евфратом, поднял бы восстание вместе с ними. Галлы, находившиеся по соседству с римлянами, тоже были в движении, и гельтины не были спокойны; но после смерти Нерона все было в беспорядке. И теперь представившаяся возможность побудила многих

стремиться к королевской власти; а солдаты, в надежде получить деньги, пошли на перемены. Поэтому я считал абсурдным видеть фальсификацию истины в делах столь значительных и не обращать на нее внимания.; но терпеть, чтобы те греки и римляне, которые не участвовали в войнах, были невежественны в этих вещах и читали либо лесть, либо выдумки, в то время как парфяне, и вавилоняне, и самые отдаленные арабы, и те из нашего народа за Евфратом, с адиабенами, с моей помощью, точно знали, откуда началась война, какие бедствия она принесла нам и каким образом она закончилась.

3. Правда, эти писатели имеют уверенность называть свои рассказы историями; и все же мне кажется, что они не достигают своей цели, равно как и не рассказывают ничего здравого. Ибо у них есть ум, чтобы показать величие римлян, в то время как они все еще уменьшают и уменьшают действия евреев, как не понимая, как это не может быть, что те должны казаться великими, кто победил только тех, кто был маленьким. Они также не стыдятся упускать из виду продолжительность войны, многочисленность римских войск, которые так сильно пострадали в ней, или могущество военачальников, чьи великие труды вокруг Иерусалима будут считаться бесславными, если то, чего они достигли, будет считаться лишь незначительным делом.

4. Однако я не стану впадать в другую крайность из-за противостояния тем людям, которые превозносят римлян, и не решусь слишком высоко возвысить действия моих соотечественников; но я буду преследовать действия обеих сторон с точностью. Тем не менее, я должен приспособить свой язык к страстям, которые я испытываю, как и к делам, которые я описываю, и должен позволить себе немного оплакивать страдания, пережитые моей собственной страной. Ибо то, что это был наш собственный мятежный нрав, который разрушил его, и что они были тиранами среди евреев, которые навлекли на нас римскую власть, которые неохотно напали на нас и вызвали сожжение нашего святого храма, Тит Цезарь, который разрушил его, сам свидетель, который, осмелившись на всю войну, жалел людей, которые были удержаны мятежниками, и часто добровольно откладывал взятие города и давал время осаде,

чтобы дать авторам возможность покаяться. Но если кто-нибудь несправедливо обвиняет нас, когда мы так страстно говорим о тиранах или разбойниках или горько оплакиваем несчастья нашей страны, пусть он потакает моим чувствам здесь, хотя это и противоречит правилам написания истории, потому что так случилось, что наш город Иерусалим достиг более высокой степени счастья, чем любой другой город при римском правлении, и все же в конце концов снова впал в тяжелейшие бедствия. Соответственно, мне кажется, что несчастья всех людей от начала мира, если их сравнить с несчастьями евреев (3), не так значительны, как они были, в то время как их авторы не были также иностранцами. Это делает невозможным для меня сдерживать свои причитания. Но если кто-нибудь непреклонен в своем осуждении меня, пусть приписывает сами факты исторической части, а жалобы только самому писателю.

5. Однако я могу справедливо обвинить ученых людей среди греков, которые, когда в их время были совершены такие великие деяния, которые, по сравнению с ними, совершенно затмевают старые войны, все же сидят как судьи в этих делах и выносят горькие порицания трудам лучших писателей древности; которые, хотя и превосходят старых писателей в красноречии, все же уступают им в исполнении того, что они намеревались сделать. В то время как они также пишут новые истории об ассирийцах и мидянах, как будто древние писатели не описывали их дела так, как они должны были бы делать; хотя они настолько же уступают им в способностях, насколько они отличаются от них в своих понятиях. Ибо в древности каждый брал на себя обязанность писать то, что происходило в его время; где их непосредственная забота о действиях делала их обещания ценными; и где должно быть упреком писать ложь, когда читатели должны знать, что это так. Но тогда обязательство сохранить память о том, что не было записано прежде, и представить дела своего времени тем, кто придет позже, действительно достойно похвалы и похвалы. Теперь следует почитать за то, что он всерьез приложил добрые усилия, не тот, кто только изменяет расположение и порядок дел других людей, но тот, кто не только рассказывает то, что не было рассказано раньше, но и составляет целый корпус своей собственной истории; соответственно, я был в большом

напряжении и приложил очень большие усилия [об этой истории], хотя я иностранец.; и посвятите этот труд, как память о великих деяниях, как грекам, так и варварам. Но для некоторых из наших собственных главных людей их рты широко открыты, и их языки развязаны в настоящее время, для выгоды и судебных исков, но совершенно заткнуты, когда они должны писать историю, где они должны говорить правду и собирать факты вместе с большим трудом; и поэтому они оставляют написание таких историй более слабым людям и тем, кто не знаком с действиями князей. И все же мы будем отдавать предпочтение истинной истине исторических фактов, как бы ни пренебрегали ею греческие историки.

6. Писать о Древностях евреев, кем они были [первоначально], и как они восстали против египтян, и какую страну они пересекли, и какие страны они захватили впоследствии, и как они были удалены из них, я думаю, что это не подходящая возможность и, по другим сведениям, также излишняя; и это потому, что многие евреи до меня составили истории наших предков очень точно; как это сделали и некоторые из греков, и перевели наши истории на свой собственный язык, и не сильно ошиблись в истине в своих историях. Но там, где кончаются писатели этих дел и наши пророки, оттуда я поднимусь и начну свою историю. Что же касается той войны, которая произошла в мое время, то я расскажу о ней очень подробно и со всем усердием, на какое только способен; но о том, что предшествовало моему веку, я расскажу вкратце.

7. [Например, я расскажу], как Антиох, который был назван Епифаном, взял Иерусалим силой и удерживал его три года и три месяца, а затем был изгнан из страны сыновьями Асамонеуса; после этого, как их потомство поссорилось из-за правительства и навлекло на их поселение римлян и Помпея; как Ирод, сын Антипатра, распустил их правительство и навлек на них Сосинов; а также как наш народ поднял мятеж после смерти Ирода, в то время как Август был римским императором, и как он был убит. Квинтилий Вар был в той стране; и о том, как разразилась война в двенадцатый год правления Нерона, и о том, что случилось с Цестием, и о том, какие места евреи подвергли враждебному нападению во время первых военных вылазок.

8. А также [Я расскажу], как они построили стены вокруг соседних городов; и как Нерон, после поражения Цестия, был в страхе перед всеми событиями войны, и после этого сделал Веспасиана военачальником в этой войне; и как этот Веспасиан со старшим из своих сыновей (4) совершил поход в страну Иудею; какова была численность римской армии, которую он использовал; и сколько его вспомогательных войск было отрезано во всей Галилее; и как он взял некоторые из ее городов полностью, и силой, и другие по договору и на условиях. Теперь, когда я зашел так далеко, я опишу хороший порядок римлян в войне и дисциплину их легионов; размах как Галилеи с ее природой, так и пределы Иудеи. И, кроме того, я особенно подробно расскажу о том, что характерно для этой страны, об озерах и фонтанах, которые в них находятся, и о том, какие несчастья случались с каждым городом, когда они были взяты; и все это с точностью, как я видел, что делалось или страдало в них. Ибо я не скрою ни одного из бедствий, которые я сам претерпел, так как я расскажу о них тем, кто знает правду о них.
9. После этого [я расскажу], как, когда дела евреев стали очень плохи, Нерон умер, и Веспасиан, когда он собирался напасть на Иерусалим, был вызван обратно, чтобы взять на себя управление им; какие знамения произошли с ним, связанные с его приобретением этого правительства, и какие изменения правительства тогда произошли в Риме, и как он был неохотно сделан императором своими солдатами; и как после его отъезда в Египет, чтобы взять на себя управление империей, дела евреев стали очень бурными; а также как тираны восстали против них, и как они были и впали в раздоры между собой.
10. Кроме того, [я расскажу], как Тит во второй раз вышел из Египта в Иудею; а также как, где и сколько сил он собрал; и в каком состоянии был город, посредством мятежников, при его приходе; какие нападения он совершил и сколько крепостных валов он воздвиг; о трех стенах, которые окружали город, и об их мерах; о силе города и устройстве храма и святого дома; и, кроме того, о мерах этих зданий и жертвенника, и обо всех точно решительно. Описание также некоторых из их праздников и семи очищений чистоты (5) и священных служений священников с одеждами священников и первосвященников; и

природы самого святого места храма; не скрывая ничего и не добавляя ничего к известной истине вещей.
11. После этого я расскажу о варварстве тиранов по отношению к своему народу, а также о снисходительности римлян к чужеземцам и о том, как часто Тит, желая сохранить город и храм, предлагал мятежникам примириться. Я также буду различать страдания народа и его бедствия; как далеко они были поражены мятежом и как далеко голодом, и в конце концов были взяты. Не забуду я также упомянуть о несчастьях дезертиров и о наказаниях, которым подвергались пленники.; как и то, что храм был сожжен против согласия Кесаря, и сколько священных вещей, которые были заложены в храме, были выхвачены из огня; разрушение также всего города со знамениями и чудесами, которые были перед ним; и взятие тиранов в плен, и множество тех, которые были обращены в рабство, и в какие различные несчастья они были распределены каждый. Кроме того, что римляне сделали с остатками стены, и как они разрушили крепкие укрепления, которые были в стране, и как Тит обошел всю страну и уладил ее дела; вместе с его возвращением в Италию и триумфом.
12. Я понял все это в семи книгах и не оставил повода для жалоб или обвинений тем, кто был знаком с этой войной; и я записал это ради тех, кто любит истину, но не для тех, кто удовлетворяет себя [фиктивными отношениями]. И я начну свой рассказ об этих вещах с того, что я называю своей Первой главой.

СНОСКИ

(1) Я уже не раз замечал, что эта История иудейской войны была первым сочинением Иосифа Флавия и опубликована около 75 года н. э., когда ему было всего тридцать восемь лет; и что, когда он писал ее, он не был досконально знаком с некоторыми обстоятельствами истории со времен Антиоха Епифана, с которых она начинается, до почти его собственных времен, содержащихся в первой и первой частях второй книги, и поэтому совершил в ней много невольных ошибок. Что он опубликовал свои "Древности" восемнадцать лет спустя, в тринадцатый год правления Домициана. 93, когда он был гораздо более полно знаком с теми древними временами, и

после того, как он изучил эти наиболее достоверные истории, Первую книгу Маккавеев и Хроники священства Иоанна Гиркана и т. д. Что, соответственно, он затем пересмотрел эти части этой работы и дал публике более верный, полный и точный отчет о фактах, связанных с ней, и честно исправил ошибки, с которыми он столкнулся раньше.

(2) Кем были эти высшие варвары, удаленные от моря, сообщит нам сам Иосиф Флавий, раздел 2, а именно: парфяне и вавилоняне, и самые отдаленные арабы [из евреев среди них]; кроме евреев за Евфратом, и адиабены, или ассирийцы. Отсюда мы также узнаем, что эти парфяне, вавилоняне, самые отдаленные арабы (или, по крайней мере, евреи среди них), а также евреи за Евфратом и адиабены, или ассирийцы, понимали еврейские или, скорее, халдейские книги Иосифа Флавия о войне евреев, прежде чем они были переведены на греческий язык.

(3) Что эти бедствия евреев, которые были убийцами нашего Спасителя, должны были быть величайшими, которые когда-либо были с начала мира, наш Спаситель прямо предсказал, Матфея 24:21; Марка 13:19; Луки 21:23, 24; и что они оказались такими соответственно, Иосиф Флавий является здесь самым достоверным свидетелем.

(4) Тит.

(5) Эти семь или, скорее, пять степеней чистоты, или очищения, перечислены ниже, Б. В. 6. Раввины делают из них десять степеней, как сообщает нам Реланд.

Книга I

Война Иудеев
Или
История Разрушения Иерусалима

С ИНТЕРВАЛОМ В СТО ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ ЛЕТ.

ОТ ВЗЯТИЯ ИЕРУСАЛИМА АНТИОХОМ ЕПИФАНОМ ДО СМЕРТИ ИРОДА ВЕЛИКОГО.

ГЛАВА 1.

*КАК БЫЛ ВЗЯТ ГОРОД ИЕРУСАЛИМ И РАЗГРАБЛЕН ХРАМ [АНТИОХОМ ЕПИФАНОМ]. А ТАКЖЕ О ДЕЯНИЯХ МАККАВЕЕВ, МАТФЕЯ И ИУДЫ И О СМЕРТИ ИУДЫ***.**

1. В то самое время, когда Антиох, которого звали Епифаном, поссорился с шестым Птолемеем из-за его права на всю страну Сирию, среди людей, обладающих властью в Иудее, вспыхнуло великое восстание, и они поспорили о том, чтобы получить власть; в то время как каждый из тех, кто обладал достоинством, не мог вынести подчинения равным себе. Однако Ония, один из первосвященников, взял верх и изгнал из города сыновей Товии, которые бежали к Антиоху и умоляли его использовать их в качестве своих вождей и совершить поход в Иудею. Царь, будучи заранее к этому расположен, подчинился им и напал на иудеев с большим войском, и взял их город силой, и убил великое множество тех, кто благоволил Птолемею, и послал своих солдат грабить их без пощады. Он также испортил храм и положил конец постоянной практике ежедневного принесения искупительной жертвы в течение трех лет и шести месяцев. Но Ония, первосвященник, бежал к Птолемею и получил от него место в Номе Гелиопольском, где он построил город, похожий на Иерусалим, и храм, похожий на его храм (1), о котором мы будем говорить далее в его надлежащем месте.

2. Антиох же не удовлетворился ни неожиданным взятием города, ни разграблением его, ни великим побоищем, которое он там учинил; но, обуреваемый своими неистовыми страстями и помня о том, что он претерпел во время осады, он заставил иудеев нарушить законы своей страны, оставить своих младенцев необрезанными и принести на жертвенник свиную плоть, против чего все они выступили, и наиболее одобренные из них были преданы смерти. Кроме того, Вакхид, посланный охранять крепости, имея эти нечестивые приказы, соединенные с его собственным природным варварством, потворствовал всевозможным крайним злодеяниям и мучил самых достойных жителей, человека за человеком, и каждый день угрожал их городу открытым разрушением, пока, наконец, он не вызвал бедных страдальцев крайностью своих нечестивых поступков, чтобы отомстить за себя.
3. Поэтому Матфей, сын Асамонеуса, одного из священников, живших в деревне, называемой Модин, вооружился вместе со своей семьей, в которой было пять его сыновей, и убил Вакхида кинжалами; и после этого, из страха перед многочисленными гарнизонами [врага], он бежал в горы; и так много народа последовало за ним, что он был воодушевлен спуститься с гор и дать сражение военачальникам Антиоха, когда он победил их и изгнал их из Иудеи. Таким образом, он пришел к власти благодаря этому своему успеху и стал князем своего собственного народа по их собственному свободному согласию, а затем умер, оставив власть Иуде, своему старшему сыну.
4. Иуда же, полагая, что Антиох не будет лежать спокойно, собрал войско из своих соотечественников и был первым, кто заключил союз дружбы с римлянами, и изгнал Епифана из страны, когда тот предпринял вторую экспедицию в нее, и это дало ему большое поражение там; и когда он был согрет этим большим успехом, он предпринял нападение на гарнизон, который был в городе, так как он до сих пор не был отрезан; поэтому он выгнал их из верхнего города и загнал солдат в нижний, который был часть города называлась Цитаделью. Затем Он взял храм под свою власть, и очистил все место, и обнес его стеной, и сделал новые сосуды для священного служения, и принес их в храм, потому что прежние сосуды были

осквернены. Он также построил другой жертвенник и начал приносить жертвы; и когда город уже снова получил свое священное устройство, умер Антиох, чей сын Антиох унаследовал его в царстве, а также в его ненависти к иудеям.
5. И собрал этот Антиох пятьдесят тысяч пеших, и пять тысяч всадников, и восемьдесят слонов, и двинулся через Иудею в горы. Затем он взял Вифсуру, небольшой город; но в месте, называемом Вифсахарис, где проход был узок, Иуда встретил его со своим войском. Однако, прежде чем войска вступили в сражение, брат Иуды Елеазар, увидев самого высокого из слонов, украшенного большой башней и золотыми воинскими украшениями, чтобы охранять его, и предположив, что сам Антиох находится на нем, пробежал большой путь перед своим войском и, прорубив себе путь через вражеские войска, взобрался на слона; однако он не мог добраться до того, кто казался царем, по причине того, что он был так высок.; но все же он вонзил свое оружие в брюхо зверя и обрушил его на себя, и был раздавлен насмерть, сделав не более чем попытку совершить великие дела и показав, что предпочитает славу жизни. Теперь тот, кто управлял слоном, был всего лишь частным лицом; и если бы он оказался Антиохом, то Елеазар не сделал ничего большего этим смелым ударом, кроме того, что могло показаться, что он предпочел умереть, когда у него была голая надежда совершить таким образом славный поступок; более того, это разочарование оказалось предзнаменованием для его брата [Иуды], чем закончится вся битва. Правда, иудеи долго храбро сражались, но царские войска, превосходя их числом и имея на своей стороне удачу, одержали победу. И когда многие из его людей были убиты, Иуда взял остальных с собой и бежал в топархию Гофны. Тогда Антиох отправился в Иерусалим и пробыл там всего несколько дней, потому что ему нужна была провизия. Он действительно оставил позади себя гарнизон, которого, по его мнению, было достаточно, чтобы удержать это место, но отвел остальную часть своей армии на зимние квартиры в Сирию.
6. После того как царь ушел, Иуда не сидел сложа руки, ибо, как многие из его народа пришли к нему, так и он собрал вместе тех, кто спасся от битвы, и снова дал сражение военачальникам

Антиоха в деревне, называемой Адаса; и будучи слишком суров для своих врагов в битве и убив множество их, он, наконец, сам был убит. Не прошло и нескольких дней после того, как его брат Иоанн был заговорен против него сторонниками Антиоха и убит ими.

ГЛАВА 2.

О ПРЕЕМНИКАХ ИУДЫ, КОТОРЫМИ БЫЛИ ИОНАФАН И СИМОН, И ИОАНН ГИРКАН.

1. КОГДА Ионафан, который был братом Иуды, стал его преемником, он вел себя с большой осторожностью в других отношениях по отношению к своему народу; и он подтвердил свою власть, сохранив свою дружбу с римлянами. Он также заключил союз с Антиохом сыном. Однако всего этого было недостаточно для его безопасности, ибо тиран Трифон, опекун сына Антиоха, составил против него заговор.; и, кроме того, он попытался снять своих друзей и хитростью поймал Ионафана, когда тот шел в Птолемаиду к Антиоху, с несколькими людьми в его компании, и связал его, а затем предпринял поход против иудеев; но когда он был впоследствии изгнан Симоном, который был братом Ионафана, и был разгневан его поражением, он предал Ионафана смерти.

2. Однако Симон мужественно управлял государственными делами и взял Газару, и Иоппию, и Иамнию, которые были городами по соседству с ним. Он также подчинил себе гарнизон и разрушил цитадель. Впоследствии он был помощником Антиоха против Трифона, которого он осадил в Доре, прежде чем отправиться в поход против Мидян; однако он не мог заставить царя устыдиться своего честолюбия, хотя и помог ему убить Трифона, ибо вскоре Антиох послал своего военачальника Кендевея с войском, чтобы опустошить Иудею и покорить Симона; и все же он, хотя и был уже в годах, вел войну так, словно был намного моложе. Он также послал своих сыновей с отрядом сильных людей против Антиоха, а сам взял с собой часть войска и напал на него с другой стороны. Он также положил много людей в засаду во многих местах гор и превосходил их во всех своих нападениях на них; и когда он был

завоевателем таким славным образом, он был сделан первосвященником, а также освободил евреев от владычества македонян после ста семидесяти лет империи [Селевка].
3. Этот Симон также имел заговор против него и был убит на пиру своим зятем Птолемеем, который посадил свою жену и двух сыновей в темницу и послал некоторых людей убить Иоанна, которого также называли Гирканом. (2) Но когда юноше сообщили об их прибытии заранее, он поспешил добраться до города, так как имел очень большое доверие к тамошним людям, как из-за памяти о славных деяниях его отца, так и из-за ненависти, которую они не могли не вынести к несправедливости Птолемея. Птолемей также сделал попытку проникнуть в город через другие ворота; Но был отталкиваем народом, который только что признал Гиркана; поэтому он вскоре удалился в одну из крепостей, находившихся вокруг Иерихона, которая называлась Дагон. Теперь, когда Гиркан получил первосвященство, которое прежде занимал его отец, и принес жертву Богу, он очень поспешил напасть на Птолемея, чтобы дать облегчение его матери и братьям.
4. Итак, он осадил крепость и был выше Птолемея в других отношениях, но был побежден им в том, что касается справедливой любви [которую он питал к своим родственникам]; ибо, когда Птолемей был огорчен, он вывел свою мать и своих братьев, и поставил их на стену, и бил их розгами на глазах у всех, и угрожал, что, если он немедленно не уйдет, он бросит их вниз головой; при виде этого сочувствие и забота Гиркана были слишком сильны для его гнева. Но мать его не была смущена ни полученными побоями, ни смертью, которой ей угрожали; она простерла руки и молила сына не трогаться с места, чтобы пощадить несчастного, ибо для нее было лучше умереть от руки Птолемея, чем жить так долго, если он будет наказан за нанесенные их семье обиды. Теперь дело Джона было таково: когда он подумал о мужестве своей матери и услышал ее мольбы, он приступил к своим нападкам.; но когда он увидел ее избитой и разорванной на куски полосами, он обессилел и был совершенно поглощен своими чувствами. И так как осада была отложена таким образом, наступил год отдыха, в который евреи отдыхают каждый седьмой год, как они

отдыхают каждый седьмой день. Поэтому в этом году Птолемей был освобожден от осады и убил братьев Иоанна с их матерью и бежал к Зенону, который также назывался Котилой, который был тираном Филадельфии.
5. И теперь Антиох был так разгневан тем, что он пострадал от Симона, что он сделал поход в Иудею, и сел перед Иерусалимом и осадил Гиркана; но Гиркан открыл гроб Давида, который был самым богатым из всех царей, и взял оттуда около трех тысяч талантов денег, и убедил Антиоха, обещав три тысячи талантов, снять осаду. Более того, он был первым из евреев, у кого было достаточно денег, и начал нанимать также иностранных помощников.
6. Однако в другой раз, когда Антиох отправился в поход против мидян и таким образом дал Гиркану возможность отомстить ему, он немедленно напал на города Сирии, думая, что, как оказалось, в них нет войск бога. И взял он Медаву и Самею с соседними городами, а также Сихем и Герицим, и, кроме того, подчинил себе народ Кутеев, живших вокруг того храма, который был построен в подражание Иерусалимскому Храму.; он также захватил множество других городов Идумеи вместе с Адореоном и Мариссой.
7. Он также дошел до Самарии, где теперь находится город Себаста, построенный царем Иродом, и окружил его со всех сторон стеной, и поставил своих сыновей, Аристобула и Антигона, над осадой; которые так сильно давили на него, что голод так далеко распространился в городе, что они были вынуждены есть то, что никогда не считалось пищей. Они также пригласили Антиоха, которого звали Кизикен, прийти им на помощь, после чего он приготовился и выполнил их приглашение, но был избит Аристобулом и Антигоном.; и действительно, эти братья преследовали его до самого Скифополя и бежали от них. И возвратились они в Самарию, и снова заперли народ в стене, и, взяв город, разрушили его и сделали рабами жителей его. И так как они все еще имели большой успех в своих начинаниях, то они не позволили своему рвению остыть, но двинулись с войском до Скифополя, и совершили набег на него, и опустошили всю страну, которая лежала в пределах горы Кармил.

8. Но тогда эти успехи Иоанна и его сыновей вызвали зависть и вызвали мятеж в стране; и многие собрались вместе и не успокоились, пока не вступили в открытую войну, в которой были разбиты. Таким образом, Джон прожил остаток своей жизни очень счастливо и управлял правительством самым необычным образом, и это в течение целых тридцати трех лет вместе. Он умер, оставив после себя пятерых сыновей. Он, несомненно, был очень счастливым человеком и не давал повода жаловаться на судьбу. Он был единственным, кто обладал тремя самыми желанными вещами в мире: правлением своего народа, первосвященством и даром пророчества. Ибо Божество беседовало с ним, и он не был в неведении ни о чем, что должно было произойти впоследствии; так что он предвидел и предсказал, что два его старших сына не будут продолжать господствовать над правительством; и это будет очень достойно нашего повествования, чтобы описать их катастрофу и насколько эти люди были ниже своего отца в блаженстве.

ГЛАВА 3.

КАК АРИСТОБУЛ БЫЛ ПЕРВЫМ, КТО ВОЗЛОЖИЛ ДИАДЕМУ НА ЕГО ГОЛОВУ; И ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН УМЕРТВИЛ СВОЮ МАТЬ И БРАТА, УМЕР САМ, КОГДА ОН ЦАРСТВОВАЛ НЕ БОЛЕЕ ГОДА.

1. ИБО после смерти их отца старший из них, Аристобул, изменил правление в царство и был первым, кто возложил диадему на его голову, через четыреста семьдесят один год и три месяца после того, как наш народ пришел в эту страну, когда он был освобожден от вавилонского рабства. Из своих братьев он, по-видимому, питал привязанность к Антигону, который был рядом с ним, и сделал его равным себе; но остальных он связал и посадил в темницу. Он также посадил свою мать в оковы за то, что она оспаривала у него власть; ведь Джон оставил ее гувернанткой по общественным делам. Он также дошел до такой степени варварства, что довел ее до смерти в тюрьме.

2. Но месть обошла его в деле его брата Антигона, которого он любил и которого сделал своим партнером в царстве, ибо он убил его посредством клеветы, которую злоумышляли против него люди во дворце. Поначалу, правда, Аристобул не поверил их рассказам, отчасти из любви к брату, а отчасти потому, что думал, что большая часть этих рассказов была вызвана завистью их родственников; однако, когда Антигон однажды в великолепной манере прибыл из армии на праздник, на котором по нашему древнему обычаю устраивались кущи для Бога, случилось в те дни, что Аристобул был болен и что по окончании праздника Антигон подошел к нему со своими вооруженными людьми; и это когда он был украшен в своем одеянии как можно лучше; и чтобы, в большой мере, молиться Богу за своего брата. И вот в это самое время эти злые люди явились к царю и рассказали ему, с каким напыщенным видом явились вооруженные люди и с какой дерзостью выступил Антигон, и что такая его дерзость была слишком велика для частного лица, и что поэтому он пришел с большим отрядом людей, чтобы убить его, ибо он не мог вынести этого голого наслаждения царской честью, когда в его власти было самому захватить царство.
3. Аристобул же мало-помалу и неохотно поверил этим обвинениям и, соответственно, позаботился о том, чтобы открыто не обнаружить своих подозрений, хотя и позаботился о том, чтобы быть защищенным от всяких случайностей; поэтому он поместил стражу своего тела в некий темный подземный ход; ибо он лежал больной в месте, называвшемся прежде Цитаделью, хотя впоследствии его имя было изменено на Антонию; и он отдал приказ, чтобы, если Антигон придет безоружным, они оставили его в покое; но если он придет к нему в доспехах, они должны убить его. Он также послал несколько человек, чтобы сообщить ему заранее, что он должен прийти безоружным. Но на этот раз царица очень хитро устроила дело с теми, кто замышлял его погубить, ибо она убедила тех, кто был послан, скрыть послание царя; но рассказать Антигону, как его брат узнал, что он получил в Галилее очень красивые доспехи, сделанные с прекрасными боевыми украшениями; и так как его теперешняя болезнь

мешала ему прийти и увидеть все это великолепие, он очень хотел видеть его теперь в доспехах; потому что, сказал он, через некоторое время ты уйдешь от меня.
4. Как только Антигон услышал это, добрый нрав его брата не позволял ему заподозрить от него никакого вреда, он пришел со своими доспехами, чтобы показать их брату; но когда он шел по темному проходу, который назывался Башней Стратона, он был убит телохранителями и стал выдающимся примером того, как клевета разрушает всякую добрую волю и естественную привязанность и как ни одна из наших добрых привязанностей не достаточно сильна, чтобы постоянно противостоять зависти.
5. И поистине, всякий удивился бы Иуде в этом случае. Он принадлежал к секте ессеев и никогда прежде не обманывал и не обманывал людей в своих предсказаниях. Теперь этот человек увидел Антигона, когда он проходил мимо храма, и крикнул своему знакомому (их было немало, кто сопровождал его в качестве его ученых): "О странный! - сказал он, - мне хорошо умереть сейчас, так как истина мертва передо мной, и кое-что из того, что я предсказал, оказалось ложным; ибо этот Антигон сегодня жив, который должен был умереть сегодня.; и место, где он должен был быть убит, согласно этому роковому указу, была Башня Страто, которая находится на расстоянии шестисот фарлонгов от этого места; и все же четыре часа этого дня уже прошли; и этот момент времени делает предсказание невозможным быть исполненным". И когда старик сказал это, он был удручен в своем уме и так продолжал. Но вскоре пришло известие, что Антигон был убит в подземном месте, которое также называлось Башней Страто, по тому же имени, что и Кесария, лежавшая на берегу моря; и именно эта двусмысленность была причиной расстройства пророка.
6. После этого Аристобул раскаялся в великом преступлении, в котором он был повинен, и это дало повод к усилению его смуты. Ему также становилось все хуже и хуже, и душа его постоянно тревожилась от мыслей о том, что он сделал, до тех пор, пока самые его внутренности не были разорваны в клочья невыносимым горем, в котором он находился, и его вырвало большим количеством крови. И когда один из слуг, сопровождавших его, вынес эту кровь, он, по какому-то

сверхъестественному провидению, поскользнулся и упал на том самом месте, где был убит Антигон.; и он пролил немного крови убийцы на пятна крови убитого, которые все еще оставались. Вслед за этим среди зрителей поднялся жалобный крик, как будто слуга нарочно пролил кровь в этом месте; и когда король услышал этот крик, он спросил, в чем причина его; и хотя никто не осмелился сказать ему об этом, он еще больше стал настаивать, чтобы они рассказали ему, в чем дело; так что, наконец, когда он пригрозил им и заставил их говорить, они сказали ему, что это не так.; тогда он залился слезами, застонал и сказал: "Я вижу, что не могу избежать всевидящего ока Божия за великие преступления, которые я совершил; но месть крови моего родственника преследует меня поспешно. О ты, самое дерзкое тело! как долго ты будешь удерживать душу, которая должна умереть из-за того наказания, которое она должна понести за убитых мать и брата! Как долго я сам буду тратить свою кровь капля за каплей? пусть они возьмут все сразу; и пусть их призраки больше не будут разочарованы несколькими свертками моих кишок, предложенными им". Как только он произнес эти слова, он вскоре умер, когда царствовал не более года.

ГЛАВА 4.

КАКИЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕРШИЛ АЛЕКСАНДР ЯННЕЙ, ЦАРСТВОВАВШИЙ ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ.

1. И вот жена царя отпустила братьев царя и сделала царем Александра, который казался и старше по возрасту, и умереннее в своем нраве, чем остальные, и который, придя к власти, убил одного из своих братьев, как бы желая управлять самим собою, а другого имел в большом почете, как любящего спокойную жизнь, не вмешиваясь в государственные дела.

2. И случилось, что произошло сражение между ним и Птолемеем, которого звали Латир, который взял город Асохис. Он действительно убил великое множество своих врагов, но победа скорее склонялась к Птолемею. Но когда этот Птолемей, преследуемый своей матерью Клеопатрой, удалился в Египет,

Александр осадил Гадару и взял ее, как и Аматус, который был самой сильной из всех крепостей, находившихся вокруг Иордана, и в нем находилось самое драгоценное из всех владений Феодора, сына Зенона. Тогда Феодоп выступил против него и взял то, что принадлежало ему, а также багаж царя, и убил десять тысяч иудеев. Однако Александр оправился от этого удара, повернул свои войска к морским частям и захватил Рафию и Газу, а также Антедон, который впоследствии царь Ирод назвал Агриппией.

3. Но когда он сделал рабами жителей всех этих городов, народ иудейский поднял против него восстание на празднике, ибо на этих празднествах обычно начинаются мятежи, и казалось, что он не смог бы избежать заговора, который они ему устроили, если бы ему не помогли его иностранные помощники, писидийцы и киликийцы; что же касается сирийцев, то он никогда не допускал их в свои наемные войска из-за их врожденной вражды к еврейскому народу. И когда он убил более шести тысяч мятежников, он совершил вторжение в Аравию; и когда он взял эту страну вместе с галаадитянами и моавитянами, он повелел им платить ему дань и возвратился в Ареаф; и так как Феодор был удивлен его великим успехом, он взял крепость и разрушил ее.

4. Однако, когда он сражался с Ободасом, царем Арабов, который устроил ему засаду близ Голана и заговор против него, он потерял всю свою армию, которая была собрана в глубокой долине и разбита на куски множеством верблюдов. И когда он бежал в Иерусалим, он вызвал толпу, которая прежде ненавидела его, чтобы поднять восстание против него, и это из-за величия бедствия, которому он подвергся. Однако он был тогда слишком тверд для них; и в нескольких сражениях, которые велись с обеих сторон, он убил не менее пятидесяти тысяч евреев в течение шести лет. Однако у него не было причин радоваться этим победам, так как он только поглотил свое собственное королевство, пока, наконец, он не прекратил сражаться и не попытался прийти к соглашению с ними, разговаривая со своими подданными. Но эта изменчивость и неправильность его поведения заставляла их ненавидеть его еще больше. И когда он спросил их, почему они так ненавидят его, и

что он должен сделать, чтобы умилостивить их, они ответили, убив себя; ведь это было бы все, что они могли сделать, чтобы примириться с ним, который сделал с ними такие трагические вещи, даже когда он был мертв. В то же время они пригласили Димитрия, которого звали Евкерием, помочь им; и так как он с готовностью выполнил их просьбы, надеясь на большие выгоды, и пришел со своим войском, то иудеи присоединились к своим помощникам около Сихема.

5. Однако Александр встретил оба эти войска тысячью всадников и восемью тысячами пеших наемников. С ним была и та часть иудеев, которая благоволила ему, до десяти тысяч, тогда как противная сторона имела три тысячи всадников и четырнадцать тысяч пехотинцев. И вот, прежде чем вступить в сражение, цари объявили об этом и попытались отвлечь солдат друг друга и заставить их восстать; в то время как Димитрий надеялся заставить наемников Александра покинуть его, а Александр надеялся заставить евреев, которые были с Димитрием, покинуть его. Но так как ни иудеи не оставляли своей ярости, ни греки не оказывались неверными, то они вступили в бой и вступили в рукопашную схватку с оружием в руках. В этой битве Деметрий был победителем, хотя наемники Александра показали величайшие подвиги, как в душе, так и в теле. Однако исход этой битвы оказался иным, чем ожидалось, для них обоих, ибо и те, кто приглашал Деметрия прийти к ним, не оставались тверды к нему, хотя он и был победителем.; и шесть тысяч иудеев, из жалости к перемене положения Александра, когда он бежал в горы, перешли к нему. Однако Димитрий не мог вынести такого поворота событий; но, полагая, что Александр уже снова стал его соперником и что весь народ [наконец] побежит к нему, он покинул страну и пошел своей дорогой.

6. Однако остальная часть [еврейской] толпы не прекратила своих ссор с ним, когда [чужеземные] вспомогательные войска ушли; но у них была постоянная война с Александром, пока он не убил большую часть их и не загнал остальных в город Бернеселис; и когда он разрушил этот город, он привел пленников в Иерусалим. Нет, ярость его была так велика, что его варварство дошло до степени нечестия, ибо, когда он приказал

повесить восемьсот человек на крестах посреди города, он приказал перерезать горло их женам и детям прямо у них на глазах.; и эти казни он видел, когда пил и лежал со своими наложницами. На что народ был так поражен, что восемь тысяч его противников бежали на следующую же ночь из всей Иудеи, бегство которой было прекращено только смертью Александра; так что, наконец, хотя и не слишком поздно и с большим трудом, он такими действиями добился спокойствия в своем царстве и больше не сражался.

7. Однако Антиох, которого также называли Дионисием, снова стал источником бед. Этот человек был братом Деметрия и последним из рода Селевкидов. (3) Александр боялся его, когда он шел против арабов; поэтому он прорубил глубокую траншею между Антипатром, который был недалеко от гор, и берегами Иоппии; он также воздвиг высокую стену перед траншеей и построил деревянные башни, чтобы препятствовать любому внезапному подходу. Но все же он не мог исключить Антиоха, потому что сжег башни, засыпал траншеи и двинулся дальше со своей армией. И так как он думал отомстить Александру за то, что тот пытался остановить его, как нечто менее важное, он двинулся прямо на арабов, царь которых удалился в те части страны, которые были наиболее пригодны для сражения с врагом, а затем внезапно повернул назад свою конницу, насчитывавшую десять тысяч человек, и напал на армию Антиоха, когда она была в беспорядке, и последовала ужасная битва. Войска Антиоха, пока он был жив, сражались с ним, хотя арабы и устроили среди них страшную резню; но когда он пал, ибо он был в авангарде, в величайшей опасности, собирая свои войска, все они отступили, и большая часть его армии была уничтожена либо в бою, либо в бегстве; а что касается остальных, которые бежали в деревню Кана, то случилось так, что все они были поглощены нуждой в необходимом, за исключением немногих.

8. Примерно в это же время жители Дамаска из ненависти к Птолемею, сыну Менхенса, пригласили Арету и сделали его царем Ассирии. Этот человек также предпринял поход против Иудеи и победил Александра в битве, но затем отступил по обоюдному согласию. Но Александр, взяв Пеллу, снова

двинулся на Герасу из жадного желания завладеть владениями Феодора; и когда он построил тройную стену вокруг гарнизона, он занял это место силой. Он также разрушил Голан, Селевкию и то, что называлось Долиной Антиоха; кроме того, он взял сильную крепость Гамалу и лишил Димитрия, который был там наместником, всего, что имел, за многие преступления, возложенные на него, а затем вернулся в Иудею после того, как он провел целых три года в этом походе. И теперь он был благосклонно принят народом, благодаря тому хорошему успеху, который он имел. Итак, когда он отдыхал от войны, он впал в смуту; ибо он был поражен квартановой лихорадкой и полагал, что, упражняясь снова в военных делах, он избавится от этой смуты; но, совершая такие экспедиции в несвоевременное время и заставляя свое тело переносить большие трудности, чем оно было в состоянии вынести, он довел себя до конца. Поэтому он умер в разгар своих бед, после того как царствовал двадцать семь лет.

ГЛАВА 5.

АЛЕКСАНДРА ЦАРСТВУЕТ ДЕВЯТЬ ЛЕТ, В ТЕЧЕНИЕ КОТОРЫХ ФАРИСЕИ БЫЛИ НАСТОЯЩИМИ ПРАВИТЕЛЯМИ НАЦИИ.

1. ТЕПЕРЬ Александр оставил царство Александре, своей жене, и полагался на то, что иудеи теперь очень охотно подчинятся ей, потому что она была очень против такой жестокости, с которой он обращался с ними, и противилась его нарушению их законов, и таким образом получила добрую волю народа. Он не ошибся и в своих ожиданиях, ибо эта женщина сохранила власть, полагаясь на мнение народа о ее благочестии, ибо она главным образом изучала древние обычаи своей страны и изгоняла из правительства тех людей, которые нарушали ее священные законы. И так как у нее было два сына от Александра, она сделала Гиркана старшим первосвященником, по причине его возраста, а также, кроме того, по причине его бездеятельного характера, никак не располагавшего его беспокоить публику. Но младшего, Аристобула, она держала при себе как частное лицо из-за его теплого нрава.

2. И теперь фарисеи присоединились к ней, чтобы помочь ей в управлении. Это определенная секта евреев, которые кажутся более религиозными, чем другие, и, кажется, интерпретируют законы более точно низшая Александра слушала их в необыкновенной степени, как сама женщина великого благочестия к Богу. Но эти фарисеи мало-помалу искусно прониклись к ней благосклонностью и сами стали настоящими распорядителями общественных дел: они изгоняли и унижали, кого хотели; они связывали и освобождали [людей] по своему усмотрению.; (4) и, говоря все сразу, они пользовались королевской властью, в то время как расходы и трудности, связанные с ней, принадлежали Александре. Она была мудрой женщиной в управлении большими делами и всегда стремилась собрать солдат вместе; так что она увеличила армию наполовину и приобрела большое количество иностранных войск, пока ее собственный народ не стал не только очень могущественным у себя дома, но и ужасным для иностранных властителей, в то время как она управляла другими народами, а фарисеи управляли ею.
3. Соответственно, они сами убили Диогена, человека видного, который был другом Александра, и обвинили его в том, что он помогал царю своими советами, за распятие восьмисот человек.] Они также уговорили Александру предать смерти остальных, кто раздражал его против них. Теперь она была настолько суеверна, что подчинялась их желаниям, и поэтому они убивали, кого хотели. Но главный из тех, кто был в опасности, бежал к Аристобулу, который убедил свою мать пощадить этих людей из-за их достоинства, но изгнать их из города, если она не сочтет их невиновными; таким образом, они остались безнаказанными и были рассеяны по всей стране. Но когда Александра послала свое войско в Дамаск под предлогом того, что Птолемей постоянно притесняет этот город, она овладела им, и он не оказал никакого значительного сопротивления. Она также уговорила Тиграна, царя Армении, который лежал со своими войсками около Птолемаиды, и осадила Клеопатру, (5) соглашениями и подарками, чтобы уйти. Таким образом, Тигран

вскоре вышел из осады из-за тех внутренних беспорядков, которые произошли во время похода Лукулла в Армению.
4. Между тем Александра заболела, и Аристобул, ее младший сын, воспользовался этой возможностью со своими слугами, которых у него было великое множество, и все они были его друзьями, благодаря теплоте их юности, и завладели всеми крепостями. Он также использовал суммы денег, которые он нашел в них, чтобы собрать несколько наемных солдат, и сделал себя королем; кроме того, по жалобе Гиркана, обращенной к его матери, она сочувствовала ему и заключила жену и сыновей Аристобула под стражу в Антонии, которая была крепостью, примыкавшей к северной части храма. Он, как я уже сказал, в древности назывался Цитаделью, но впоследствии получил имя Антония, когда Антоний был [владыкой Востока], точно так же, как другие города, Севастия и Агриппия, изменили свои названия, и они получили их от Себастия и Агриппы. Но Александра умерла, не успев наказать Аристобула за то, что он лишил наследства брата, после того как она царствовала девять лет.

ГЛАВА 6.

КОГДА ГИРКАН, КОТОРЫЙ БЫЛ НАСЛЕДНИКОМ АЛЕКСАНДРА, ОТСТУПИЛ ОТ СВОИХ ПРИТЯЗАНИЙ НА КОРОНУ, АРИСТОБУЛ СТАЛ ЦАРЕМ, А ЗАТЕМ ТОТ ЖЕ ГИРКАН С ПОМОЩЬЮ АНТИПАТРА БЫЛ ВОЗВРАЩЕН АБЕТОМ. НАКОНЕЦ ПОМПЕЙ СТАНОВИТСЯ АРБИТРОМ В СПОРЕ МЕЖДУ БРАТЬЯМИ.

1. ТЕПЕРЬ Гиркан был наследником царства, и ему перед смертью передала его мать; но Аристобул был выше его в силе и великодушии; и когда между ними произошла битва, чтобы решить спор о царстве, близ Иерихона, большая часть покинула Гиркана и перешла к Аристобулу; но Гиркан с теми из своей партии, которые остались с ним, бежал в Антонию и получил в свою власть заложников, которые могли бы его спасти (которые были женой Аристобула с ее детьми).); но прежде чем дело дошло до крайности, они пришли к соглашению, что Аристобул будет царем, а Гиркан откажется от этого, но сохранит все остальные свои титулы, как брат царя. После этого они

примирились друг с другом в храме и очень ласково обнялись, в то время как народ стоял вокруг них; они также переменили свои дома, в то время как Аристобул отправился в царский дворец, а Гиркан удалился в дом Аристобула.
2. Теперь те другие люди, которые были в противоречии с Аристобулом, испугались его неожиданного получения правительства; и особенно это касалось Антипатра (6), которого Аристобул ненавидел в древности. По происхождению он был идумеянином и одним из главарей этого народа, благодаря своим предкам и богатству, а также другим принадлежащим ему авторитетам; он также убедил Гиркана бежать к Арете, царю Аравии, и заявить свои права на царство; кроме того, он убедил Арету принять Гиркана и вернуть его в свое царство; он также бросил большие упреки Аристобулу в отношении его нравственности, и дал большие похвалы Гиркану, и увещевал Арету принять его, и сказал ему, что для него, правящего таким великим царством, было бы подобающим подаянием оказывать помощь тем, кто пострадал; утверждая, что с Гирканом поступили несправедливо, лишив его того владычества, которое принадлежало ему по праву его рождения. И когда он расположил их обоих сделать то, что он хотел, он взял Гиркана ночью и убежал из города, и, продолжая свое бегство с большой быстротой, он бежал в место, называемое Петрой, которое является царским местом царя Аравии, где он отдал Гиркана в руки Ареты; и, много беседуя с ним и завоевывая его многими подарками, он убедил его дать ему войско, которое могло бы вернуть ему его царство. Эта армия состояла из пятидесяти тысяч пехотинцев и всадников, против которых Аристобул не мог оказать сопротивления, но был брошен в первом же своем наступлении и был отброшен к Иерусалиму; он также был взят сначала силой, если бы Скавр, римский полководец, не пришел и вовремя не вмешался и не снял осаду. Этот Скавр был послан в Сирию из Армении Помпеем Великим, когда он сражался против Тиграна; поэтому Скавр пришел в Дамаск, который недавно был взят Метеллом и Лоллием, и заставил их покинуть это место; и, услышав, как обстоят дела в Иудее, он поспешил туда, как за добычей.

3. Поэтому, как только он прибыл в страну, прибыли послы от обоих братьев, каждый из которых желал его помощи; но триста талантов Аристобула имели для него большее значение, чем справедливость дела; получив эту сумму, Скавр послал вестника к Гиркану и арабам и пригрозил им негодованием римлян и Помпея, если они не снимут осаду. Арета испугался и удалился из Иудеи в Филадельфию, а Скавр снова вернулся в Дамаск.; Аристобул не удовлетворился бегством [из рук своего брата], но собрал все свои силы, и преследовал своих врагов, и сражался с ними в месте, называемом Папирон, и убил около шести тысяч из них, и вместе с ними брата Антипатра Фалиона.
4. Когда Гиркан и Антипатр были таким образом лишены своих надежд от арабов, они передали их своим противникам; и так как Помпей прошел через Сирию и прибыл в Дамаск, они бежали к нему за помощью; и без всяких подкупов они сделали те же справедливые просьбы, которые они использовали к Арете, и умоляли его ненавидеть жестокое поведение Аристобула и даровать царство тому, кому оно по праву принадлежало, как из-за его хорошего характера, так и из-за его превосходства в возрасте. Впрочем, Аристобул и сам не желал в этом случае полагаться на взятки, которые получил Скавр: он тоже был там и украшал себя самым приятным для королевской власти образом, на какой только был способен. Но вскоре он счел ниже своего достоинства приходить сюда таким раболепным образом и не мог вынести того, чтобы служить своим собственным целям гораздо более жалким способом, чем он привык; поэтому он покинул Диосполь.
5. Такое поведение Помпея вызвало большое негодование; Гиркан и его друзья также обратились к Помпею с великими ходатайствами; поэтому он взял не только свои римские войска, но и многих своих сирийских помощников и выступил против Аристобула. Но когда он миновал Пеллу и Скифополь и пришел в Корею, где вы входите в страну Иудею, когда вы поднимаетесь в нее через Средиземноморские части, он услышал, что Аристобул бежал в Александрий, который является сильной крепостью, укрепленной с величайшим великолепием и расположенной на высокой горе; и он послал к нему и приказал ему спуститься. Теперь он склонялся к тому, чтобы попытать

счастья в битве, раз уж его призвали таким властным образом, а не подчиниться этому зову. Однако он видел, что толпа была в большом страхе, и его друзья уговаривали его подумать о том, какова сила римлян и насколько она непреодолима; поэтому он последовал их совету и спустился к Помпею; и когда он долго извинялся за себя и за справедливость своего решения взять власть, он вернулся в крепость. И когда его брат снова пригласил его [выступить в защиту своего дела], он спустился и заговорил о справедливости этого, а затем ушел без всяких помех со стороны Помпея; так что он был между надеждой и страхом. И когда он спустился вниз, то должен был уговорить Помпея позволить ему полностью управлять страной; а когда он поднялся в цитадель, то только для того, чтобы не показаться слишком униженным. Однако Помпей приказал ему сдать свои укрепленные места и заставил его написать каждому из их губернаторов, чтобы они сдали их; получив это поручение, они не подчинялись никаким письмам, кроме тех, что были написаны его собственной рукой. Поэтому он сделал то, что ему было приказано, но все еще был возмущен тем, что было сделано, и удалился в Иерусалим, готовясь сражаться с Помпеем.
6. Но Помпей не дал ему времени сделать какие-либо приготовления [к осаде], а последовал за ним по пятам; он также был вынужден поспешить в своей попытке, после смерти Митридата, о которой ему сообщили в Иерихоне. Вот самая плодородная страна Иудеи, в которой растет огромное количество пальм (7), кроме бальзамического дерева, побеги которого они срезают острыми камнями и на надрезах собирают сок, который капает, как слезы. Поэтому Помпей разбил свой лагерь в этом месте на одну ночь, а на следующее утро поспешил в Иерусалим; но Аристобул так испугался его приближения, что подошел и встретил его с мольбой. Он также обещал ему деньги и то, что он отдаст в его распоряжение и себя, и город, и тем самым смягчит гнев Помпея. Однако он не выполнил ни одного из условий, на которые согласился, так как отряд Аристобула даже не впустил в город Габиния, посланного за обещанными деньгами.

ГЛАВА 7.

КАК ПОМПЕЙ ОТДАЛ ЕМУ ГОРОД ИЕРУСАЛИМ, НО ЗАХВАТИЛ ХРАМ СИЛОЙ. КАК ОН ВОШЕЛ В СВЯТАЯ СВЯТЫХ, А ТАКЖЕ, КАКОВЫ БЫЛИ ДРУГИЕ ЕГО ПОДВИГИ В ИУДЕЕ.

1. При таком обращении Помпей очень рассердился и взял Аристобула под стражу. И когда он подошел к городу, он огляделся вокруг, где он мог бы напасть; ибо он увидел, что стены были так крепки, что было бы трудно преодолеть их; и что долина перед стенами была ужасна; и что храм, который был в этой долине, сам был окружен очень сильной стеной, так что, если город будет взят, этот храм будет вторым убежищем для врага, чтобы отступить.
2. Так как он долго раздумывал над этим вопросом, то среди жителей города поднялся мятеж; партия Аристобула была готова сражаться и освободить своего царя, в то время как партия Гиркана была за то, чтобы открыть ворота Помпею; и страшный народ был в том, что эти последние были очень многочисленной партией, когда они увидели, в каком превосходном порядке находились римские солдаты. Таким образом, отряд Аристобула был разгромлен, и удалился в храм, и отрезал сообщение между храмом и городом, разрушив мост, соединявший их вместе, и приготовился оказать сопротивление изо всех сил; но так как другие приняли римлян в город и сдали ему дворец, Помпей послал Пизона, одного из своих великих военачальников, в этот дворец с армией, которая распределила гарнизон вокруг города, потому что он не мог убедить никого из тех, кто бежал в храм, прийти к соглашению.; затем он распорядился всем, что было вокруг них, так, чтобы это могло благоприятствовать их нападениям, так как отряд Гиркана был очень готов предоставить им и совет, и помощь.
3. Но Помпей сам засыпал ров, который был с северной стороны храма, а также всю долину, так как сама армия была обязана нести материалы для этой цели. И действительно, трудно было засыпать эту долину из-за ее огромной глубины, тем более что

евреи использовали все возможные средства, чтобы оттеснить их от своего превосходящего положения.; римляне также не преуспели в своих начинаниях, если бы Помпей не обратил внимания на седьмой день, когда евреи воздерживаются от всякой работы по религиозному счету, и не поднял свой банк, но удержал своих солдат от сражений в эти дни, потому что евреи действовали только в субботу. Но как только Помпей заполнил долину, он воздвиг на берегу высокие башни и подвел к стене те машины, которые они привезли из Тира, и попытался разбить ее; и пращники камней отбили тех, кто стоял над ними, и отогнали их прочь; но башни на этой стороне города оказали очень сильное сопротивление и действительно были необычайны как по размерам, так и по великолепию.
4. И вот тут-то, несмотря на многочисленные лишения, которым подвергались римляне, Помпей не мог не восхищаться не только другими примерами стойкости иудеев, но особенно тем, что они вовсе не прерывали своих религиозных служб, даже когда их со всех сторон окружали стрелами; ибо, как будто город был в полном покое, их ежедневные жертвоприношения и очищения, а также все ветви их религиозного поклонения все еще совершались Богу с величайшей точностью. И в самом деле, когда храм действительно был взят и их каждый день убивали около алтаря, они не оставляли случаев своего Божественного поклонения, которые были назначены их законом; ибо это было в третий месяц осады, прежде чем римляне смогли даже с большим трудом опрокинуть одну из башен и войти в храм. Первым, кто отважился перелезть через стену, был Фауст Корнелий, сын Силлы, а за ним два центуриона, Фурий и Фабий.; и за каждым из них последовала его собственная когорта, которая окружила евреев со всех сторон и убила их, некоторых из них, когда они бежали в укрытие к храму, а других, когда они некоторое время сражались в свою защиту.
5. И теперь многие из священников, даже когда они видели, что их враги нападают на них с мечами в руках, без всякого беспокойства продолжали свое Божественное поклонение и были убиты, когда они приносили свои питейные приношения и сжигали свои благовония, как предпочитающие обязанности по их поклонению Богу перед их собственным спасением. Большая

часть из них была убита своими соотечественниками из враждебной фракции, и неисчислимое множество бросилось в пропасти; более того, некоторые из них были настолько отвлечены непреодолимыми трудностями, с которыми они столкнулись, что они подожгли здания, которые были рядом со стеной, и были сожжены вместе с ними. Из иудеев было убито двенадцать тысяч, а из римлян убито было очень мало, но еще большее число было ранено.

6. Но ничто так не поразило народ в бедствиях, которым он подвергался тогда, как то, что святое место их, которое до сих пор никто не видел, было открыто для посторонних; ибо Помпей и те, которые были вокруг него, вошли в сам храм (8), куда не дозволялось входить никому, кроме первосвященника, и увидели то, что было помещено в нем: подсвечник с лампадами, и стол, и сосуды для разливания, и кадильницы, все сделанное целиком из золота, а также большое количество благовоний, сложенных вместе, с двумя тысячами талантов священных денег. Однако он не прикоснулся ни к этим деньгам, ни к чему другому, что там хранилось; но он приказал служителям около храма на следующий же день после того, как он взял его, очистить его и совершить свои обычные жертвоприношения. Более того, он сделал Гиркана верховным жрецом, как того, кто не только в других отношениях проявил большую готовность на его стороне во время осады, но и как средство помешать толпе, которая была в стране, сражаться за Аристобула, что они в противном случае были очень готовы сделать; таким образом, он играл роль доброго полководца и примирил народ с собой скорее благосклонностью, чем страхом. Среди пленников был взят тесть Аристобула, который был также его дядей; поэтому тех, кто был наиболее виновен, он наказал деколлатлоном, но наградил Фауста и тех, кто с ним сражался так храбро, славными подарками и наложил дань на страну и на сам Иерусалим.

7. Он также отнял у народа все те города, которые они прежде захватили и которые принадлежали Селесирии, и подчинил их тому, кто в то время был назначен там римским президентом, и привел Иудею в ее надлежащие пределы. Он также восстановил Гадару (9), которая была разрушена иудеями, чтобы удовлетворить некоего Димитрия, который был из Гадары и был

одним из его собственных вольноотпущенников. Он также освободил от их владычества и другие города, лежавшие посреди страны, такие, я имею в виду, какие они не разрушали до этого времени; Гиппопотам и Скифополь, а также Пелла, Самария и Марисса; и кроме них Ашдод, Иамния и Аретуза; и подобным же образом он поступил с приморскими городами Газой, Иоппией, и Дорой, и с тем, что в древности называлось Башней Страто, но впоследствии было перестроено с самыми великолепными зданиями и было изменено царем Иродом на Кесарию. Все это он возвратил своим гражданам и поместил их под провинцию Сирию.; эту провинцию вместе с Иудеей и странами, простиравшимися до Египта и Евфрата, он поручил Скавру в качестве их наместника и дал ему два легиона для поддержки, а сам поспешил через Киликию в Рим, взяв с собой в плен Аристобула и его детей. Это были две дочери и два сына; один из сыновей, Александр, убежал, когда он уходил, а младший, Антигон, с сестрами был доставлен в Рим.

ГЛАВА 8.

АЛЕКСАНДР, СЫН АРИСТОБУЛА, БЕЖАВШИЙ ОТ ПОМПЕЯ, СОВЕРШАЕТ ПОХОД ПРОТИВ ГИРКАНА, НО, БУДУЧИ ПОБЕЖДЕН ГАБИНИЕМ, СДАЕТ ЕМУ КРЕПОСТИ. ПОСЛЕ ЭТОГО АРИСТОБУЛ БЕЖИТ ИЗ РИМА И СОБИРАЕТ ВОЙСКО; НО, БУДУЧИ РАЗБИТ РИМЛЯНАМИ, ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РИМ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ ВЕЩАМИ, ОТНОСЯЩИМИСЯ К ГАБИНИЮ, КРАССУ И КАССИЮ.

1. Тем временем Скавр предпринял экспедицию в Аравию, но был остановлен трудностью мест около Петры. Однако он опустошил страну вокруг Пеллы, хотя и там испытывал большие трудности, так как его армия страдала от голода. Чтобы восполнить эту нужду, Гиркан оказал ему некоторую помощь и послал ему провизию через Антипатра, которого также Скавр послал к Арете, как хорошо знакомого с ним, чтобы заставить его заплатить ему деньги, чтобы купить его мир. Царь Аравии согласился на это предложение и дал ему триста талантов; после чего Скавр вывел свою армию из Аравии (10)

2. Что же касается Александра, сына Аристобула, который бежал от Помпея, то через некоторое время он собрал большой отряд людей и навалился на Гиркана, и захватил Иудею, и, вероятно, быстро опрокинул его; и действительно, он пришел в Иерусалим и отважился восстановить его стену, которая была разрушена Помпеем, если бы Габиний, посланный в качестве преемника Скавра в Сирию, не проявил своей храбрости, как и во многих других пунктах, совершив поход против Александра.; кто, как он боялся, что тот нападет на него, так он собрал большое войско, состоявшее из десяти тысяч вооруженных пехотинцев и полутора тысяч всадников. Он также построил стены вокруг соответствующих мест: Александрия, Гиркания и Махора, которые лежали на горах Аравии.
3. Однако Габиний послал перед собой Марка Антония и сам последовал за ним со всем своим войском; но для отборного отряда солдат, которые были около Антипатра, и другого отряда иудеев под командованием Малиха и Питола, они присоединились к тем военачальникам, которые были около Марка Антония, и встретились с Александром; к этому отряду вскоре присоединился Оабиний со своей главной армией; и так как Александр не мог выдержать атаки вражеских сил, то теперь они были соединены, и Он удалился. Но когда он приблизился к Иерусалиму, он был вынужден сражаться и потерял в битве шесть тысяч человек.; три тысячи из них пали мертвыми, а три тысячи были взяты живыми; поэтому он бежал с остальными в Александрий.
4. Когда же Габиний пришел в Александрий, так как он застал там многих разбившими лагерь, он попытался, обещая им прощение за их прежние проступки, побудить их перейти к нему, прежде чем дело дойдет до сражения; но когда они не послушались условий соглашения, он убил многих из них и запер многих из них в цитадели. Теперь Марк Антоний, их предводитель, показал себя в этой битве, который, как он всегда проявлял большое мужество, так никогда не показывал его так сильно, как сейчас; но Габиний, оставив войска, чтобы взять цитадель, ушел сам и поселил города, которые не были разрушены, и восстановил те, которые были разрушены. По его указанию были восстановлены следующие города: Скифополь,

Самария, Анфедон, Аполлония, Иамния, и Рафия, и Мариасса, и Адорей, и Гамала, и Ашдод, и многие другие; в то время как множество людей с готовностью бежали в каждый из них и становились их жителями.

5. Когда Габиний позаботился об этих городах, он вернулся в Александрий и продолжил осаду. Поэтому, когда Александр отчаялся когда-либо получить власть, он послал к нему послов и умолял его простить то, в чем он оскорбил его, и отдал ему оставшиеся крепости, Гирканий и Махер, так как впоследствии он отдал Александрийские крепости в его руки; все это Габиний разрушил по убеждению матери Александра, чтобы они не могли быть вместилищами людей во второй войне. Теперь она была здесь, чтобы успокоить Габиния, из-за ее заботы о своих родственниках, которые были пленниками в Риме, то есть о ее муже и других детях. После этого Габиний привел Гиркана в Иерусалим и поручил ему заботу о храме, но назначил другое политическое управление аристократией. Он также разделил весь народ на пять частей, назначив одну часть Иерусалиму, другую Гадаре, чтобы другая принадлежала Амату, четвертая Иерихону, а пятой части был отведен Сепфорис, город Галилейский. Таким образом, народ был рад, что освободился от монархического правления, и на будущее управлялся всей аристократией.

6. И все же Аристобул дал еще одно основание для новых волнений. Он бежал из Рима и снова собрал многих иудеев, которые желали перемены, таких, которые питали к нему прежнюю привязанность; и когда он взял Александрий, он попытался построить вокруг него стену; но как только Габиний послал против него войско под командованием Сискурия, Антония и Сервилия, он узнал об этом и отступил к Махеру. А что касается бесполезной толпы, то он отпустил их и двинулся дальше только с теми, кто был вооружен, числом в восемь тысяч, среди которых был Пифолай, который был наместником в Иерусалиме, но перешел к Аристобулу с тысячей своих людей; поэтому римляне последовали за ним, и когда дело дошло до битвы, отряд Аристобула долгое время храбро сражался с ними.; но в конце концов они были побеждены римлянами, и из них пять тысяч пали замертво, а около двух тысяч бежали на какой-

то небольшой холм, но тысяча, оставшаяся с Аристобулом, прорвалась сквозь римскую армию и вместе двинулась к Махеру; и когда царь провел первую ночь на его развалинах, он надеялся собрать еще одну армию, если война только ненадолго прекратится; поэтому он укрепил эту сильную крепость, хотя это было сделано плохо. Но римляне напали на него, он сопротивлялся, даже сверх своих сил, в течение двух дней, а затем был взят и доставлен в плен к Габинию вместе с его сыном Антигоном, который бежал вместе с ним из Рима; и от Габиния он был снова доставлен в Рим. Поэтому сенат заключил его под стражу, но детей его возвратил в Иудею, потому что Габиний сообщил им в письмах, что обещал матери Аристобула сделать это за то, что она передаст ему крепости.

7. Но теперь, когда Габиний шел на войну против парфян, ему помешал Птолемей, которого он, вернувшись с Евфрата, привел в Египет, используя Гиркана и Антипатра, чтобы обеспечить все необходимое для этой экспедиции; ибо Антипатр снабдил его деньгами, оружием, хлебом и вспомогательными средствами; он также одержал верх над евреями, которые были там, и охранял дороги в Пелузии, чтобы пропустить их. Но теперь, после отсутствия Габиния, другая часть Сирии пришла в движение, и Александр, сын Аристобула, снова поднял восстание иудеев. Поэтому он собрал очень большое войско и принялся убивать всех римлян, находившихся в стране; тогда Габиний испугался (ибо он уже вернулся из Египта и был вынужден быстро вернуться из-за этих беспорядков) и послал Антипатра, который вместе с некоторыми из мятежников уговорил его замолчать. Тем не менее, тридцать тысяч все еще продолжались с Александром, который сам тоже жаждал сражаться; соответственно, Габиний вышел сражаться, когда евреи встретили его; и когда сражение произошло близ горы Фавор, десять тысяч из них были убиты, а остальная часть народа рассеялась и убежала. Итак, Габиний пришел в Иерусалим и устроил правление, как того хотел Антипатр; оттуда он выступил, сражался и победил набатеев; что же касается Митридата и Орсана, которые бежали из Парфина, то он отослал их тайно, но выдал среди солдат, что они бежали.

8. Тем временем Красс стал преемником Габиния в Сирии. Он забрал все остальное золото, принадлежавшее Иерусалимскому храму, чтобы подготовиться к походу против парфян. Он также забрал две тысячи талантов, которых Помпей не касался; но когда он перешел Евфрат, он погиб сам и его армия с ним; о каких делах сейчас не время говорить [более подробно].
9. Но теперь Кассий, вслед за Крассом, остановил парфян, которые шли, чтобы войти в Сирию. Кассий бежал в эту провинцию и, овладев ею, поспешно двинулся в Иудею, а после взятия Тарихеи увел в рабство тридцать тысяч евреев. Он также убил Пифолая, который поддерживал мятежных последователей Аристобула, и именно Антипатр посоветовал ему сделать это. Этот Антипатр женился на женщине из знатного рода арабизов, которую звали Киприда, и имел от нее четырех сыновей, Фазеля и Ирода, который впоследствии стал царем, и, кроме них, Иосифа и Ферора; и у него была дочь, которую звали Саломея. Теперь, когда он приобрел друзей среди людей власти повсюду, благодаря добрым услугам, которые он им оказывал, и гостеприимству, с которым он обращался с ними, он заключил величайшую дружбу с королем Аравии, женившись на его родственнице; до такой степени, что, вступив в войну с Аристобулом, он послал и доверил ему своих детей. Поэтому, когда Кассий заставил Александра смириться и успокоиться, он вернулся к Евфрату, чтобы помешать парфянам снова перейти его, о чем мы поговорим в другом месте. (11)

ГЛАВА 9.

АРИСТОБУЛА ЗАБИРАЮТ ДРУЗЬЯ ПОМПЕЯ, А ЕГО СЫНА АЛЕКСАНДРА - СЦИПИОН. АНТИПАТР ПОДДЕРЖИВАЕТ ДРУЖБУ С ЦЕЗАРЕМ ПОСЛЕ СМЕРТИ ПОМПЕЯ; ОН ТАКЖЕ СОВЕРШАЕТ ВЕЛИКИЕ ДЕЛА В ТОЙ ВОЙНЕ, В КОТОРОЙ ОН ПОМОГАЛ МИТРИДАТУ.

1. После бегства Помпея и сената за Ионическое море Цезарь подчинил своей власти Рим и империю и освободил Аристобула от оков. Он также выделил ему два легиона и поспешно послал его в Сирию, надеясь, что с его помощью он легко завоюет эту

страну и прилегающие к ней районы. Но зависть помешала быстроте Аристобула и надеждам Цезаря, ибо он был отравлен ядом, который дали ему люди из партии Помпея, и в течение долгого времени он не удостоился даже погребения в своей стране.; но его мертвое тело лежало [над землей], сохраненное в меду, пока оно не было послано евреям Антонием, чтобы быть похороненным в царских гробницах.
2. Его сын Александр также был обезглавлен Скипионом в Антиохии по приказу Помпея и по обвинению, выдвинутому против него перед его трибуналом за зло, которое он причинил римлянам. Но Птолемей, сын Меннея, который был тогда правителем Халкиды при Ливане, взял к себе своих братьев, послав за ними своего сына Филиппия в Аскалон, который забрал Антигона и его сестер от жены Аристобула и привел их к своему отцу; влюбившись в младшую дочь, он женился на ней и был впоследствии убит своим отцом из-за нее; ибо сам Птолемей, убив своего сына, женился на ней, которую звали Александрой; из-за этого брака он больше заботился о ее брате и сестре.
3. Теперь, после смерти Помпея, Антипатр перешел на другую сторону и поддерживал дружбу с Цезарем. И так как Митридат Пергамский с войсками, которые он вел против Египта, был изгнан с путей вокруг Пелусия и вынужден был остаться в Асеалоне, он убедил арабов, среди которых жил, помочь ему и сам пришел к нему во главе трех тысяч вооруженных людей. Он также призвал людей, обладающих властью в Сирии, прийти к нему на помощь, а также жителей Ливана, Птолемея и Ямвлика и еще одного Птолемея; таким образом, города этой страны с готовностью вступили в эту войну, так что Митридат отважился теперь, в зависимости от дополнительных сил, которые он получил от Антипатра, двинуться вперед к Пелузию; и когда ему отказали в проходе через него, он осадил город; при нападении на это место Антипатр главным образом сигнализировал о себе, так как он разрушил ту часть стены, которая была против него, и первым делом ворвался в город вместе с окружавшими его людьми.
4. Так был взят Пелузий. Но все же, когда они шли дальше, те египетские евреи, которые населяли страну, называемую

страной Онии, остановили их. Тогда Антипатр не только убедил их не останавливать их, но и снабдил провизией их армию, из-за чего даже жители Мемфиса не захотели сражаться против них, а сами присоединились к Митридату. Затем он обошел Дельту и сразился с остальными египтянами в месте, называемом Иудейским лагерем.; более того, когда он был в опасности в битве со всем своим правым крылом, Антипатр развернулся и пошел вдоль берега реки к нему; ибо он победил тех, кто противостоял ему, когда он вел левое крыло. После этого успеха он напал на тех, кто преследовал Митридата, и убил очень многих из них, а остальных преследовал так далеко, что захватил их лагерь, потеряв при этом не более восьмидесяти своих людей, как Митридат потерял во время преследования, которое было предпринято после него, около восьмисот. Он и сам был неожиданно спасен и стал для Цезаря непогрешимым свидетелем великих деяний Антипатра.

5. После этого Цезарь поощрял Антипатра предпринимать для него другие опасные предприятия, давая ему большие похвалы и надеясь на награду. Во всех этих предприятиях он с готовностью подвергал себя многим опасностям и стал самым отважным воином; и у него было много ран почти по всему телу, как доказательство его доблести. И когда Цезарь уладил дела Египта и снова возвращался в Сирию, он дал ему привилегию римского гражданина и свободу от налогов и сделал его предметом восхищения почестями и знаками дружбы, которые он ему оказывал. По этой причине он также утвердил Гиркана в первосвященстве.

ГЛАВА 10.

ЦЕЗАРЬ НАЗНАЧАЕТ АНТИПАТРА ПРОКУРАТОРОМ ИУДЕИ, ТАК ЖЕ КАК АНТИПАТР НАЗНАЧАЕТ ФАЗЕЛЯ НАМЕСТНИКОМ ИЕРУСАЛИМА, А ИРОДА-НАМЕСТНИКОМ ГАЛИЛЕИ, КОТОРЫЙ ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ БЫЛ ПРИЗВАН ОТВЕЧАТЬ ЗА СЕБЯ [ПЕРЕД СИНЕДРИОНОМ], ГДЕ ЕГО ОПРАВДЫВАЮТ. СЕКСТ ЦЕЗАРЬ ПРЕДАТЕЛЬСКИ УБИТ БАСОМ, А ЕГО ПРЕЕМНИКОМ СТАНОВИТСЯ МАРК.

1. ПРИМЕРНО в это же время Антигон, сын Аристобула, пришел к Цезарю и стал, удивительным образом, поводом для дальнейшего продвижения Антипатра; в то время как он должен был сокрушаться, что его отец, по-видимому, был отравлен из-за его ссор с Помпеем, и жаловаться на варварство Сципиона по отношению к своему брату, и не смешивать никакой завистливой страсти, когда он искал пощады.; кроме того, он предстал перед Цезарем и обвинил Гиркана и Антипатра в том, что они совершенно изгнали его и его братьев из их родной страны и действовали во многих случаях несправедливо и экстравагантно по отношению к своему народу; что же касается помощи, которую они послали ему в Египет, то это было сделано не из доброй воли к нему, а из страха, который они испытывали из-за прежних ссор, и чтобы получить прощение за свою дружбу к [его врагу] Помпею.
2. После этого Антипатр сбросил с себя одежду и показал множество ран, которые у него были, и сказал, что о своей доброй воле к Цезарю он не имел случая сказать ни слова, потому что тело его громко кричало, хотя сам он ничего не говорил.; что он удивлялся смелости Антигона, в то время как сам он был не кем иным, как сыном врага римлян и беглеца, и имел по наследству от своего отца любовь к новшествам и мятежам, что он взялся обвинять других людей перед римским губернатором и старался получить некоторые преимущества для себя, когда он должен был быть доволен тем, что ему позволили жить в одиночестве; причина его желания управлять общественными делами заключалась не столько в том, что он нуждался в этом, сколько в том, что, если бы он мог однажды получить то же самое, он мог бы возбудить мятеж среди евреев и использовать то, что он мог бы получить от римлян, на плохую службу тем, кто дал ему это.
3. Когда Цезарь услышал это, он объявил Гиркана самым достойным из первосвященников и разрешил Антипатру выбирать, какую власть он пожелает; но он оставил определение такого достоинства тому, кто даровал ему это достоинство; поэтому он был назначен прокуратором всей Иудеи и получил разрешение, кроме того, восстановить (12) те стены своей страны, которые были разрушены. Эти почетные дары Цезарь

приказал выгравировать в Капитолии, чтобы они служили свидетельством его собственной справедливости и добродетели Антипатра.

4. Но как только Антипатр вывел Цезаря из Сирии, он возвратился в Иудею, и первое, что он сделал, это восстановил ту стену своей собственной страны [Иерусалима], которую разрушил Помпей, а затем пошел по стране и успокоил беспорядки, которые были там; где он частично угрожал, а частично советовал всем, и сказал им, что в случае, если они подчинятся Гиркану, они будут жить счастливо и мирно, и наслаждаться тем, что у них есть, и что со всеобщим миром и спокойствием; но в том случае, если они прислушаются к тем, у кого есть какие-то холодные надежды, поднимая новые проблемы, чтобы получить какую-то выгоду, они найдут его своим господином, а не своим прокуратором; и найдут Гиркана тираном, а не царем; и римляне, и Цезарь будут их врагами, а не правителями; ибо они не допустят, чтобы он был удален от правительства, которое они сделали своим губернатором. И в то же самое время, когда он сказал это, он сам уладил дела страны, потому что видел, что Гиркан бездействовал и не годился для управления делами королевства. Таким образом, он назначил своего старшего сына, Фазеля, правителем Иерусалима и его окрестностей; он также послал своего следующего сына, Ирода, который был очень молод (13), с равными полномочиями в Галилею.

5. Ирод же был деятельным человеком и вскоре нашел подходящие материалы для работы своего деятельного духа. Так как он узнал, что Езекия, глава разбойников, бежал по соседним частям Сирии с большим отрядом людей, он поймал его и убил его и многих других разбойников с ним; этот подвиг был главным образом благодарен сирийцам, так что гимны пели в похвалу Ирода, как в деревнях, так и в городах, как обеспечившие их спокойствие и сохранившие то, что они имели для них; по этому случаю он познакомился с Секстом Цезарем, родственником великого Цезаря и президентом Сирии. Справедливое подражание его славным деяниям побудило Фазеля также подражать ему. Таким образом, он добился благоволения жителей Иерусалима своим собственным

управлением городскими делами и не злоупотреблял своей властью каким-либо неприятным образом; поэтому народ оказывал Антипатру почтение, которое полагалось только царю, и почести, которые все они оказывали ему, были равны почестям, полагавшимся абсолютному господину; и все же он не утратил ни малейшей доли той доброй воли и верности, которыми был обязан Гиркану.

6. Однако он не мог избежать зависти в таком своем процветании, ибо слава этих молодых людей уже затронула самого Гиркана, хотя он никому об этом не говорил; но больше всего его огорчали великие деяния Ирода и то, что так много посланцев приходило друг к другу и сообщали ему о великой репутации, которую он приобрел во всех своих начинаниях. Было также много людей в самом царском дворце, которые воспламенили его зависть к нему; я имею в виду тех, кто был помешан в своих планах благоразумием либо молодых людей, либо Антипатра. Эти люди говорили, что, отдавая государственные дела в управление Антипатру и его сыновьям, он садился только с одним именем царя, без всякой его власти; и они спрашивали его, как долго он будет так заблуждаться, чтобы разводить царей против своих собственных интересов, ибо теперь они уже не скрывали своего управления делами, а были просто господами нации и отстранили его от власти.; что это было так, когда Ирод убил так много людей, не дав ему никакого приказа сделать это ни устно, ни письмом, и это противоречило закону Иудеев, которые, следовательно, если он не царь, а частное лицо, все же должны прийти на его суд и ответить ему и законам его страны, которые не позволяют никого убивать, пока он не будет осужден судом.

7. Гиркан же мало-помалу воспылал этими речами и, наконец, не выдержал и призвал Ирода на суд. Поэтому, по совету своего отца и как только дела Галилеи позволили ему, он прибыл в Иерусалим, когда он впервые разместил гарнизоны в Галилее; однако он прибыл с достаточным отрядом солдат, действительно таким большим, что он не мог показаться с ним войском, способным свергнуть правительство Гиркана, и все же таким небольшим, чтобы подвергнуть его оскорблениям тех, кто завидовал ему. Однако Секст Цезарь боялся за юношу, чтобы

тот не был схвачен врагами и не подвергся наказанию; поэтому он послал кого-то прямо донести Гиркану, чтобы тот оправдал Ирода по предъявленному ему смертному обвинению, и тот оправдал его соответственно, так как был склонен поступить и иначе, ибо любил Ирода.

8. Но Ирод, полагая, что он избежал наказания без согласия царя, удалился к Сексту, в Дамаск, и приготовил все, чтобы не повиноваться ему, если он снова призовет его; после чего злонамеренные раздражили Гиркана и сказали ему, что Ирод ушел в гневе и готов воевать с ним; и так как царь верил тому, что они говорили, он не знал, что делать, так как видел, что его противник сильнее его самого. И теперь, с тех пор как Секст Цезарь сделал Ирода полководцем Целесирии и Самарии, он был грозен не только из-за доброй воли, которую народ питал к нему, но и из-за власти, которой он сам обладал, так что Гиркан впал в крайнюю степень ужаса и ожидал, что вскоре он выступит против него со своей армией.

9. Он не ошибся и в своем предположении, ибо Ирод собрал свое войско, из гнева, который он обличил его за то, что он угрожал ему обвинением в публичном суде, и повел его в Иерусалим, чтобы сбросить Гиркана с его царства; и это он вскоре сделал, если только его отец и брат не вышли вместе и не сломили силу его ярости, и это, увещевая его осуществить свою месть не дальше угроз и страха, но пощадить царя, под началом которого он достиг такой степени могущества; и что он не должен быть так сильно раздражен тем, что его судят, чтобы забыть быть благодарным за то, что он был оправдан; и не должен так долго думать о том, что было меланхолического характера, чтобы быть неблагодарным за его освобождение; и если мы должны считать, что Бог является арбитром успеха в войне, несправедливое дело приносит больше вреда, чем армия может принести пользы; и что поэтому он не должен быть вполне уверен в успехе дела, в котором ему предстоит сражаться против своего короля, своего сторонника и того, кто часто был его благодетелем и который никогда не был суров к нему, иначе как потому, что он прислушивался к злым советникам, и это не более, чем навлекая на него тень несправедливости. Таким образом, Ирод был побежден этими аргументами и

предположил, что того, что он уже сделал, было достаточно для его будущих надежд, и что он достаточно показал свою силу народу.

10. Между тем между римлянами произошло волнение из-за Апамии и гражданская война, вызванная предательским убийством Секста Цезаря Цецилием Басом, которое он совершил из своей доброй воли к Помпею; он также взял власть над своими войсками; но так как остальные военачальники Цезаря напали на Басса со всей своей армией, чтобы наказать его за убийство Цезаря, Антипатр также послал им помощь через своих сыновей, как из-за него, который был убит, так и из-за того Цезаря, который был еще жив, оба из которых были их друзьями; и так как эта война стала довольно продолжительной, Марк покинул Италию в качестве преемника Секста.

Глава 11.

ИРОД СТАНОВИТСЯ ПРОКУРАТОРОМ ВСЕЙ СИРИИ; МАЛИХ БОИТСЯ ЕГО И УБИВАЕТ АНТИПАТРА ЯДОМ, ПОСЛЕ ЧЕГО СОЛДАТСКИЕ ТРИБУНЫ СКЛОНЯЮТСЯ К ТОМУ, ЧТОБЫ УБИТЬ ЕГО.

1. В это время между римлянами разгорелась великая война из-за внезапного и вероломного убийства Цезаря Кассием и Брутом после того, как он удерживал власть в течение трех лет и семи месяцев. (14) После этого убийства были очень большие волнения, и великие люди сильно разошлись друг с другом, и каждый отправился в ту партию, где у них были самые большие надежды на собственное продвижение. Поэтому Кассий прибыл в Сирию, чтобы принять войска, находившиеся в Апамии, где он добился примирения между Бассом и Марком и легионами, которые были в ссоре с ним; поэтому он снял осаду Апамии, взял на себя командование армией и стал взимать дань с городов и требовать с них денег до такой степени, что они были не в состоянии вынести.

2. Поэтому он приказал иудеям принести семьсот талантов, после чего Антипатр, опасаясь угроз Кассия, разделил сбор этой суммы между своими сыновьями и другими своими знакомыми, и это должно было быть сделано немедленно; и среди них он потребовал, чтобы один Малих, который был во вражде с ним,

также сделал свою часть, что необходимость заставила его сделать. Ирод же, во-первых, смягчил страсть Кассия, выведя из Галилеи свою долю, которая составляла сто талантов, за что он был в высшей милости у него.; и когда он упрекнул остальных в медлительности, он рассердился на сами города; поэтому он сделал рабами Гофну и Эммауса и еще двух менее известных людей; более того, он действовал так, как будто хотел убить Малиха, потому что тот не поспешил взыскать с него дань; но Антипатр предотвратил разорение этого человека и других городов и добился благосклонности Кассия, немедленно принеся сто талантов. (15)

3. Однако, когда Кассий ушел, Малих забыл доброту, которую Антипатр оказал ему, и часто строил против него заговоры, которые спасли его, так как спешил убрать его с дороги, которая была препятствием для его злых дел; но Антипатр так боялся силы и хитрости этого человека, что пошел за Иордан, чтобы собрать армию, чтобы защитить себя от его коварных замыслов; но когда Малих был пойман на этом заговоре, он своей дерзостью навлек на сыновей Антипатра обман, ибо он полностью ввел в заблуждение Фазеля, который был стражем Иерусалима, и Ирода, которому было доверено военное оружие, и это с помощью множества оправданий и клятв, и убедил их добиться его примирения с отцом. Таким образом, он снова был спасен Антипатром, который отговорил Марка, тогдашнего президента Сирии, от его решения убить Малиха из-за его попыток к инновациям.

4. Во время войны между Кассием и Брутом, с одной стороны, против младшего Цезаря [Августа] и Антония, с другой, Кассий и Марк собрали войско из Сирии; и так как Ирод, вероятно, имел большую долю в снабжении необходимым, они сделали его прокуратором всей Сирии и дали ему армию пешую и конную. Кассий также предположил, что после окончания войны он сделает его царем Иудеи. Но случилось так, что сила и надежды сына стали причиной его гибели; так как Малих боялся этого, он подкупил одного из царских виночерпиев деньгами, чтобы тот дал отравленное зелье Антипатру; так он стал жертвой злодеяний Малиха и умер на пиру. Во всех других

отношениях он был человеком деятельным в управлении делами и тем, кто вернул власть Гиркану и сохранил ее в своих руках.
5. Однако Малих, когда его заподозрили в том, что он отравил Антипатра, и когда толпа разгневалась на него за это, отрицал это и заставил народ поверить, что он не виновен. Он также приготовился сделать из себя большую фигуру и собрал солдат, ибо не предполагал, что Ирод успокоится, который действительно вскоре напал на него с войском, чтобы отомстить за смерть отца; но, услышав совет своего брата Фазеля не наказывать его открыто, чтобы народ не впал в мятеж, он принял извинения Малиха и заявил, что снимает с него это подозрение; он также устроил пышные похороны своего отца.
6. И пошел Ирод в Самарию, которая тогда была в Смятении, и поселил город в мире; после чего в праздник Пятидесятницы он возвратился в Иерусалим со своими вооруженными людьми; после этого Гиркан, по просьбе Малиха, который боялся его упрека, запретил им вводить иностранцев, чтобы смешаться с народом страны, пока они очищались; но Ирод презрел притворство и того, кто дал это повеление, и пришел ночью. После чего Малит пришел к нему и оплакал Антипатра; Ирод также заставил его поверить (он признал, что его причитания реальны), хотя ему стоило большого труда сдержать свою страсть к нему; однако он сам оплакивал убийство своего отца в своих письмах Кассию, который, по другим сведениям, также ненавидел Малиха. Кассий послал ему весть, что он отомстит ему за смерть отца, и тайно приказал трибунам, находившимся под его началом, помочь Ироду в его праведном деле.
7. И так как после взятия Кассием Лаодикии со всех сторон собрались люди власти с подарками и венцами в руках, Ирод назначил это время для наказания Малиха. Когда Малих заподозрил это и был в Тире, он решил тайно забрать своего сына из числа тирийцев, который был там заложником, в то время как он готовился бежать в Иудею; отчаяние, в котором он был в бегстве, заставило его думать о более важных вещах.; ибо он надеялся поднять народ на восстание против римлян, пока Кассий занят войной против Антония, и что он легко свергнет Гиркана и получит корону для себя.

8. Но судьба посмеялась над его надеждами; ибо Ирод предвидел то, о чем он так усердствовал, и пригласил его и Гиркана к ужину; но, позвав к себе одного из главных слуг, стоявших рядом с ним, он послал его, как будто для того, чтобы приготовить все к ужину, а на самом деле заранее предупредить о заговоре, который был против него составлен; поэтому они вспомнили, какие приказы дал им Кассий, и вышли из города с мечами в руках на берег моря, где окружили Малиха со всех сторон и убили его со многими ранами. Гиркана тотчас же бросили на корму, пока он не потерял сознание и не упал от неожиданности; и с трудом он пришел в себя, когда спросил, кто убил Малиха. И когда один из трибунов ответил, что это было сделано по приказу Кассия". Тогда, - сказал он, - Кассий спас и меня, и мою страну, отрезав одного, который замышлял заговор против них обоих". Говорил ли он в соответствии со своими собственными чувствами, или его страх был таков, что он был вынужден одобрить этот поступок, сказав это, неясно; однако этим способом Ирод наказал Малиха.

ГЛАВА 12.

ФАЗЕЛЬ СЛИШКОМ ТЯЖЕЛ ДЛЯ ФЕЛИКСА; ИРОД ТАКЖЕ ПОБЕЖДАЕТ АНТИГОНА В ПОГРЕМУШКЕ; И ИУДЕИ ОБВИНЯЮТ И ИРОДА, И ФАЗЕЛЯ, НО АНТОНИЙ ОПРАВДЫВАЕТ ИХ И ДЕЛАЕТ ТЕТРАРХАМИ.

1. КОГДА Кассий ушел из Сирии, в Иерусалиме поднялся новый мятеж, и Феликс напал на Фазеля с войском, чтобы отомстить Ироду за смерть Малиха, напав на его брата. Так случилось, что Ирод был тогда с Фабием, наместником Дамаска, и, когда он шел на помощь брату, его задержала болезнь.; между тем Фазель был сам по себе слишком суров для Феликса и упрекал Гиркана за его неблагодарность, как за ту помощь, которую он оказал Малиху, так и за то, что он пренебрег братом Малиха, когда тот овладел крепостями; ибо он уже получил их великое множество, и среди них самую сильную - Масаду.

2. Однако ничто не могло быть достаточным для него против силы Ирода, который, как только он выздоровел, снова взял другие крепости и изгнал его из Масады в позе просителя; он

также изгнал Мариона, тирана Тирийцев, из Галилеи, когда он уже овладел тремя укрепленными местами; но что касается тех тирийцев, которых он поймал, он сохранил их всех живыми; более того, некоторым из них он дал подарки и таким образом отослал их и тем самым обеспечил себе добрую волю.из города, и ненависть к тирану. Марион действительно получил ту тираническую власть Кассия, который поставил тиранов над всей Сирией (16), и из ненависти к Ироду он помогал Антигону, сыну Аристобула, и главным образом за счет Фабия, которого Антигон сделал своим помощником деньгами и, соответственно, имел его на своей стороне, когда он спустился; но Птолемей, родственник Антигона, обеспечивал все, что ему было нужно.
3. Когда Ирод сражался против них на улицах Иудеи, он был победителем в битве, и изгнал Антигона, и возвратился в Иерусалим, любимый всеми за славный поступок, который он совершил; ибо те, кто прежде не благоволил ему, теперь присоединились к нему из-за его брака с семьей Гиркана; ибо, как он прежде женился на жене из своей страны, не имевшей неблагородной крови, которая называлась Дорис, от которой он родил Антипатра; так он женился на Мариамне, дочери Александра, сына Аристобула и внучке Гиркана, и стал таким образом родственником царя.
4. Но когда Цезарь и Антоний убили Кассия под Филиппами, и Цезарь отправился в Италию, а Антоний в Азию, среди других городов, которые посылали послов к Антонию в Вифинию, пришли также великие мужи иудейские и обвинили Фазеля и Ирода в том, что они удерживают власть силой и что Гиркан имеет не более чем почетное имя. Ирод, по-видимому, был готов ответить на это обвинение и, сделав Антония своим другом благодаря большим суммам денег, которые он ему дал, привел его в такое состояние, что он не слышал, чтобы другие говорили против него, и таким образом они расстались в это время.
5. Однако после этого к Дафне через Антиохию к Антонию, который уже был влюблен в Клеопатру до степени рабства, пришла сотня главных мужей из иудеев; эти иудеи поставили на первое место тех мужей, которые были наиболее сильны как в достоинстве, так и в красноречии, и обвинили братьев. (17) Но Мессала противостоял им и защищал братьев, и это в то время,

как Гиркан стоял рядом с ним из-за его отношения к ним. Выслушав обе стороны, Антоний спросил Гиркана, какая партия наиболее подходит для управления, и тот ответил, что Ирод и его партия наиболее подходят. Антоний был рад этому ответу, так как его отец Антипатр, когда он шел в Иудею вместе с Габинием, оказал ему гостеприимное и любезное обращение; поэтому он назначил братьев тетрархами и поручил им управление Иудеей.

6. Но когда послы возмутились этим порядком, Антоний взял пятнадцать из них и заключил их под стражу, которых он также собирался вскоре убить, а остальных прогнал с позором; по этому случаю в Иерусалиме поднялось еще большее смятение; поэтому они снова послали тысячу послов в Тир, где теперь жил Антоний, когда он шел в Иерусалим; на этих людей, поднявших шум, он послал губернатора Тира и приказал ему наказать всех, кого он мог поймать из них, и поселить в управлении тех, кого он сделал своими людьми тетрархи.

7. Но перед этим Ирод и Гиркан вышли на берег моря и горячо желали от этих послов, чтобы они не навлекли разорения на себя и войны на свою родную страну своими опрометчивыми распрями; и когда они стали еще более возмутительными, Антоний послал вооруженных людей и убил очень многих и ранил еще больше их; из которых те, которые были убиты, были похоронены Гирканом, а раненые были отданы им на попечение врачей; но те, кто уцелел, не успокоились, а привели дела города в такой беспорядок и так разозлили Антония, что он убил и тех, кого держал в оковах.

ГЛАВА 13.

ПАРФЯНЕ ВОЗВРАЩАЮТ АНТИГОНА В ИУДЕЮ И БРОСАЮТ ГИРКАНА И ФАЗЕЛЯ В ТЕМНИЦУ. БЕГСТВО ИРОДА, ВЗЯТИЕ ИЕРУСАЛИМА И СТРАДАНИЯ ГИРКАНА И ФАЗЕЛЯ.

1. Два года спустя, когда Варзафарн, наместник парфян, и Феор, сын царя, овладели Сирией, и когда Лисаний уже после смерти своего отца Птолемея, сына Меннея, стал правителем Халкиды,

он уговорил наместника обещанием тысячи талантов и пятисот женщин вернуть Антигона в его царство и изгнать из него Гиркана. Таким образом, Пакор был принужден к этому и двинулся вдоль морского побережья, в то время как он приказал Варзафарну напасть на евреев, когда он шел по средиземноморской части страны; но из морского народа тирийцы не приняли Пакора, хотя Птолемаиды и Сидона приняли его; поэтому он поручил отряд своей лошади одному виночерпию, принадлежащему к царской семье, по его собственному имени [Пакор], и дал ему приказ идти в Иудею, чтобы узнать положение дел среди их врагов, а также узнать, что происходит между ними и помогать Антигону, когда ему понадобится его помощь.

2. Когда же эти люди опустошали Кармил, многие из иудеев побежали вместе к Антигону и показали, что готовы совершить вторжение в страну; и он послал их прежде в то место, называемое Дрим, [лес (18)], чтобы захватить это место; после чего между ними произошла битва, и они прогнали врага, и преследовали их, и бежали за ними до самого Иерусалима, и по мере того, как их число увеличивалось, они шли до самого царского дворца.; но когда Гиркан и Фазель встретили их с сильным отрядом, на рыночной площади произошло сражение, в котором отряд Ирода разбил врага, запер их в храме и поставил шестьдесят человек в соседних домах для охраны. Но народ, бунтовавший против братьев, пришел и сжег этих людей; а Ирод, в ярости своей за убийство их, напал и убил многих из народа, так что одна партия совершала набеги на другую по очереди, день за днем, путем засад, и между ними постоянно совершались убийства.

3. Когда же приблизился праздник, который мы называем Пятидесятницей, все места вокруг храма и весь город были полны множества людей, вышедших из страны, и большая часть их также была вооружена; в это время Фазель охранял стену, а Ирод с немногими охранял царский дворец; и когда он напал на своих врагов, когда они были вне своих рядов, на северную часть города, он убил очень большое число их и обратил их всех в бегство; и некоторые из них были убиты.заперты внутри города, а другие за внешним валом. Тем временем Антигон

пожелал, чтобы Пакор был допущен в качестве примирителя между ними, и Фазеля убедили впустить парфянина в город с пятью сотнями всадников и оказать ему гостеприимство, который сделал вид, что пришел усмирить смуту, но на самом деле пришел помочь Антигону; однако он составил заговор для Фазеля и убедил его отправиться послом в Варзафарн, чтобы положить конец войне, хотя Ирод был очень серьезен с ним в обратном и убеждал его убить заговорщика, но не подвергать себя ловушкам, которые он для него приготовил, потому что варвары по природе своей вероломны. Однако Пакор вышел и взял с собой Гиркана, чтобы его меньше подозревали; он также (19) оставил часть всадников, называемых Свободными, с Иродом и проводил Фазеля с остальными.

4. Но теперь, когда они пришли в Галилею, они обнаружили, что народ этой страны восстал и был вооружен, который очень хитро подошел к своему вождю и умолял его скрыть свои предательские намерения любезным поведением по отношению к ним; поэтому он сначала сделал им подарки, а затем, когда они ушли, устроил для них засаду; и когда они пришли в один из приморских городов, называемый Экдиппон, они поняли, что для них был приготовлен заговор; ибо там им сообщили об обещании тысячи талантов и о том, что Антигон посвятил парфянам наибольшее число женщин, находившихся там с ними, из пятисот; они также поняли, что варвары всегда устраивают им засаду в ночное время; они также были схвачены до этого, если только они не ждали захвата Ирода сначала в Иерусалиме, потому что, если бы ему сообщили об этом их предательстве, он позаботился бы о себе; и это не было простым сообщением, но они видели стражу уже недалеко от них.

5. Фазелю и в голову не пришло бы оставить Гиркана и бежать, хотя Офелий настойчиво убеждал его в этом, ибо этот человек узнал весь план заговора от Сарамаллы, самого богатого из всех сирийцев. Но Фазель подошел к парфилийскому правителю и упрекнул его в лицо за то, что он затеял против них этот коварный заговор, и главным образом за то, что он сделал это из-за денег; и он пообещал ему, что даст ему больше денег за их сохранение, чем Антигон обещал дать за царство. Но хитрый парфянин попытался снять все эти подозрения извинениями и

клятвами, а затем отправился [к другому] Пакору тот час же после этого те парфяне, которые остались и имели его во главе, схватили Фазеля и Гиркана, которые не могли сделать ничего, кроме как проклясть их вероломство и их лжесвидетельство.
6. Между тем виночерпий был послан [назад] и составил заговор, как схватить Ирода, обманув его и выведя из города, как ему было приказано. Но Ирод с самого начала заподозрил варваров и, получив известие, что гонец, который должен был доставить ему письма, извещавшие его о готовящемся предательстве, попал к врагу, не хотел выходить из города; хотя Пакор очень решительно заявил, что ему следует выйти и встретить гонцов, принесших письма, ибо враги не захватили их и что содержание их не рассказы о каких-либо заговорах против них, а о том, что сделал Фазаил, однако он слышал от других, что его брат схвачен, и Александра (20), самая проницательная женщина в мире, дочь Гиркана, умоляла его не выходить и не доверять себя тем варварам, которые теперь пришли, чтобы открыто покуситься на него.
7. В то время как Пакор и его друзья обдумывали, как бы им тайно осуществить свой заговор, потому что невозможно было обойти человека столь великого благоразумия, открыто напав на него, Ирод помешал им и ушел ночью с людьми, которые были наиболее близки к нему, и это без того, чтобы их враги узнали об этом. Но как только парфяне заметили это, они погнались за ними.; и когда он приказал своей матери, сестре и молодой женщине, которая была помолвлена с ним, с ее матерью и его младшим братом, сделать все возможное, он сам со своими слугами сделал все возможное, чтобы удержать варваров; и когда при каждом нападении он убивал очень многих из них, он пришел к сильному захвату Масады.
8. Мало того, он на собственном опыте убедился, что иудеи обрушились на него сильнее, чем парфяне, и постоянно причиняли ему неприятности, и это с тех пор, как он был удален от города на шестьдесят фарлонгов; это иногда приводило его к своего рода регулярному сражению. На том месте, где Ирод разбил их и убил множество, он впоследствии построил цитадель в память о великих деяниях, которые он совершил там, и украсил ее самыми дорогими дворцами, и воздвиг очень

сильные укрепления, и назвал ее от своего собственного имени Иродиумом. Теперь, когда они были в бегстве, многие присоединялись к нему каждый день; и в месте, называемом Фресса Идумея, его брат Иосиф встретил его и посоветовал ему избавиться от большого числа своих последователей, потому что Масада не будет содержать такого большого количества, которое было выше девяти тысяч. Ирод последовал этому совету и отослал самую тяжелую часть своей свиты, чтобы они могли отправиться в Идумею, и дал им провизию для путешествия; но он благополучно добрался до крепости со своими ближайшими родственниками и оставил с собой только самых храбрых из своих последователей.; и там он оставил восемьсот своих людей для охраны женщин и провизии, достаточной для осады, а сам поспешил в Петру Аравийскую.

9. Что же касается парфян в Иерусалиме, то они занялись грабежом и напали на дома бежавших и на царский дворец, не пощадив ничего, кроме денег Гиркана, которых было не более трехсот талантов. Они наживались и на чужих деньгах, но не так много, как надеялись; ибо Ирод, давно подозревавший вероломство варваров, позаботился о том, чтобы самое великолепное из его сокровищ было перевезено в Идумею, как и все принадлежащие ему. Но парфяне дошли до такой степени несправедливости, что наполнили всю страну войной, не осудив ее, и разрушили город Мариссу, и не только поставили Антигона царем, но и освободили Фазела и Гиркана, связанных в его руки, чтобы их мучил он. Сам Антигон также откусил уши Гиркану своими собственными зубами, когда тот упал перед ним на колени, чтобы он никогда не смог при любом изменении дел снова принять первосвященство, ибо первосвященники, которые совершали служение, должны были быть полными и без порока.

10. Однако он потерпел неудачу в своем намерении оскорбить Фазеля по причине его храбрости; ибо, хотя он не владел ни своим мечом, ни своими руками, он предотвратил все злоупотребления, разбив свою голову о камень; таким образом, он показал себя родным братом Ирода, а Гиркан самым выродившимся родственником, и умер с большой храбростью, и сделал конец своей жизни приятным для действий этого. Есть и

еще одно сообщение о его кончине, а именно: что он оправился от этого удара, и что хирург, посланный Антигоном, чтобы исцелить его, наполнил рану ядовитыми веществами и таким образом убил его; какой бы из этих смертей он ни пришел, начало ее было славным. Сообщается также, что перед смертью некая бедная женщина сообщила ему, как Ирод вырвался из их рук, и он сказал: "Теперь я умру с утешением, так как оставляю после себя живого, который отомстит за меня моим врагам".
11. Такова была смерть Фазеля; но парфяне, хотя и лишились женщин, которых они больше всего желали, все же отдали управление Иерусалимом в руки Антигона, и взяли Гиркана, и связали его, и перенесли в Парфию.

ГЛАВА 14.

КОГДА ИРОДА ОТВЕРГАЮТ В АРАВИИ, ОН СПЕШИТ В РИМ, ГДЕ АНТОНИЙ И ЦЕЗАРЬ ОБЪЕДИНЯЮТ СВОИ ИНТЕРЕСЫ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ЕГО ЦАРЕМ.

1. Ирод же тем более усердно продолжал свое путешествие в Аравию, что спешил получить деньги у царя, пока был еще жив его брат; только этими деньгами он надеялся убедить алчный нрав варваров пощадить Фазеля, ибо он рассуждал так сам с собой, что если арабский царь слишком забывал о дружбе своего отца с ним и был слишком алчен, чтобы сделать ему бесплатный подарок, то он, однако, занял бы у него столько, сколько мог бы выкупить своего брата, и вложил бы в его руки, как залог, сын того, кто должен был быть искуплен. Поэтому он привел с собой сына своего брата, которому было семь лет. Теперь он был готов отдать триста талантов за своего брата и намеревался просить заступничества тирианцев, чтобы они приняли его; однако судьба оказалась слишком быстрой для его усердия; и так как Фазель был мертв, братская любовь Ирода была теперь напрасной. Более того, он не смог найти прочной дружбы среди арабов; ибо их царь, Малих, немедленно послал к нему и приказал ему возвратиться из своей страны, и использовал имя парфян как предлог для этого, как будто они донесли ему своими послами, чтобы изгнать Ирода из Аравии; в то время как на самом деле они намеревались удержать то, что они должны

были Антипатру, и не быть обязанными воздавать его сыновьям за бесплатные дары, которые сделал им отец. Он также последовал дерзкому совету тех, кто, как и он сам, хотел лишить Ирода того, что Антипатр оставил среди них.; и эти люди были самыми могущественными из всех, кого он имел в своем царстве.
2. Итак, когда Ирод узнал, что арабы были его врагами, и это по тем самым причинам, по которым он надеялся, что они были бы самыми дружелюбными, и дал им такой ответ, как подсказывала его страсть, он вернулся назад и отправился в Египет. В первый же вечер он остановился в одном из храмов этой страны, чтобы встретиться с теми, кого он оставил, но на следующий день, когда он направлялся в Ринокуруру, ему принесли известие, что его брат умер и что он умер своей смертью; и когда он оплакал его так сильно, как только могли вынести его теперешние обстоятельства, он вскоре оставил эти заботы и продолжил свое путешествие. Но теперь, спустя некоторое время, царь Аравийский раскаялся в содеянном и вскоре послал гонцов, чтобы позвать его обратно; Ирод помешал им и прибыл в Пелузий, где не мог получить прохода от тех, кто находился с флотом, поэтому он умолял их военачальников отпустить его; поэтому, из уважения к славе и достоинству этого человека, они отвели его в Александрию; и когда он вошел в город, Клеопатра встретила его с большой пышностью, надеясь, что его удастся убедить быть командующим ее войсками в походе, который она теперь собиралась предпринять; но он отклонил просьбы царицы и не был ни тем, ни другим в разгар этой бури. потом случилось так, что, несмотря на волнения, царившие теперь в Италии, он отплыл в Рим.
3. Но так как он был в опасности около Памфилии и вынужден был выбросить большую часть корабельной погрузки, то он с трудом добрался благополучно до Родоса, места, которое сильно пострадало в войне с Кассием. Там он был принят своими друзьями, Птолемеем и Саппинием; и хотя он тогда нуждался в деньгах, он снарядил трехпалубный корабль очень большой величины, на котором он и его друзья отплыли в Брундузий (21) и оттуда со всей быстротой направились в Рим; где он прежде всего отправился к Антонию, по причине дружбы его отца с

ним, и изложил ему бедствия его самого и его семьи; и что он оставил своих ближайших родственников осажденными в крепости и приплыл к нему через бурю, чтобы умолять его о помощи.
4. После этого Антоний проникся состраданием к перемене, происшедшей в делах Ирода, и это было вызвано тем, что он вспомнил, как гостеприимно обращался с ним Антипатр, но в особенности из-за собственной добродетели Ирода; поэтому он решил сделать его царем Иудеев, которого он сам прежде сделал тетрархом. Соперничество, которое он вел с Антигоном, было еще одним побуждением, и оно имело не меньший вес, чем большое уважение, которое он питал к Ироду, ибо он считал Антигона мятежником и врагом римлян; что же касается Цезаря, то Ирод нашел его более подготовленным, чем Антоний, так как очень хорошо помнил войны, которые он пережил вместе со своим отцом, гостеприимное обращение, которое он встретил от него, и всю доброжелательность, которую он проявил к нему, кроме деятельности, которую он видел в самом Ироде. Поэтому он созвал сенат, где Мессала, а за ним и Атратин представили перед ними Ирода и дали полный отчет о заслугах своего отца и его собственной доброй воле к римлянам. В то же время они показали, что Антигон был их врагом не только потому, что он вскоре поссорился с ними, но и потому, что он теперь не обращал внимания на римлян и взял власть с помощью парфян. Эти доводы сильно взволновали сенат; в этот момент вошел Антоний и сказал им, что для их же пользы в парфянской войне царем должен быть Ирод; поэтому все они отдали за это свои голоса. И когда сенат разошелся, Антоний и Цезарь вышли, а между ними Ирод; в то время как консул и остальные магистраты шли перед ними, чтобы принести жертвы и положить декрет в Капитолий. Антоний также устроил пир для Ирода в первый день его царствования.

ГЛАВА 15.

АНТИГОН ОСАЖДАЕТ ТЕХ, КТО БЫЛ В МАСАДЕ, КОТОРЫХ ИРОД ОСВОБОЖДАЕТ ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ, КОГДА ОН ВЕРНУЛСЯ ИЗ РИМА, И ВСКОРЕ ИДЕТ В ИЕРУСАЛИМ, ГДЕ ОН НАХОДИТ СИЛОС, РАЗВРАЩЕННЫЙ ВЗЯТКАМИ.

1. В это время Антигон осадил находившихся в Масаде, имевших все необходимое в достаточном количестве, но нуждавшихся в воде; по этой причине Иосиф, брат Ирода, был расположен бежать к арабам с двумя сотнями своих друзей, потому что он слышал, что Малих раскаялся в своих проступках по отношению к Ироду; и он был так быстр, что уже покинул крепость, если только в ту самую ночь, когда он уезжал, не выпало много дождя, так что его резервуары были полны воды, и поэтому ему не нужно было убегать. После чего они напали на отряд Антигона и убили многих из них, некоторые в открытых сражениях, а некоторые в засадах; и не всегда их попытки были успешными, так как иногда они были разбиты и бежали.

2. Между тем римский военачальник Вентидий был послан из Сирии, чтобы сдержать набеги парфян; и после того, как он сделал это, он пришел в Иудею, действительно под предлогом, чтобы помочь Иосифу и его партии, но на самом деле, чтобы получить деньги от Антигона; и когда он разбил свой лагерь очень близко к Иерусалиму, как только он получил достаточно денег, он ушел с большей частью своих сил; но все же он оставил Силос с некоторой частью их, чтобы, если он забрал их всех, его захват был бы невозможен.взятки могли быть раскрыты слишком открыто. Теперь Антигон надеялся, что парфяне снова придут к нему на помощь, и поэтому в то же время поддерживал хорошие отношения с Силоном, чтобы его надеждам не помешали.

3. К этому времени Ирод отплыл из Италии и прибыл в Птолемаиду; и как только он собрал немалое войско иноземцев и своих соотечественников, он двинулся через Галилею против Антигона, где ему помогали Вентидий и Силон, которых Деллий, посланный Антонием, убедил привести Ирода [в свое

царство]. В это время Вентидий находился среди городов и составлял беспорядки, происшедшие при посредничестве парфян, как и Силон в Иудее, развращенный взятками, которые дал ему Антигон; однако сам Ирод не был лишен власти, но число его войск увеличивалось с каждым днем, и вся Галилея, за редким исключением, присоединилась к нему. Поэтому он предложил самому себе приступить к самому необходимому своему предприятию, и это была Масада, чтобы освободить своих родственников от осады, которую они пережили. Но Иоппия все еще стояла у него на пути и мешала ему идти туда, потому что сначала нужно было взять этот город, который был в руках врагов, чтобы, когда он пойдет в Иерусалим, ни одна крепость не осталась позади него во власти врагов. Сило также охотно присоединился к нему, так как имел теперь благовидный повод отвести свои войска [от Иерусалима]; и когда иудеи преследовали его и давили на него, [в его отступлении,] Ирод совершил на них весь поход с небольшим отрядом своих людей, и вскоре обратил их в бегство, и спас Сило, когда тот был в беде.

4. После этого Ирод взял Иоппию, а затем поспешил в Масаду, чтобы освободить своих родственников. Теперь, когда он шел, многие пришли к нему, побуждаемые их дружбой к его отцу, некоторые из-за репутации, которую он уже приобрел сам, а некоторые для того, чтобы отплатить за выгоды, которые они получили от них обоих; но все же больше всего на его стороне были надежды от него, когда он должен был утвердиться в своем королевстве; так что он уже собрал армию, которую трудно было победить. Но Антигон устроил ему засаду, в которой он почти не причинил вреда своим врагам. Тем не менее, он легко восстановил свои отношения снова, которые были в Масаде, а также в крепости Ресса, а затем двинулся в Иерусалим, где солдаты, которые были с Сило, присоединились к его собственным, как и многие из города, из страха перед его властью.

5. Когда же он разбил свой лагерь на западной стороне города, стражники, находившиеся там, пустили в них стрелы и метали дротики, в то время как другие выбежали отрядами и напали на тех, кто был впереди; но Ирод приказал объявить у стены, что

он пришел для блага народа и сохранения города, без всякого намерения отомстить своим открытым врагам, но даровать им забвение, хотя они были самыми упрямыми против него. Солдаты же, стоявшие за Антигона, подняли противный шум и не позволили никому ни услышать это воззвание, ни изменить свою партию; поэтому Антигон приказал своим войскам выбить врага со стен; поэтому они вскоре бросили в них свои дротики с башен и обратили их в бегство.
6. И тут Силон обнаружил, что он брал взятки, ибо он заставил многих солдат кричать о нехватке необходимых вещей и требовать их жалованья, чтобы купить себе еду, и требовать, чтобы он привел их в места, удобные для их зимних квартир, потому что все части города были опустошены войском Антигона, которое все забрало. Этим он двинул войско и попытался снять его с осады; но Ирод пошел к военачальникам, находившимся под Силосом, и к великому множеству солдат и умолял их не покидать его, посланного туда Цезарем, Антонием и сенатом, ибо он позаботился бы о том, чтобы их нужды были удовлетворены в тот же день. После этой просьбы он поспешно отправился в деревню и привез туда такое изобилие предметов первой необходимости, что пресек все притязания Сило.; и для того, чтобы в последующие дни они не нуждались в припасах, он послал к людям, находившимся около Самарии (город которой присоединился к нему), принести в Иерихон хлеб, вино, масло и скот. Когда Антигон услышал об этом, он послал часть своего отряда с приказом помешать и устроить засады для этих сборщиков зерна. Это повеление было исполнено, и великое множество вооруженных людей собралось вокруг Иерихона и расположилось на горах, чтобы наблюдать за теми, кто принес провизию. Однако Ирод не сидел сложа руки, а взял с собой десять когорт, пять из которых были римлянами, и пять-иудейскими когортами, вместе с некоторыми наемными войсками, смешанными между ними, и, кроме того, несколько всадников, и пришел в Иерихон; и когда он пришел, то увидел, что город опустел, но что там было пятьсот человек с женами и детьми, которые овладели вершинами гор; их он взял и отпустил, в то время как римляне напали на остальную часть города и разграбили его, найдя дома полными всякого добра. И

оставил царь гарнизон в Иерихоне, и возвратился, и послал римское войско в те города, которые перешли к нему, чтобы занять там свои зимние квартиры, а именно: в Иудею, или Идумею, и Галилею, и Самарию. Антигон также получил взятки от Силона, чтобы часть его армии была принята в Лидде в качестве комплимента Антонию.

ГЛАВА 16.

ИРОД БЕРЕТ СЕПФОРИЮ И УСМИРЯЕТ РАЗБОЙНИКОВ, НАХОДИВШИХСЯ В ПЕЩЕРАХ; ПОСЛЕ ЭТОГО ОН МСТИТ МАХЕРЕСУ, КАК СВОЕМУ ВРАГУ, И ИДЕТ К АНТОНИЮ, КАК ОН ОСАЖДАЛ САМОСАТУ.

1. ИТАК, римляне жили в изобилии и отдыхали от войны. Однако Ирод не остался в покое, а захватил Идумею и удержал ее с двумя тысячами пехотинцев и четырьмя сотнями всадников; и это он сделал, послав туда своего брата Иосифа, чтобы Антигон не мог ничего изменить. Он также перевез свою мать и всех своих родственников, которые были в Масаде, в Самарию; и когда он устроил их надежно, он двинулся, чтобы взять оставшиеся части Галилеи и прогнать гарнизоны, размещенные там Антигоном.
2. Но когда Ирод достиг Сепфориса (23) в очень сильный снегопад, он взял город без всякого труда; стражники, которые должны были удержать его, улетели, прежде чем он был атакован; где он дал возможность своим последователям, которые были в беде, освежиться, так как в этом городе было большое изобилие необходимых вещей. После чего он поспешил к разбойникам, находившимся в пещерах, которые захватили большую часть страны и причинили ее жителям столько зла, сколько могла бы причинить сама война. Поэтому он заранее послал три когорты пехотинцев и один отряд всадников в деревню Арбела и сам пришел через сорок дней (24) с остальными своими войсками, но не был врагом, сраженным его атакой, а встретил его с оружием в руках; ибо их искусство было искусством воинов, но их смелость была смелостью

разбойников; поэтому, когда дело дошло до решительного сражения, они обратили в бегство левое крыло Ирода своим правым крылом; но Ирод, внезапно развернувшись со своего правого крыла, пришел им на помощь, и оба заставили его собственное левое крыло вернуться назад от своего бегства, и напали на преследователей, и охладили их мужество, пока они не смогли вынести попыток, которые были сделаны прямо на них, и поэтому повернули назад и убежали.
3. Но Ирод последовал за ними и умертвил их, как он последовал за ними, и уничтожил большую часть их, пока те, которые остались, не были рассеяны за рекой [Иордан], и Галилея была освобождена от ужасов, которым они подвергались, за исключением тех, которые остались, и лежали скрытыми в пещерах, которые требовали большего времени, прежде чем они могли быть побеждены. Для этого Ирод, прежде всего, раздал воинам плоды их прежних трудов и дал каждому из них по сто пятьдесят драхм серебра и еще много их командирам и отправил их на зимние квартиры. Он также послал к своему младшему брату Фероасу, чтобы тот позаботился о хорошем рынке для них, где они могли бы купить себе провизию, и построил стену вокруг Александрия; который позаботился о том, чтобы оба эти предписания были выполнены соответственно.
4. Между тем Антоний жил в Афинах, а Вендидий звал Силона и Ирода на войну против парфян, но приказал им сначала уладить дела Иудеи; поэтому Ирод охотно отпустил Силона, чтобы отправиться к Вендидию, но сам отправился в поход против тех, кто лежал в пещерах. Теперь эти пещеры находились в обрывах скалистых гор, и к ним нельзя было подойти ни с какой стороны, так как они имели только несколько извилистых тропинок, очень узких, по которым они поднимались к ним; но скала, лежавшая перед ними, имела под собой долины огромной глубины и почти отвесного склона, так что король долго сомневался, что делать, по причине невозможности атаковать это место. И все же в конце концов он воспользовался хитростью, подвергавшейся величайшей опасности, ибо самых выносливых из своих людей он спустил в сундуках и поставил у входа в логово. Теперь эти люди убили

разбойников и их семьи, и когда они оказали сопротивление, они послали на них огонь [и сожгли их]; и так как Ирод желал спасти некоторых из них, то он объявил, чтобы они пришли и предали себя ему; но ни один из них не пришел к нему добровольно; и из тех, кто был вынужден прийти, многие предпочли смерть плену. И вот некий старец, отец семерых детей, чьи дети вместе с матерью хотели, чтобы он разрешил им выйти, по поручению и правой руке, которая была им предложена, убил их следующим образом: Он приказал каждому из них выйти, а сам стоял у входа в пещеру и убил того сына своего, который постоянно выходил. Ирод был достаточно близко, чтобы увидеть это зрелище, и его сердце сжалось от сострадания, и он протянул правую руку к старику и умолял его пощадить своих детей.; и все же он нисколько не смилостивился над тем, что сказал, но снова и снова упрекал Ирода в низости его происхождения и убил его жену, а также его детей; и когда он бросил их мертвые тела в пропасть, он, наконец, бросился вниз вслед за ними.

5. Таким образом Ирод подчинил себе эти пещеры и разбойников, которые были в них. Затем он оставил там часть своего войска, столько, сколько считал достаточным для предотвращения мятежа, и сделал Птолемея своим военачальником, и возвратился в Самарию; он также привел с собой три тысячи вооруженных пехотинцев и шестьсот всадников против Антигона. И вот здесь те, кто поднимал смуту в Галилее, получив такую свободу после его ухода, неожиданно напали на Птолемея, военачальника его войск, и убили его.; они также опустошили местность, а затем удалились в болота и в места, которые было нелегко найти. Но когда Ирод узнал об этом восстании, он немедленно пришел на помощь стране и уничтожил большое число мятежников и поднял осады всех тех крепостей, которые они осаждали; он также взыскал дань в сто талантов со своих врагов в качестве наказания за изменения, которые они произвели в стране.

6. К этому времени (парфяне были уже изгнаны из страны, а Пакор убит) Вентидий, по приказу Антония, послал против Антигона тысячу всадников и два легиона в качестве вспомогательных войск Ирода. Тогда Антигон обратился к

Махересу, который был их военачальником, с письмом, чтобы он пришел к нему на помощь, и сделал много скорбных жалоб на насилие Ирода и на ущерб, который он нанес царству, и обещал дать ему деньги за такую помощь; но он не согласился на его приглашение предать его доверие, потому что он не презирал того, кто послал его, особенно в то время как Ирод дал ему больше денег, чем другой предложил. Поэтому он сделал вид, что дружит с Антигоном, но явился как шпион, чтобы узнать о его делах, хотя и не подчинился Ироду, который отговорил его от этого. Но Антигон заранее понял, каковы были его намерения, и изгнал его из города, и защищался от него, как от врага, со стен, пока Махерас не устыдился того, что сделал, и не удалился в Эммаус к Ироду; и так как он был в ярости от своего разочарования, он убил всех евреев, с которыми он встречался, не щадя тех, которые были для Ирода, но используя их всех, как если бы они были для Антигона.

7. После этого Ирод очень рассердился на него и собирался сразиться с Махерасом как со своим врагом; но он сдержал свое негодование и пошел к Антонию, чтобы обвинить Махераса в плохом управлении. Но Мачерасу стало известно о его проступках, и он немедленно последовал за королем, горячо умоляя и добиваясь, чтобы тот примирился с ним. Однако Ирод не отказался от своего решения идти к Антонию; но когда он услышал, что он осаждает Самосату (25) с большим войском, который является сильным городом вблизи Евфрата, он сделал большую поспешность; как бы заметив, что это была подходящая возможность для того, чтобы сразу же показать свою храбрость и сделать то, что очень бы помогло Антонию. В самом деле, когда он пришел, он вскоре положил конец этой осаде и убил большое количество варваров и взял у них большую добычу, так что Антоний, который раньше восхищался его храбростью, теперь восхищался ею еще больше. Поэтому он осыпал его еще большими почестями и дал ему более уверенные надежды на то, что он получит свое царство; и теперь царь Антиох был вынужден выдать Самосату.

ГЛАВА 17.

СМЕРТЬ ИОСИФА (БРАТА ИРОДА), О КОТОРОЙ ИРОДУ ГОВОРИЛИ ВО СНЕ. КАК ИРОД БЫЛ СОХРАНЕН ДВАЖДЫ ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ. ОН ОТРУБАЕТ ГОЛОВУ ПАППУ, КОТОРЫЙ БЫЛ УБИЙЦЕЙ ЕГО БРАТА, И ПОСЫЛАЕТ ЭТУ ГОЛОВУ ФЕРОРУ, И ВСКОРЕ ОН ОСАЖДАЕТ ИЕРУСАЛИМ И ЖЕНИТСЯ НА МАРИАМНЕ.

1. Между тем дела Ирода в Иудее находились в плачевном состоянии. Он оставил своего брата Иосифа с полной властью, но поручил ему не предпринимать никаких попыток против Антигона до его возвращения, так как Махерас не будет таким помощником, на которого он мог бы положиться, как это было видно из того, что он уже сделал; но как только Иосиф услышал, что его брат находится на очень большом расстоянии, он пренебрег полученным поручением и двинулся к Иерихону с пятью когортами, которые Махерас послал с ним. Это движение предназначалось для захвата кукурузы, как это было теперь в разгар лета; но когда враги напали на него в горах и в труднодоступных местах, он сам был убит, так как он очень храбро сражался в битве, и все римские когорты были уничтожены; ибо эти когорты были вновь поднятыми людьми, собранными из Сирии, и среди них не было смеси тех, кого называли ветеранами, которые могли бы поддержать тех, кто был неумел в войне.
2. Эта победа не была достаточной для Антигона, но он дошел до такой степени ярости, что варварски обошелся с мертвым телом Иосифа, ибо, завладев телами убитых, он отрубил ему голову, хотя его брат Ферор отдал бы за нее пятьдесят талантов в качестве выкупа. И вот после этой победы Антигона дела Галилеи пришли в такое смятение, что люди из партии Антигона привели главных людей, находившихся на стороне Ирода, к озеру и там утопили их. Большие перемены произошли также в Идумеи, где Махерас строил стену вокруг одной из крепостей, которая называлась Гитта. Но Ирод еще не был осведомлен об этом, потому что после взятия Самосаты, когда Антоний поставил Сосия во главе сирийских дел и приказал ему помогать Ироду против Антигона, он отправился в Египет; но Сосий

послал два легиона перед собой в Иудею, чтобы помочь Ироду, и вскоре последовал за ним сам с остальной своей армией.

3. Когда Ирод был в Дафне, близ Антиохии, ему снились сны, ясно предвещавшие смерть его брата; и когда он в смятении вскочил с постели, пришли вестники, которые известили его об этом бедствии. Поэтому, оплакав это несчастье на некоторое время, он отложил основную часть своего траура и поспешил выступить против своих врагов; и когда он совершил поход, который был выше его сил, и дошел до Либана, он взял себе в помощники восемьсот человек из тех, которые жили вблизи этой горы, и присоединился к ним один римский легион, с которым, прежде чем наступил день, он вторгся в Галилею, и встретил своих врагов, и прогнал их обратно на то место, которое они оставили. Он также предпринял немедленную и непрерывную атаку на крепость. И все же страшнейшая буря вынудила его разбить лагерь в соседних деревнях, прежде чем он смог взять его. Но когда через несколько дней второй легион, пришедший от Антония, присоединился к нему, неприятель был поражен его силой и оставил свои укрепления на ночь.

4. После этого он прошел через Иерихон, стараясь как можно скорее отомстить убийцам своего брата; где с ним случилось провидческое знамение, из которого, когда он неожиданно спасся, он имел репутацию очень дорогого Богу; ибо в тот вечер там пировали с ним многие из главных людей; и после того, как этот пир закончился, и все гости ушли, дом немедленно рухнул. И так как он счел это общим сигналом о том, каким опасностям он должен подвергнуться и как ему избежать их в войне, которую он вел, то утром он двинулся вперед со своим войском, когда около шести тысяч его врагов сбежали с гор и начали сражаться с теми, кто был в первых рядах; однако они не осмелились вступить в рукопашную с римлянами, а бросили в них камни и дротики на расстоянии; таким образом они ранили значительное число; в этом действии собственная сторона Ирода была ранена дротиком.

5. Так как Антигон хотел казаться превосходящим Ирода не только в храбрости, но и в числе своих людей, то он послал Паппа, одного из своих спутников, с войском против Самарии, которому посчастливилось выступить против Махеры; но Ирод

захватил вражескую страну, разрушил пять небольших городов, уничтожил две тысячи человек, находившихся в них, и сжег их дома, а затем вернулся в свой лагерь; но его штаб находился в деревне, называемой Кана.
6. И вот, великое множество иудеев приходило к нему каждый день, как из Иерихона, так и из других частей страны. Некоторые поступали так из ненависти к Антигону, а некоторые из уважения к славным деяниям Ирода, но других вело неразумное желание перемен, поэтому он немедленно напал на них. Что же касается Паппа и его отряда, то они не испугались ни их числа, ни их рвения, но с большой готовностью выступили вперед, чтобы сразиться с ними, и дело дошло до рукопашной схватки. Теперь другие части их армии некоторое время оказывали сопротивление; но Ирод, идя на крайний риск, из-за ярости, в которой он был убит своим братом, чтобы отомстить тем, кто был виновен в этом, вскоре победил тех, кто противостоял ему; и после того, как он победил их, он всегда обращал свое войско против тех, кто все еще стоял против него, и преследовал их всех; так что была произведена большая резня, в то время как некоторые были вынуждены вернуться в ту деревню, откуда они вышли; он также сильно надавил на самых задних и убил огромное количество их; он также попал в деревню с врагом, где каждый дом был наполнен вооруженными людьми, а верхние комнаты были переполнены солдатами для их защиты; и когда он избил тех, кто был снаружи, он разнес дома на куски и вырвал те, которые были внутри; на многих он разрушил крыши, в результате чего они погибли кучами; а что касается тех, кто бежал из руин, солдаты приняли их с мечами в руках; и множество убитых и лежащих на кучах было так велико, что победители не могли пройти мимо них дороги. Враг же не мог вынести этого удара, так что, когда собравшаяся толпа увидела, что те, кто был в деревне, убиты, они рассеялись и убежали; уверившись в этой победе, Ирод немедленно двинулся в Иерусалим, если только ему не помешала глубокая зима. Это было то препятствие, которое лежало на пути всего его славного продвижения, и было то, что мешало Антигону быть теперь побежденным, который уже был расположен оставить город.

7. Когда же вечером Ирод уже отпустил своих друзей освежиться после усталости, и когда он сам ушел, когда ему было еще жарко в своих доспехах, как простому солдату, чтобы помыться, и имел только одного слугу, который сопровождал его, и прежде чем он вошел в баню, один из врагов встретил его лицом к лицу с мечом в руке, а затем второй, и третий, и после этого их было больше; это были люди, которые убежали из битвы в баню в своих доспехах, и они лежали там некоторое время в своих доспехах., большой ужас, и в уединении; и когда они увидели царя, они задрожали от страха и побежали мимо него в бегство, хотя он был голый, и попытались выйти на общественную дорогу. Теперь, по счастливой случайности, поблизости не было никого, кто мог бы схватить этих людей, и Ирод был доволен тем, что сам не пострадал, так что все они благополучно ушли.
8. Но на другой день Ирод приказал отрубить голову Паппу, который был военачальником Антигона и был убит в битве, и послал ее своему брату Ферору в наказание за их убитого брата, ибо он был тем человеком, который убил Иосифа. На исходе зимы Ирод двинулся к Иерусалиму и привел свое войско к его стене; это был третий год с тех пор, как он стал царем в Риме; поэтому он разбил свой лагерь перед храмом, потому что с этой стороны он мог быть осажден, и там Помпей взял город. Поэтому он разделил работу между армией и разрушил предместья, поднял три берега и приказал построить башни на этих берегах, а самого трудолюбивого из своих знакомых оставил на работах. Но он сам отправился в Самарию, чтобы взять в жены дочь Александра, сына Аристобула, которая была помолвлена с ним прежде, как мы уже говорили; и таким образом он сделал это между прочим, во время осады города, ибо он уже имел своих врагов в большом презрении.
9. Женившись таким образом на Мариамне, он возвратился в Иерусалим с большим войском. Сосий также присоединился к нему с большой армией, состоящей из всадников и пехотинцев, которую он послал впереди себя через срединные земли, в то время как сам шел вдоль Финикии; и когда вся армия была собрана вместе, а это были одиннадцать полков пехотинцев и шесть тысяч всадников, кроме сирийских вспомогательных

войск, которые составляли немалую часть армии, они разбили свой лагерь недалеко от северной стены. Ирод зависел от указа сената, которым он был провозглашен царем; и Сосий полагался на Антония, который послал войско, находившееся под его началом, на помощь Ироду.

ГЛАВА 18.

О ТОМ, КАК ИРОД И СОСИЙ ВЗЯЛИ ИЕРУСАЛИМ СИЛОЙ, И О ТОМ, К КАКОЙ СМЕРТИ ПРИШЕЛ АНТИГОН, А ТАКЖЕ О СКУПОМ НРАВЕ КЛЕОПАТРЫ.

1. ТОГДА множество иудеев, находившихся в городе, разделилось на несколько групп, ибо люди, толпившиеся вокруг храма, будучи более слабой их частью, выдавали, что, как и в прежние времена, он был самым счастливым и самым религиозным человеком, который должен был умереть первым. Но что касается более смелых и выносливых людей, то они собирались в отряды и грабили других различными способами, и эти особенно грабили места, которые были вокруг города, и это потому, что не оставалось пищи ни для лошадей, ни для людей; тем не менее, некоторые из воинственных людей, которые привыкли регулярно сражаться, были назначены защищать город во время осады, и они оттеснили тех, кто поднял берега от стены; и они всегда изобретали ту или иную машину, чтобы быть помехой для машин противника; и они не имели такого успеха, как в шахтах под землей.
2. Что же касается грабежей, которые совершались, то король распорядился устроить засады так, чтобы они могли задержать их вылазки, а что касается недостатка провизии, то он распорядился, чтобы ее доставляли к ним издалека. Он также был слишком суров для евреев, благодаря искусству римлян в военном искусстве; хотя они были смелы до крайности, теперь они не осмелились вступить в открытую битву с римлянами, которая была верной смертью; но через свои мины под землей они внезапно появлялись среди них, и прежде чем они могли пробить одну стену, они строили другую вместо нее; и, подводя итог всему сразу, они не выказывали никакого недостатка ни в

кропотливости, ни в изобретательности, как решившие продержаться до самого последнего. И действительно, несмотря на то, что вокруг них лежало такое большое войско, они выдержали осаду в течение пяти месяцев, пока некоторые из избранных Иродом людей не отважились взобраться на стену и не пали в город, как это сделали центурионы Сосия после них; и вот они прежде всего схватились за то, что было вокруг храма; и после вливания армии повсюду было убито огромное множество людей, по причине ярости, в которой римляне были в течение всей этой осады, и по причине того, что иудеи, окружавшие Ирода, искренне старались, чтобы никто из их противников не остался; поэтому они были разрублены на куски великим множеством людей, когда они толпились на узких улицах и в домах или убегали в храм; и не было никакой милости ни к младенцам, ни к старикам, ни к слабому полу; до такой степени, что, хотя царь посылал за ними и желал, чтобы они пощадили народ, никого нельзя было убедить удержать их правую руку от убийства, но они убивали людей всех возрастов, как сумасшедшие. Тогда Антигон, не обращая никакого внимания ни на свое прежнее, ни на нынешнее состояние, спустился из крепости и упал к ногам Сосия, который, ничуть не жалея его, при перемене его положения, безмерно смеялся над ним и называл его Антигоной. (26) Но он не обращался с ним, как с женщиной, и не отпускал его на свободу, но связывал его и держал под стражей.

3. Но забота Ирода в настоящее время, когда он подчинил себе своих врагов, состояла в том, чтобы сдержать рвение своих чужеземных помощников, ибо множество чужеземцев очень желало увидеть храм и то, что было священно в самом святом доме; но царь старался сдержать их отчасти своими увещеваниями, отчасти угрозами, более того, отчасти силой, так как думал, что победа хуже поражения для него, если они увидят что-либо, чего не следует видеть. В то же время он запретил разорять город, самым серьезным образом спрашивая Сосия, не хотят ли римляне, опустошив таким образом город от денег и людей, оставить его царем пустыни, и сказал ему, что, по его мнению, владычество над обитаемой землей - слишком малая компенсация за убийство стольких граждан. И когда

Сосий сказал, что это было только для того, чтобы позволить солдатам эту добычу в награду за то, что они пострадали во время осады, Ирод ответил, что он даст каждому из солдат награду из своих собственных денег. Таким образом, он купил освобождение своей страны, и выполнил свои обещания им, и сделал подарки в великолепной манере каждому солдату, и пропорционально их командирам, и с самой царской щедростью самому Сосию, в результате чего никто не ушел, кроме как в богатом состоянии. После этого Сосий посвятил Богу золотой венец, а затем ушел из Иерусалима, уводя Антигона в узах к Антонию; тогда топор привел его к смерти (27), который все еще имел страстное желание жизни и некоторые холодные надежды на нее до последнего, но своим трусливым поведением вполне заслуживал смерти.
4. После этого царь Ирод отличил толпу, находившуюся в городе, и тех, кто был на его стороне, он сделал еще более своими друзьями, оказав им почести; но тех, кто принадлежал к партии Антигона, он убил; и когда его деньги иссякли, он превратил все украшения, которые у него были, в деньги и послал их Антонию и окружающим. И все же он не мог этим купить себе освобождение от всех страданий, ибо Антоний был теперь околдован своей любовью к Клеопатре и совершенно покорен ее чарами. Клеопатра же предала смерти всех своих родичей, пока не осталось в живых никого из близких ей по крови, и после этого она пала, убивая тех, кто никак не был с ней связан. Поэтому она клеветала на главных мужей сирийцев перед Антонием и уговаривала его убить их, чтобы она могла легко стать хозяйкой того, что у них было; более того, она распространяла свое алчное чувство юмора на евреев и арабов и тайно трудилась над тем, чтобы Ирод и Малих, цари обоих этих народов, были убиты по его приказу.
5. На эти ее наставления Антонию он отчасти подчинился; ибо хотя он и считал слишком отвратительным делом убивать таких добрых и великих царей, тем не менее он был тем самым отчужден от дружбы, которую питал к ним. Он также отнял у них большую часть их страны; нет, даже плантацию пальм в Иерихоне, где также растет бальзамическое дерево, и даровал их ей; как и все города по эту сторону реки Елевфера, Тир и Сидон

(28), за исключением. И когда она стала их хозяйкой и проводила Антония в его походе против парфян до Евфрата, она пришла через Апамию и Дамаск в Иудею, и там Ирод усмирил ее негодование большими подарками. Он также нанял у нее те места, которые были отторгнуты от его царства, за годовую ренту в двести талантов. Он проводил ее также до Пелусия и оказал ей все возможные почести. Вскоре после этого Антоний вернулся из Парфии и привел с собой в плен Артабаза, сына Тиграна, в подарок Клеопатре; за это парфянин вскоре был отдан ей вместе со своими деньгами и всей добычей, которая была взята с ним.

ГЛАВА 19.

КАК АНТОНИЙ ПО НАСТОЯНИЮ КЛЕОПАТРЫ ПОСЛАЛ ИРОДА ВОЕВАТЬ ПРОТИВ АРАБОВ; И ВОТ ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ СРАЖЕНИЙ ОН НАКОНЕЦ ОДЕРЖАЛ ПОБЕДУ. КАК И В ОТНОШЕНИИ ВЕЛИКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ.

1. Когда же началась война за Акций, Ирод приготовился прийти на помощь Антонию, так как уже освободился от своих неприятностей в Иудее и получил Гирканию, которую занимала сестра Антигона. Однако ему хитро помешали принять участие в опасностях, которым подвергся Антоний из-за Клеопатры; поскольку, как мы уже отмечали, она замышляла заговор против царей [Иудеи и Аравии], она уговорила Антония передать войну против арабов Ироду; так что, если он станет лучше, она может стать владычицей Аравии или, если он будет побежден, Иудеи, и что она может уничтожить одного из этих царей другим.
2. Однако это ухищрение пошло на пользу Ироду, ибо он с самого начала взял заложников у неприятеля, собрал большой отряд конницы и приказал им выступить против них около Диеспуса; и он победил это войско, хотя оно решительно сражалось против него. После этого поражения арабы пришли в великое движение и собрались в Канате, городе Селестирии, в огромном множестве и ждали евреев. И когда Ирод прибыл туда, он старался вести эту войну с особой осторожностью и отдал приказ, чтобы они построили стену вокруг своего лагеря;

однако толпа не подчинилась этим приказам, но была так ободрена своей предыдущей победой, что вскоре напала на арабов и разбила их при первом натиске, а затем преследовала их; однако были ли расставлены ловушки для Ирода в этом преследовании, в то время как Афинион, который был одним из военачальников Клеопатры и всегда был противником Ирода, послал из Канаты людей этой страны против него; ибо при этом новом наступлении арабы набрались храбрости и возвратились назад, и оба соединили свои многочисленные силы вокруг каменистых мест, которые было трудно перейти, и там обратили людей Ирода в бегство и устроили великую резню; но те, которые уцелели после битвы, бежали в Ормизу, где арабы окружили их лагерь и взяли его со всеми людьми, находившимися в нем.
3. Через некоторое время после этого бедствия Ирод пришел, чтобы принести им помощь; но он пришел слишком поздно. Поводом для этого удара послужило то, что офицеры не подчинились приказу, ибо, если бы сражение не началось так внезапно, Афиний не нашел бы подходящего времени для расставленных им для Ирода силков; однако впоследствии он был даже с арабами и захватил их страну, причинив им больше вреда, чем могла компенсировать их единственная победа. Но когда он мстил своим врагам, на него обрушилось еще одно провидческое бедствие; ибо в седьмой (29) год его царствования, когда война вокруг Акциума была в разгаре, в начале весны, земля была потрясена и погубила огромное количество скота с тридцатью тысячами человек; но войско не получило никакого вреда, потому что оно лежало на открытом воздухе. Между тем известие об этом землетрясении возвысило арабов до еще большей храбрости, и это благодаря тому, что оно возросло до баснословной высоты, как это постоянно бывает при печальных происшествиях, и притворилось, что вся Иудея была повержена. Поэтому, полагая, что они легко получат в свою власть землю, лишенную жителей, они сначала принесли в жертву послов, пришедших к ним от Иудеев, а затем немедленно двинулись в Иудею. Иудейский народ был напуган этим вторжением и совершенно удручен величием своих бедствий, одно за другим; однако Ирод собрался вместе и

попытался ободрить их, чтобы защитить себя следующей речью, которую он произнес к ним.

4. "Теперешний страх, который вы испытываете, кажется мне, овладел вами совершенно необоснованно. Это правда, вы могли бы справедливо испугаться того провиденциального наказания, которое постигло вас; но позволить себе быть в равной степени напуганными вторжением людей это не по-мужски. Что же касается меня, то я так далек от того, чтобы после этого землетрясения нападать на наших врагов, что воображаю, будто Бог таким образом подложил арабам приманку, чтобы мы могли отомстить им.; ибо их нынешнее вторжение происходит больше от наших случайных несчастий, чем от того, что они сильно зависят от своего оружия или от своей собственной пригодности к действию. Эта надежда, которая зависит не от собственной силы людей, а от неудач других, очень щекотлива, ибо среди людей нет уверенности ни в их плохих, ни в хороших судьбах; но мы легко можем заметить, что удача изменчива и переходит с одной стороны на другую; и это вы легко можете узнать на примерах между собой; ибо когда вы были когда-то победителями в прежней битве, ваши враги одолели вас в конце концов.; и очень вероятно, что теперь случится так, что те, которые думают, что непременно побьют вас, сами будут избиты. Ибо когда люди очень уверены в себе, они не настороже, в то время как страх учит людей действовать с осторожностью; так что я осмеливаюсь доказать самой вашей робостью, что вы должны набраться храбрости; ибо когда вы были смелее, чем следовало бы, и чем я хотел бы, и шли дальше, предательство Афиниона имело место; но ваша теперешняя медлительность и кажущееся уныние ума являются для меня залогом и гарантией победы. И действительно, заранее подобает быть таким предусмотрительным; но когда мы приступаем к действию, мы должны возвысить наши умы и заставить наших врагов, будь они когда-либо такими злыми, поверить, что ни одно человеческое, ни одно провидческое несчастье никогда не может подавить мужество евреев, пока они живы; и никто из них никогда не упустит араба или не допустит, чтобы такой человек стал господином своих благ, которых он каким-то образом взял в плен, и это также много раз. И не беспокойтесь о

сотрясении неодушевленных существ, и не воображайте, что это землетрясение есть признак другого бедствия; ибо такие воздействия стихий сообразны с ходом природы, и это не имеет никакого значения для людей, кроме того вреда, который оно причиняет непосредственно само по себе. Может быть, в случае чумы, голода и землетрясений может наступить какое-нибудь короткое знамение заранее; но сами эти бедствия имеют свою силу, ограниченную ими самими [без предчувствия какого-либо другого бедствия]. И в самом деле, какое большее зло может принести нам война, хотя бы она и была жестокой, чем землетрясение? Нет, виден сигнал о гибели наших врагов, и этот сигнал также очень велик; и он не является естественным и не происходит от руки чужеземцев, но он заключается в том, что они варварски убили наших послов, вопреки общему закону человечества; и они уничтожили так много, как если бы они почитали их жертвами для Бога, в связи с этой войной. Но они не избегнут ни его великого ока, ни его непобедимой правой руки; и мы скоро отомстим им, если у нас еще останется хоть капля мужества наших предков, и мы смело восстанем, чтобы наказать этих нарушителей завета. Поэтому пусть каждый идет и сражается не столько за свою жену или своих детей, или за опасность, в которой находится его страна, сколько за этих наших послов; эти мертвые послы будут вести нашу войну лучше, чем мы сами, которые живы. И если вы хотите, чтобы вами управлял я, я сам пойду перед вами навстречу опасности, ибо вы достаточно хорошо знаете, что ваша храбрость непреодолима, если только вы не повредите себе опрометчивым поступком. (30)

5. Когда Ирод ободрил их этой речью и увидел, с какой готовностью они пошли, он принес жертву Богу; и после этой жертвы он перешел реку Иордан со своим войском и разбил свой лагерь около Филадельфии, недалеко от врага, и около укрепления, которое лежало между ними. Затем он выстрелил в них на расстоянии и хотел вскоре вступить в бой; ибо некоторые из них были посланы заранее, чтобы захватить это укрепление; но царь послал некоторых, которые немедленно выбили их из укрепления, в то время как он сам пошел в авангарде армии, которую он поставил в боевой порядок каждый день, и

пригласил арабов сражаться. Но так как никто из них не вышел из своего лагеря, так как они были в ужасном страхе, а их военачальник Элфем не мог сказать ни слова от страха, то Ирод напал на них и разнес их укрепления в клочья, чем они были вынуждены выйти на бой, что они и сделали в беспорядке, так что всадники и пехотинцы смешались вместе. Они действительно превосходили евреев числом, но уступали им в живости, хотя и были вынуждены подвергать себя опасности самим своим отчаянием в победе.

6. В то время как они сопротивлялись, у них не было большого числа убитых; но как только они повернули назад, многие были растоптаны иудеями, а многие сами по себе, и так погибли, пока пять тысяч не упали замертво в своем бегстве, в то время как остальная часть толпы предотвратила их немедленную смерть, толпясь в укреплениях. Ирод окружил их и осадил; и в то время как они были готовы быть взятыми врагами с оружием в руках, они испытывали еще одно дополнительное бедствие жажду и недостаток воды; ибо царь был выше того, чтобы слушать их послов, и когда они предложили пятьсот талантов в качестве платы за их искупление, он еще сильнее надавил на них. И когда они сгорели от жажды, они вышли и добровольно предали себя толпами иудеям, пока через пять дней четыре тысячи из них не были заключены в узы; и на шестой день множество оставшихся отчаялось спастись и вышло на битву; с ними сражался Ирод и снова убил около семи тысяч, так что он так жестоко наказал Аравию и так угасил дух людей, что народ избрал его своим правителем.

ГЛАВА 20.

ИРОД УТВЕРЖДАЕТСЯ В СВОЕМ ЦАРСТВЕ ЦЕЗАРЕМ И УКРЕПЛЯЕТ ДРУЖБУ С ИМПЕРАТОРОМ ВЕЛИКОЛЕПНЫМИ ПОДАРКАМИ, В ТО ВРЕМЯ КАК ЦЕЗАРЬ ОТВЕЧАЕТ НА ЕГО ДОБРОТУ, ДАРУЯ ЕМУ ТУ ЧАСТЬ СВОЕГО ЦАРСТВА, КОТОРАЯ БЫЛА ОТНЯТА У НЕГО КЛЕОПАТРОЙ, С ДОБАВЛЕНИЕМ ТАКЖЕ СТРАНЫ ЗЕНОДОРА.

1. НО теперь Ирод был непосредственно озабочен самым важным делом из-за своей дружбы с Антонием, который уже был побежден Цезарем в Акциуме; однако он был больше

напуган, чем ранен, потому что Цезарь не думал, что он полностью уничтожил Антония, в то время как Ирод продолжал помогать ему. Однако царь решил подвергнуть себя опасности: поэтому он отплыл на Родос, где тогда жил Цезарь, и пришел к нему без диадемы, в одежде и внешности частного лица, но в своем поведении как царь. Поэтому он ничего не скрывал от истины, но сказал так перед своим лицом: "О Цезарь, как Антоний сделал меня царем иудейским, так и я утверждаю, что использовал свою царскую власть наилучшим образом и исключительно для его пользы; и не буду скрывать далее, что ты, несомненно, нашел бы меня вооруженным и неразлучным его спутником, если бы арабы не помешали мне. Однако я послал ему столько вспомогательных войск, сколько смог, и много десяти тысяч [кориев] зерна. Нет, я не бросил своего благодетеля после поклона, который был дан ему в Акциуме.; но я дал ему лучший совет, на который был способен, когда уже не мог помочь ему в войне; и я сказал ему, что есть только один способ восстановить его дела, а именно убить Клеопатру; и я пообещал ему, что, если она когда-нибудь умрет, я дам ему деньги и стены для его безопасности, с армией и собой, чтобы помочь ему в его войне против тебя; но его любовь к Клеопатре заткнула ему уши, как и сам Бог, который даровал тебе власть. Я владею собой также, чтобы быть побежденным вместе с ним; и с его последним счастьем я отложил свою диадему и пришел сюда к тебе, надеясь на безопасность твоей добродетели; и я хочу, чтобы ты сначала подумал, каким верным другом, а не чьим другом я был".

2. Цезарь ответил ему так: "Нет, ты не только будешь в безопасности, но и станешь царем; и это будет более прочно, чем прежде; ибо ты достоин царствовать над великим множеством подданных благодаря крепкой дружбе твоей; и постарайся быть столь же постоянным в своей дружбе ко мне, полагаясь на мой добрый успех, на который я рассчитываю от щедрости твоего расположения. Впрочем, Антоний хорошо сделал, что предпочел тебе Клеопатру, ибо таким образом мы обрели тебя благодаря ее безумию, и таким образом ты стал моим другом прежде, чем я стал твоим; поэтому Квинт Дидий написал мне, что ты послал ему помощь против гладиаторов.

Поэтому я уверяю тебя, что я утвердлю царство тебе указом; я также постараюсь оказать тебе еще какую-нибудь милость в будущем, чтобы ты не нашел никакой потери в недостатке Антония".

3. Когда Цезарь сказал такие любезные слова царю и снова надел ему на голову диадему, он объявил о том, что он даровал ему указом, в котором он увеличил похвалу этого человека в великолепной манере. После чего Ирод заставил его быть добрым к нему подарками, которые он ему дал, и попросил простить Александра, одного из друзей Антония, который стал его просителем. Но гнев Цезаря на него возобладал, и он пожаловался на многие и очень большие проступки, в которых был виновен человек, которого он просил; и тем самым он отклонил его прошение. После этого Цезарь отправился в Египет через Сирию, где Ирод принял его с царскими и богатыми развлечениями; и тогда он прежде всего поехал вместе с Цезарем, когда тот осматривал свое войско около Птолемаиды, и пировал с ним со всеми его друзьями, а затем распределил между остальной армией то, что было необходимо, чтобы пировать вместе с ними. Он также обеспечил их обильным запасом воды, когда они должны были идти до Пелусия по засушливой местности, что он и сделал таким же образом, когда они вернулись оттуда; не было и необходимости в том, чтобы эта армия нуждалась. Поэтому и Цезарь, и его воины считали, что царство Ирода слишком мало для тех щедрых даров, которые он им сделал; поэтому, когда Цезарь пришел в Египет, а Клеопатра и Антоний умерли, он не только даровал ему другие знаки почета, но и добавил к своему царству, отдав ему не только страну, отнятую у него Клеопатрой, но и Гадару, Гиппопотамов и Самарию, а также приморские города Газу (31) и Антедон, а также другие города. Иоппа и Башня Страто. Он также сделал ему подарок из четырехсот галлов [галатов] в качестве охраны его тела, которое они были у Клеопатры раньше. Ничто так сильно не побуждало Цезаря делать эти подарки, как великодушие того, кто их получал.

4. Кроме того, после первых игр в Акциуме он присоединил к своему царству и область, называемую Трахонитом, и то, что находилось по соседству с ней, Батанею, и страну Ауранит; и

это в следующем случае: Зенодор, нанявший дом Лисания, все время посылал разбойников из Трахонита к Дамаскинцам; после этого они обратились к Варрону, президенту Сирии, и потребовали от него, чтобы он представил Цезарю бедствие, в котором они находились. Узнав об этом, Цезарь приказал уничтожить это разбойничье гнездо. Поэтому Варрон выступил против них, очистил землю от этих людей и отнял ее у Зенодора. Цезарь также впоследствии даровал его Ироду, чтобы он не стал снова вместилищем для тех разбойников, которые пришли против Дамаска. Он также сделал его прокуратором всей Сирии, и это на десятый год после того, как он снова пришел в эту провинцию; и это было так установлено, что другие прокураторы ничего не могли сделать в управлении без его совета; но когда Зенодор умер, Цезарь даровал ему всю ту землю, которая лежала между Трахонитом и Галилеей. Тем не менее, что было еще более важно для Ирода, он был любим Цезарем, следующим после Агриппы, и Агриппой, следующим после Цезаря, откуда он достиг очень большой степени счастья. Однако величие его души превосходило его, и большая часть его великодушия была направлена на поощрение благочестия.

ГЛАВА 21.

О [ХРАМЕ И] ГОРОДАХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ПОСТРОЕНЫ ИРОДОМ И ВОЗДВИГНУТЫ ОТ САМОГО ОСНОВАНИЯ; А ТАКЖЕ О ТЕХ ДРУГИХ ЗДАНИЯХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ВОЗДВИГНУТЫ ИМ; И КАКОЕ ВЕЛИКОЛЕПИЕ ОН ПОКАЗЫВАЛ ИНОСТРАНЦАМ; И КАК УДАЧА БЫЛА ВО ВСЕМ БЛАГОСКЛОННА К НЕМУ.

1. ИТАК, на пятнадцатом году своего царствования Ирод перестроил храм и окружил стеной участок земли вокруг него, который был вдвое больше того, что прежде был огорожен. Расходы, которые он на него возложил, были также чрезвычайно велики, а богатство вокруг него было невыразимо. Знак, который вы видите в больших монастырях, воздвигнутых вокруг храма, и в цитадели, которая находилась на его северной стороне. Монастыри он построил с самого основания, но цитадель (32) он отремонтировал за огромные деньги; и это был

не что иное, как царский дворец, который он назвал Антонией в честь Антония. Он также построил себе дворец в Верхнем городе, содержащий две очень большие и самые красивые комнаты; с которыми сам святой дом не мог сравниться [по величине]. Одну квартиру он назвал Кесарией, а другую Агриппием, в честь своих [двух великих] друзей.
2. Однако он не сохранил их память только отдельными зданиями, дав им имена, но его щедрость простиралась до целых городов.; ибо когда он построил самую красивую стену вокруг страны в Самарии, длиной в двадцать фарлонгов, и ввел в нее шесть тысяч жителей, и выделил ей самый плодородный участок земли, и посреди этого города, построенного таким образом, воздвиг очень большой храм Кесарю, и окружил его частью священной земли в три с половиной фарлонга, он назвал город Севастой, от Себастуса, или Августа, и устроил дела города самым правильным образом.
3. И когда Цезарь далее даровал ему еще одну дополнительную страну, он построил там также храм из белого мрамора, твердый у источников Иордана; это место называется Паниум, где есть вершина горы, которая поднимается на огромную высоту, и на ее стороне, внизу или внизу, открывается темная пещера; внутри которой есть ужасная пропасть, которая резко спускается на огромную глубину; она содержит огромное количество воды, которая неподвижна; и когда какое-либо тело опускает что-либо, чтобы измерить глубину земли под водой, никакая длина не может быть измерена шнура достаточно, чтобы дотянуться до него. Теперь фонтаны Иордана поднимаются у корней этой впадины наружу; и, как думают некоторые, это предельное происхождение Иордана; но мы будем говорить об этом более точно в нашей последующей истории.
4. Но царь воздвиг и другие места в Иерихоне, между цитаделью Киприд и бывшим дворцом, которые были лучше и полезнее прежних для путешественников, и назвал их от тех же своих друзей. Надо сказать сразу, что не было ни одного места в его царстве, подходящего для этой цели, которое было бы позволено без чего-либо, что было бы для чести Цезаря; и когда он наполнил свою собственную страну храмами, он излил такие же

обильные знаки своего уважения в свою провинцию и построил много городов, которые он назвал Кесариями.
5. И когда он заметил, что есть город на берегу моря, который сильно обветшал (его имя было Башня Страто), но что это место, по счастью его положения, было способно к большим улучшениям от его щедрости, он перестроил его весь из белого камня и украсил его несколькими самыми великолепными дворцами, в которых он особенно продемонстрировал свое великодушие; ибо дело обстояло так, что весь берег моря между Дорой и Иоппией, посередине которого расположен этот город, не имел хорошего убежища, так что каждый, кто плыл из Финикии в Египет, был вынужден лежать в бурном море из-за угрожавших им южных ветров, которые, если дули чуть свежее, поднимали такие огромные волны и разбивались о скалы, что при их отступлении море долго находилось в сильном волнении. Но царь, благодаря своим расходам и щедрому распоряжению ими, победил природу и построил гавань больше, чем Пирекум (33) [в Афинах]; и во внутренних водах он построил другие глубокие станции [для кораблей также].
6. И хотя место, где он строил, было сильно противоположно его целям, все же он так сильно боролся с этим затруднением, что твердость его здания не могла быть легко завоевана морем; и красота и украшение работ были таковы, как если бы он не испытывал никаких затруднений в работе; ибо, когда он отмерил такое большое пространство, как мы уже упоминали, он опустил камни в воду глубиной в двадцать саженей, большая часть которых была пятьдесят футов в длину, девять в глубину и десять в ширину, а некоторые еще больше. Но когда гавань была заполнена до такой глубины, он расширил эту стену, которая, таким образом, уже существовала над морем, до тех пор, пока она не достигла двухсот футов в ширину; сто из которых имели здания перед ней, чтобы сломить силу волн, откуда она была названа Procumatia, или первый разрушитель волн; но остальная часть пространства была под каменной стеной, которая проходила вокруг нее. На этой стене были очень большие башни, главная и самая красивая из которых называлась Друзий, от Друза, который был зятем Цезаря.

7. Было также много арок, где жили мореплаватели; и все места перед ними вокруг были большой долиной, или прогулкой, для причала [или пристани] для тех, кто приходил на берег; но вход был с севера, потому что северный ветер был там самым мягким из всех ветров. У входа в гавань с каждой стороны стояли три огромных Колосса, поддерживаемые колоннами, а те Колоссы, которые находятся по левую руку от вас, когда вы плывете в порт, опираются на прочную башню; но те, что по правую руку, опираются на два соединенных вместе вертикальных камня, которые были больше той башни, что находилась по другую сторону входа. Теперь к гавани примыкали непрерывные здания, тоже из белого камня; и к этой гавани вели узкие улицы города, построенные на равном расстоянии друг от друга. А напротив входа в гавань, на возвышении, стоял храм Цезаря, великолепный и по красоте, и по размерам; и там был Колосс Цезаря, не меньше, чем колосс Юпитера Олимпийского, на которого он был сделан похожим. Другой колосс Рима был равен колоссу Юноны в Аргосе. Поэтому он посвятил город провинции, а гавань тамошним морякам; но честь здания он приписал Цезарю (34) и назвал его соответственно Кесарией.
8. Он также построил другие здания, амфитеатр, театр и рыночную площадь, в соответствии с этим наименованием; и назначал игры каждый пятый год и называл их подобным образом Играми Цезаря; и сначала он сам предложил самые большие призы на сто девяносто второй олимпиаде, в которой не только сами победители, но и те, кто был рядом с ними, и даже те, кто был на третьем месте, были участниками его царской щедрости. Он также восстановил Антедон, город, который лежал на побережье и был разрушен во время войн, и назвал его Агриппеумом. Более того, он был так добр к своему другу Агриппе, что велел выгравировать его имя на воротах, которые сам же и воздвиг в храме.
9. Ирод был также возлюбленным своего отца, если кто-либо другой когда-либо был таковым; ибо он сделал памятник своему отцу, даже тот город, который он построил на самой прекрасной равнине, которая была в его царстве, и который имел реки и

деревья в изобилии, и назвал его Антипатрисом. Он также построил стену вокруг цитадели, которая лежала над Иерихоном, и это было очень сильное и очень красивое здание, и посвятил его своей матери, и назвал его Кипрос. Более того, он посвятил башню, которая была в Иерусалиме, и назвал ее именем своего брата Фазеля, чье строение, величие и великолепие мы опишем ниже. Он также построил другой город в долине, которая ведет на север от Иерихона, и назвал его Фазелис.

10. И как он передал в вечность свою семью и друзей, так и он не пренебрег памятником для себя, но построил крепость на горе в сторону Аравии и назвал ее от себя Иродием (35) и назвал тем же именем тот холм, который имел форму женской груди и был в шестидесяти фарлонгах от Иерусалима. Он также наделил его большим искусством и с большим честолюбием построил вокруг него круглые башни, а оставшееся пространство заполнил самыми дорогими дворцами вокруг, так что не только вид внутренних покоев был великолепен, но и большие богатства были выложены на наружных стенах, перегородках и крышах. Кроме того, он принес огромное количество воды с большого расстояния и большими расходами и поднялся на нее по двумстам ступеням из самого белого мрамора, так как сам холм был довольно высок и совершенно искусствен. Он также построил другие дворцы у корней холма, достаточные для того, чтобы принять мебель, которая была помещена в них, а также со своими друзьями, так что из-за того, что она содержала все необходимое, крепость могла казаться городом, но, по тем границам, которые она имела, только дворцом.

11. И когда он построил так много, он показал величие своей души немалому числу чужеземных городов. Он построил дворцы для упражнений в Триполи, Дамаске и Птолемаиде; он построил стену вокруг Библуса, а также большие залы, монастыри, храмы и рыночные площади в Берите и Тире с театрами в Сидоне и Дамаске. Он также построил акведуки для тех лаодикийцев, которые жили на берегу моря; а для жителей Аскалона он построил бани и дорогие фонтаны, а также монастыри вокруг двора, которые были восхитительны как своим мастерством, так и своей обширностью. Более того, он

посвятил рощи и луга некоторым людям; более того, было немало городов, которые имели земли, подаренные им, как будто они были частями его собственного королевства. Он также даровал ежегодные доходы, а также вечные, поселениям для упражнений и назначил для них, а также для жителей Коса, чтобы такие награды никогда не были лишними. Он также раздавал хлеб всем, кто в нем нуждался, и выделял Родосу большие суммы денег на постройку кораблей; и это он делал во многих местах и часто. И когда храм Аполлона был сожжен, он восстановил его за свой счет, лучше, чем это было раньше. Что мне говорить о подарках, которые он сделал ликийцам и самнийцам? или о его великой щедрости по всей Ионии? и это в соответствии с потребностями каждого тела. И разве афиняне, и лакедемоняне, и никополитяне, и тот Пергам, который в Мизии, не полны пожертвований, которые Ирод подарил им? А что касается большого открытого места, принадлежащего Антиохии в Сирии, то разве он не вымостил его полированным мрамором, хотя оно было длиной в двадцать фарлонгов? и это тогда, когда прежде все люди избегали его, потому что он был полон грязи и нечистот, когда он, кроме того, украсил то же самое место монастырем такой же длины.

12. Правда, можно сказать, что это были милости, свойственные тем особым местам, на которые он даровал свои блага; но тогда милости, которые он даровал Элеанам, были пожертвованием не только общим для всей Греции, но и для всей обитаемой земли, насколько достигала слава Олимпийских игр. Ибо когда он понял, что они ни к чему не пришли из-за недостатка денег и что единственные остатки древней Греции каким-то образом исчезли, он не только стал одним из участников игр пятого года, на которых ему довелось присутствовать во время своего отплытия в Рим, но и назначил им денежные доходы на вечные времена, так что его память как участника боевых действий там никогда не может потерпеть неудачу. Это была бы бесконечная задача, если бы я рассказал о том, как он выплачивал людям долги или дань, как он облегчал людям Фазелиса, Батанеи и небольших городов вокруг Киликии ежегодные пенсии, которые они раньше выплачивали. Однако страх, который он испытывал, сильно тревожил величие его души, чтобы он не подвергся

зависти или не показался охотящимся за большими опилками, чем следовало бы, в то время как он дарил этим городам более щедрые дары, чем сами их владельцы.
13. Ирод же имел тело, соответствующее его душе, и всегда был самым превосходным охотником, где он обычно имел хороший успех, благодаря своему великому искусству в верховой езде; ибо в один день он поймал сорок диких зверей; (36) эта страна также разводит медведей, и большая часть ее пополнена оленями и дикими ослами. Он был также таким воином, которому нельзя было противостоять; поэтому многие люди стояли, пораженные его готовностью в его упражнениях, когда они видели, как он бросил копье прямо вперед и пустил стрелу в цель. И потом, помимо этих его действий, зависящих от его собственной силы духа и тела, фортуна была также очень благосклонна к нему; ибо он редко терпел неудачу в своих войнах; и когда он терпел неудачу, он сам не был причиной таких неудач, но он либо был предан кем-то, либо опрометчивость его собственных солдат обеспечила ему поражение.

ГЛАВА 22.

УБИЙСТВО ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВ АРИСТОБУЛА И ГИРКАНА, А ТАКЖЕ ЦАРИЦЫ МАРИАМНЫ.

1. ОДНАКО фортуна отомстила Ироду за его внешние большие успехи, подняв ему домашние неприятности; и он начал иметь дикие беспорядки в своей семье из-за своей жены, которую он так любил. Ибо, придя к власти, он отослал ту, на которой прежде женился, будучи частным лицом, и которая родилась в Иерусалиме, по имени Дорида, и женился на Мариамне, дочери Александра, сына Аристобула, из-за которой в его семье начались беспорядки, и то отчасти очень скоро, но главным образом после его возвращения из Рима. Ибо прежде всего он изгнал из города Антипатра, сына Дорида, ради его сыновей от Мариамны, и разрешил ему приходить туда только на празднества. После этого он убил деда своей жены, Гиркана, когда тот вернулся к нему из Парфина, под тем предлогом, что

подозревает его в заговоре против него. Этот Гиркан был захвачен в плен в Варзафарне, когда он захватил Сирию; но жители его страны за Евфратом хотели, чтобы он остался с ними, и это из сочувствия к его положению; и если бы он исполнил их желания, когда они увещевали его не переходить реку в Лирод, он не погиб бы; но брак его внучки [с Иродом] был его искушением; ибо, полагаясь на него и чрезмерно любя свою страну, он возвратился в нее. Провокация Ирода состояла не в том, что Гиркан сделал какую - либо попытку завоевать царство, а в том, что ему было лучше быть их царем, чем Ироду.
2. Из пятерых детей, которых Ирод имел от Мариамны, двое были дочери, а трое сыновья; и младший из этих сыновей получил образование в Риме и там умер; но с двумя старшими он обращался как с детьми царской крови из-за знатности их матери и потому, что они не родились, пока он не стал царем. Но сильнее всего этого была любовь, которую он питал к Мариамне и которая с каждым днем все сильнее распаляла его и до такой степени сговорилась с другими мотивами, что он не испытывал никаких других огорчений из-за нее, которую он так любил. Но ненависть Мариамны к нему не уступала его любви к ней. Она действительно имела слишком справедливую причину негодования от того, что он сделал, в то время как ее смелость проистекала из его привязанности к ней; поэтому она открыто упрекала его в том, что он сделал с ее дедом Гирканом и ее братом Аристобулом; ибо он не пощадил этого Аристобула, хотя тот был всего лишь ребенком; ибо, когда он дал ему первосвященничество в возрасте семнадцати лет, он быстро убил его после того, как присвоил ему это достоинство; но когда Аристобул облачился в священное облачение и подошел к алтарю на празднике, толпа, в больших толпах, заплакала; после чего ребенок был послан ночью в Иерихон и там был погружен Галлами, по приказанию Ирода, в бассейн, пока не утонул.
3. По этим причинам Мариамна упрекала Ирода, его сестру и мать самым оскорбительным образом, в то время как он был нем из-за своей привязанности к ней; однако женщины сильно негодовали на нее и клеветали на нее, что она ложилась в его постель, что, по их мнению, скорее всего могло привести Ирода в гнев. Они также ухитрились поверить многим другим

обстоятельствам, чтобы сделать это более правдоподобным, и обвинили ее в том, что она послала свою картину в Египет Антонию и что ее похоть была настолько экстравагантной, что, несмотря на ее отсутствие, она показалась мужчине, который сходил с ума по женщинам, и мужчине, который имел в своей власти применить к ней насилие. Это обвинение, как удар молнии, обрушилось на Ирода и привело его в смятение; и это в особенности потому, что его любовь к ней вызывала у него ревность, и потому, что он считал Клеопатру хитрой женщиной и что из-за нее царь Лисаний был изгнан вместе с арабом Малихом, ибо его страх распространялся не только на расторжение его брака, но и на опасность для его жизни.

4. Поэтому, когда он собирался отправиться в путешествие за границу, он поручил свою жену Иосифу, мужу своей сестры Саломеи, как тому, кто будет верен ему и принесет ему добрую волю из-за их родства; он также дал ему тайное предписание, чтобы, если Антоний убьет его, он убил ее. Но Иосиф, без всякого злого умысла и только для того, чтобы показать любовь царя к своей жене, как он не мог вынести мысли о разлуке с ней, даже самой смертью, открыл ей эту великую тайну; когда Ирод вернулся, и они беседовали, и он подтвердил свою любовь к ней многими клятвами и уверил ее, что никогда не испытывал такой любви ни к одной другой женщине, как к ней, "Да, - говорит она, Ты, конечно, доказал свою любовь ко мне теми наставлениями, которые ты дал Иосифу, когда приказал ему убить меня" (37).

5. Когда он услышал, что эта великая тайна была раскрыта, он был похож на рассеянного человека и сказал, что Иосиф никогда бы не раскрыл этого своего предписания, если бы не развратил ее. Его страсть также сделала его совершенно безумным, и, вскочив с постели, он дико бегал по дворцу; в это время его сестра Саломея также воспользовалась случаем, чтобы опорочить свою репутацию, и подтвердила его подозрения относительно Иосифа, после чего, из-за своей неуправляемой ревности и ярости, он приказал немедленно убить их обоих; но как только его страсть утихала, он раскаивался в содеянном, и как только его гнев утихал, его чувства снова воспламенялись. И в самом деле, пламя его желаний к ней было так пылко, что он

не мог думать, что она умерла, но, находясь в смятении, говорил с ней, как будто она была еще жива, пока время не научило его лучше, когда его горе и беда, теперь, когда она умерла, казались такими же сильными, как его привязанность к ней, когда она была жива.

ГЛАВА 23.

КЛЕВЕТА НА СЫНОВЕЙ МАРИАМНЫ. АНТИПАТР ПРЕДПОЧЕЛ ПЕРЕД НИМИ. ОНИ ОБВИНЯЮТСЯ ПЕРЕД ЦЕЗАРЕМ, И ИРОД ПРИМИРЯЕТСЯ С НИМИ.

1. Сыновья Мариамны были наследниками той ненависти, которую питала к ней их мать; и когда они думали о величии преступления Ирода по отношению к ней, они относились к нему с подозрением, как к своему врагу; и это было сначала, когда они учились в Риме, но еще больше, когда они вернулись в Иудею. Этот их нрав усиливался по мере того, как они становились мужчинами; и когда они достигли возраста, подходящего для брака, один из них женился на дочери своей тетки Саломеи, которую Саломея обвиняла их мать; другой женился на дочери Архклая, царя Каппадокии. И теперь они использовали смелость в разговоре, а также несли ненависть в своих умах. Те же, которые клеветали на них, смирились с такой их дерзостью, и некоторые из них теперь более ясно говорили царю, что оба его сына замышляют предательство против него, и тот, кто был зятем Архелая, полагаясь на своего тестя, готовился бежать, чтобы обвинить Ирода перед Цезарем; и когда голова Ирода была достаточно долго наполнена этими клеветами, он снова привлек Антипатра, которого он имел от Дориды, в свою пользу, как защиту от других своих сыновей, и начал всеми возможными способами предпочитать его перед ними.
2. Но эти сыновья не могли вынести такой перемены в своих делах; но когда они увидели того, кто родился от матери без рода, благородство их происхождения сделало их неспособными сдержать свое негодование; но когда они были обеспокоены, они показали гнев, который они имели на это. И так как эти сыновья изо дня в день усиливали свой гнев, Антипатр уже

использовал все свои собственные способности, которые были очень велики, чтобы льстить своему отцу и придумывать много видов клеветы против своих братьев, в то время как он сам рассказывал о них некоторые истории и возлагал на других достойных людей, чтобы поднять другие истории против них, пока, наконец, он полностью не отрезал своих братьев от всех надежд унаследовать царство, ибо он уже был публично поставлен в завещание своего отца как его преемник. Соответственно, он был послан с царскими украшениями и другими знаками королевской власти к Цезарю, за исключением диадемы. Он также успел вовремя ввести свою мать в постель Мариамны. Двумя видами оружия, которое он использовал против своих братьев, были лесть и клевета, посредством которых он довел дело в частном порядке до такого состояния, что у короля возникла мысль предать смерти своих сыновей.
3. Так отец увлек Александра до самого Рима, и. обвинил его в попытке отравить перед Цезарем. Александр едва ли мог говорить о причитаниях, но, имея судью более искусного, чем Антипатр, и более мудрого, чем Ирод, он скромно избегал обвинений в адрес своего отца, но с большой силой разума опровергал клевету, выдвинутую против него, и, когда он доказал невинность своего брата, который был в такой же опасности, как и он сам, он наконец оплакал лукавство Антипатра и позор, которому они подвергались. Он мог также оправдываться не только чистой совестью, которую носил в себе, но и красноречием, ибо он был искусен в речах. И когда он наконец сказал, что если его отец возражает против этого преступления, то в его власти предать их смерти, он заставил всех присутствующих плакать; и он привел Цезаря к тому, чтобы отвергнуть обвинения и немедленно примирить их отца с ними. Но условия этого примирения были таковы, чтобы они во всем были послушны своему отцу и чтобы он имел власть оставить царство тому из них, кому пожелает.
4. После этого царь возвратился из Рима и, казалось, простил своих сыновей за эти обвинения, но все же не без подозрений. За ними последовал Антипатр, который был источником этих обвинений; однако он не обнаружил открыто своей ненависти к ним, как к тому, кто примирил их. Но когда Ирод проплыл мимо

Киликии, он зашел в Елеузу, где Архклай обошелся с ними самым любезным образом, поблагодарил его за освобождение своего зятя и был очень доволен их примирением; и это тем более, что он прежде писал своим друзьям в Рим, что они должны помогать Александру на суде. Он проводил Ирода до Зефирия и сделал ему подарки на тридцать талантов.
5. Когда же Ирод пришел в Иерусалим, он собрал народ и представил им трех своих сыновей, и дал им извинительный отчет о своем отсутствии, и очень благодарил Бога, и очень благодарил также Кесаря за то, что он устроил свой дом, когда он был в смуте, и добился согласия между своими сыновьями, которое имело большее значение, чем само царство, и которое я сделаю еще более твердым, ибо Кесарь дал мне власть распоряжаться правительством и назначать моего преемника. Соответственно, в качестве воздаяния за его доброту и для того, чтобы обеспечить мою собственную выгоду, я объявляю, что эти три моих сына будут королями. И, во-первых, я молюсь об одобрении Бога к тому, что я делаю; и, во-вторых, я также желаю вашего одобрения. Возраст одного из них и знатность двух других обеспечат им наследование. Нет, воистину, мое царство так велико, что его может хватить на большее число королей. Теперь удерживаешь ли ты на своих местах тех, к кому присоединился Цезарь и кого назначил их отец?; и не оказывайте им чрезмерного или неравного почтения, но каждому в соответствии с прерогативой их рождения; ибо тот, кто оказывает такое почтение чрезмерно, тем самым не сделает того, кто почитается сверх того, что требует его возраст, таким радостным, как он сделает того, кто обесчещен, печальным. Что же касается родственников и друзей, которые будут беседовать с ними, то я назначу их каждому из них и составлю их таким образом, чтобы они могли быть залогом их согласия, а также зная, что дурной характер тех, с кем они беседуют, вызовет ссоры и раздоры между ними; но если те, с кем они беседуют, будут в добром расположении духа, они сохранят свою естественную привязанность друг к другу. Но все же я желаю, чтобы не только они, но и все военачальники моей армии возлагали в настоящее время свои надежды только на меня одного; ибо я не отдаю свое царство этим моим сыновьям, а даю

им только царские почести, благодаря чему они будут наслаждаться сладостями правления как сами правители, но бремя управления ляжет на меня, хочу я этого или нет. И пусть каждый подумает, какого я возраста, как я провел свою жизнь и какое благочестие я проявлял; ибо мой возраст не так велик, чтобы люди могли скоро ожидать конца моей жизни; и я не позволял себе такого роскошного образа жизни, который отрезает людей, когда они молоды; и мы были так религиозны по отношению к Богу, что у нас есть основания надеяться, что мы достигнем очень большого возраста. Но за то, что они стали дружить с моими сыновьями, стремясь погубить меня, они будут наказаны мною за них. Я не из тех, кто завидует собственным детям, и поэтому запрещаю мужчинам оказывать им большое уважение; но я знаю, что такое [экстравагантное] уважение-это способ сделать их наглыми. И если каждый, кто приближается к ним, только и думает, что если он окажется хорошим человеком, то получит от меня награду, но если он окажется мятежным, то его злонамеренная уступчивость ничего не даст ему от того, кому она будет показана, я полагаю, что все они будут на моей стороне, то есть на стороне моих сыновей; ибо для их пользы я буду царствовать и буду в согласии с ними. Но вы, о мои добрые дети, размышляйте о святости самой природы, благодаря которой естественная любовь сохраняется даже среди диких зверей; во - вторых, размышляйте о Цезаре, который сделал это примирение между нами; и в-третьих, размышляйте обо мне, который умоляет вас сделать то, что я имею власть приказать вам, - продолжайте братья. Я даю тебе царские одежды и царские почести; и я молю Бога сохранить то, что я определил, на случай, если вы будете в согласии друг с другом". Сказав это, царь поклонился каждому из своих сыновей и отпустил толпу; некоторые из них выразили свое согласие с его словами и пожелали, чтобы они произвели соответствующее действие; но те, кто желал перемены положения дел, делали вид, что даже не слышат, что он говорит.

ГЛАВА 24.

ЗЛОБА АНТИПАТРА И ДОРИДЫ. АЛЕКСАНДР ОЧЕНЬ БЕСПОКОИТСЯ ИЗ-ЗА ГЛАФИРЫ. ИРОД ПРОЩАЕТ ФЕРОРА, КОТОРОГО ОН ПОДОЗРЕВАЛ, И САЛОМЕЮ, КОТОРУЮ ОН ЗНАЛ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ЗЛО СРЕДИ НИХ. ЕВНУХОВ ИРОДА ПЫТАЮТ, А АЛЕКСАНДРА СВЯЗЫВАЮТ.

1. НО теперь ссора, которая была между ними, все еще сопровождала этих братьев, когда они расстались, и подозрения, которые они питали друг к другу, становились все хуже. Александр и Аристобул были очень огорчены тем, что привилегия первенца была подтверждена Антипатру, как и Антипатр был очень зол на своих братьев за то, что они должны были стать его преемниками. Но ведь этот последний, будучи человеком переменчивым и политичным, умел держать язык за зубами и прибегал к немалой хитрости, скрывая тем самым ненависть, которую питал к ним; в то время как первые, в зависимости от благородства своего происхождения, имели на языке все, что было у них на уме. Много было и тех, кто провоцировал их дальше, и многие из их [кажущихся] друзей проникли в их знакомство, чтобы узнать, что они делают. Теперь все, что было сказано Александром, было вскоре доведено до Антипатра, а от Антипатра - до Ирода с дополнениями. Молодой человек ничего не мог сказать в простоте своего сердца, не обидевшись, но то, что он говорил, все равно было клеветой на него. И если он когда-нибудь был немного свободен в разговоре, то из самых незначительных случаев выковывались великие обвинения. Антипатр также постоянно подстрекает кого-нибудь к тому, чтобы заставить его заговорить, чтобы ложь, которую он поднимает о нем, могла иметь под собой некоторое основание истины; и если среди многих рассказов, которые были выданы, хотя бы одна из них могла быть доказана правдой, это должно было означать, что и остальные тоже были правдой. Что же касается друзей Антипатра, то все они либо от природы были так осторожны в разговорах, либо были так подкуплены, чтобы скрыть свои мысли, что ни одна из этих великих тайн не проникла через них. Не ошибется и тот, кто назовет жизнь Антипатра тайной

нечестия, ибо он либо испортил знакомство Александра с деньгами, либо снискал их расположение лестью; с помощью этих двух средств он достиг всех своих замыслов и заставил их предать своего господина, украсть и раскрыть то, что он сделал или сказал. Таким образом, он действовал очень хитро во всех отношениях и с величайшей проницательностью проделывал себе путь своими клеветами, в то время как он делал вид, что он добрый брат Александру и Аристобулу, но подкупал других людей, чтобы сообщить о том, что они сделали с Иродом. И когда что-нибудь говорили против Александра, он приходил и притворялся, что он на его стороне, и начинал противоречить тому, что было сказано; но потом так тайно улаживал дела, что царь негодовал на него. Его главная цель состояла в том, чтобы составить заговор и заставить поверить, что Александр затаился, чтобы убить своего отца, ибо ничто не давало такого большого подтверждения этим клеветам, как извинения Антипатра за него.
2. Этими методами Ирод воспламенился, и насколько с каждым днем уменьшалась его естественная привязанность к юношам, настолько же возрастала она и к Антипатру. Придворные также склонялись к такому же поведению, некоторые по собственному желанию, а другие по указанию царя, как, в частности, Птолемей, самый близкий друг царя, а также братья царя и все его дети; ибо Антипатр был всем во всем; и что было самым горьким для Александра, мать Антипатра также была всем во всем; она была одной из тех, кто давал советы против них, и была более суровой, чем мачеха, и ненавидела сыновей королевы больше, чем обычно ненавидят зятьев. Итак, все люди уже засвидетельствовали свое почтение Антипатру в надежде на выгоду; и это было повеление царя, которое оттолкнуло все тело [от братьев], так как он дал это поручение своим самым близким друзьям, чтобы они не приближались и не обращали никакого внимания ни на Александра, ни на его друзей. Ирод тоже стал страшен не только своим придворным слугам, но и своим друзьям за границей; ибо ни одному другому царю Цезарь не давал такой привилегии, как ему, а именно: он мог вернуть любого, кто бежал от него, даже из города, который не был под его юрисдикцией. Молодые люди не были знакомы с клеветой, поднятой против них; по этой причине они не могли защититься

от них, но поддались им, потому что их отец не делал никаких публичных жалоб ни на одного из них, хотя через некоторое время они поняли, как обстоят дела по его холодности к ним и по тому великому беспокойству, которое он выказывал ко всему, что его беспокоило. Антипатр также сделал их дядю Ферора своим врагом, как и их тетю Саломею, в то время как он всегда разговаривал с ней, как с женой, и раздражал ее против них. Более того, жена Александра, Глафира, усилила эту ненависть к ним, унаследовав свое благородство и родословную [от великих людей] и притворяясь, что она была госпожой выше всех других в этом царстве, так как происходила по линии отца от Темена, а по линии матери от Дария, сына Гистаспа. Она также часто упрекала сестру и жен Ирода в бесчестии их происхождения; и что все они были выбраны им за красоту, но не за семью. Но жен его было немало; иудеям издревле дозволялось жениться на многих женах, и этот царь наслаждался многими; все они ненавидели Александра за хвастовство и упреки Глафиры.
3. Мало того, Аристобул затеял ссору между собой и Саломеей, которая была его тещей, помимо гнева, вызванного упреками Глафиры, ибо он постоянно упрекал свою жену в подлости ее рода и жаловался, что, как он женился на женщине из низкого рода, так и его брат Александр женился на женщине царской крови. При этих словах дочь Саломеи заплакала и сказала ей, прибавив к этому, что Александр грозит матерям других своих братьев, что, когда он придет к короне, он заставит их ткать вместе с их девицами и сделает этих братьев своими сельскими учителями; и что они были очень тщательно проинструктированы, чтобы приспособить их к такому занятию. Тогда Саломея не могла сдержать своего гнева и рассказала обо всем Ироду; ее показания нельзя было заподозрить, так как они были направлены против ее собственного зятя, но была и другая клевета, которая распространилась повсюду и воспламенила ум короля; ибо он слышал, что эти его сыновья постоянно говорили о своей матери и среди своих стенаний по ней не удерживались от проклятий; и что, когда он дарил какое-либо из одеяний Мариамны своим поздним женам, они угрожали, что через

некоторое время вместо королевских одежд они оденут его не лучше волосяной ткани.

4. И хотя Ирод несколько боялся высокого духа юношей, но все же не отчаивался привести их к лучшему уму; но прежде чем отправиться в Рим, куда он теперь направлялся морем, он призвал их к себе и отчасти пригрозил им немного, как царь; но в основном он увещевал их, как отец, и увещевал любить своих братьев, и сказал им, что простит их прежние проступки, если они исправятся на время. Но они опровергли клевету, которая была поднята на них, и сказали, что они были ложными, и утверждали, что их действия были достаточны для их оправдания; и сказали вместе с тем, что он сам должен заткнуть уши против таких историй и не слишком легко верить им, потому что никогда не будет недостатка в тех, кто будет лгать им во вред, пока кто-нибудь будет слушать их.

5. Когда они так скоро успокоили его, как своего отца, они избавились от настоящего страха, в котором находились. Однако спустя некоторое время они увидели повод для скорби, ибо знали, что Саломея, как и их дядя Ферор, были их врагами, которые оба были тяжелыми и суровыми людьми, и особенно Ферор, который был партнером Ирода во всех делах царства, за исключением его диадемы. У него было также сто талантов собственного дохода, и он пользовался преимуществами всей земли за Иорданом, которую он получил в дар от своего брата, который просил Цезаря сделать его тетрархом, как он был сделан соответственно. Ирод также дал ему жену из царской семьи, которая была не кем иным, как сестрой его собственной жены, и после ее смерти торжественно женился на своей старшей дочери с приданым в триста талантов; но Ферор отказался заключить этот царский брак из-за своей привязанности к своей служанке. Поэтому Ирод очень разгневался и выдал эту дочь замуж за сына своего брата, Иосифа, который впоследствии был убит парфянами; но через некоторое время он отложил свой гнев на Ферора и простил его, как человека, не способного преодолеть свою глупую страсть к служанке.

6. Нет, Ферора обвиняли задолго до того, как царица [Мариамна] была жива, как будто он участвовал в заговоре с

целью отравить Ирода; и тогда пришло так много доносчиков, что сам Ирод, хотя и был чрезвычайно любящим своих братьев, поверил тому, что было сказано, и также испугался этого. И когда он привел многих из тех, кто был под подозрением, на пытку, он пришел, наконец, к друзьям Ферора; ни один из них не признался открыто в преступлении, но они признались, что он приготовился взять ее, которую он любил, и убежать к парфянам. Костобар, муж Саломеи, за которого царь выдал ее замуж после того, как ее прежний муж был предан смерти за прелюбодеяние, также сыграл важную роль в осуществлении этой его хитрости и бегстве. Не избежала Саломея и всякой клеветы на себя, ибо брат ее Ферор обвинил ее в том, что она согласилась выйти замуж за Силлея, прокуратора Ободаса, царя Аравийского, который был в жестокой вражде с Иродом; но когда она была осуждена за это и за все, в чем обвинял ее Ферор, она получила прощение. Царь также простил самому Ферору преступления, в которых его обвиняли.

7. Но буря всей семьи перешла к Александру, и вся она легла на его голову. Было три евнуха, которые пользовались у царя величайшим уважением, о чем свидетельствовали занимаемые ими должности, ибо один из них был назначен его дворецким, другой приготовил ему ужин, а третий уложил его в постель и лег рядом. Теперь Александр с помощью больших даров уговорил этих людей позволить ему использовать их в непристойной манере; когда об этом рассказали королю, их подвергли пыткам, признали виновными и вскоре признались в преступном разговоре, который он вел с ними. Они также узнали об обещаниях, которые побудили их к этому, и о том, как их обманул Александр, сказавший им, что они не должны возлагать надежды на Ирода, старика, столь бесстыдного, что он красит свои волосы, если только они не думают, что это сделает его снова молодым; но что они должны обратить свое внимание на того, кто должен стать его преемником в царстве, хочет он этого или нет; и который в скором времени отомстит своим врагам и сделает своих друзей счастливыми и благословенными, и в первую очередь самих себя; что люди власти уже засвидетельствовали почтение Александру лично, и что военачальники и офицеры тайно пришли к нему.

8. Эти признания так напугали Ирода, что он не осмелился немедленно опубликовать их; но он послал тайно, ночью и днем, шпионов за границу, которые должны были тщательно расспросить обо всем, что было сделано и сказано; и когда кто-либо был заподозрен [в измене], он предал их смерти, так что дворец был полон ужасно несправедливых разбирательств; ибо каждый человек подделывал клевету, так как они сами были в состоянии вражды или ненависти против других; и было много таких, кто злоупотреблял кровавой страстью короля в ущерб тем, с кем они ссорились, и в ложь легко верили, и наказания назначались раньше, чем клевета подделывалась. Тот, кто только что обвинял другого, был обвинен сам и был отведен на казнь вместе с тем, кого он осудил, так как опасность, которой подвергалась жизнь короля, делала допросы очень короткими. Он также дошел до такой степени ожесточения, что не мог смотреть на тех, кого не обвиняли, с приятным выражением лица, но был в самом варварском расположении духа по отношению к своим собственным друзьям. Поэтому он запретил многим из них приходить ко двору, а с теми, кого не имел власти наказать, говорил сурово. Что же касается Антипатра, то он оскорбил Александра, оказавшегося теперь под его несчастьем, и собрал вокруг себя солидную компанию своих сородичей, и поднял на него всякую клевету; что же касается царя, то он был до такой степени напуган этими чудовищными клеветами и ухищрениями, что ему показалось, будто он видит Александра, идущего к нему с обнаженным мечом в руке. Поэтому он приказал немедленно схватить его и связать, и приступил к допросу своих друзей пытками, многие из которых умерли [под пытками], но ничего не обнаружили и ничего не сказали против их совести; но некоторые из них, вынужденные говорить неправду из-за перенесенных ими страданий, говорили, что Александр и его брат Аристобул замышляли против него заговор и ждали удобного случая, чтобы убить его, когда он охотился, а затем улететь в Рим. Эти обвинения, хотя они и были невероятны по своей природе и основывались только на большом горе, в котором они находились, были легко поверены королем, который думал, что это некоторое утешение

для него, после того как он связал своего сына, чтобы могло показаться, что он не сделал это несправедливо.

ГЛАВА 25.

АРХЕЛАЙ ДОБИВАЕТСЯ ПРИМИРЕНИЯ МЕЖДУ АЛЕКСАНДРОМ ФЕРОРОМ И ИРОДОМ.

1. ЧТО же касается Александра, то, видя невозможность убедить своего отца [в своей невиновности], он решил встретить свои бедствия, какими бы суровыми они ни были; поэтому он сочинил четыре книги против своих врагов и признался, что был в заговоре; но вместе с тем заявил, что большая часть [придворных] была в заговоре с ним, и главным образом Ферор и Саломея; более того, однажды Саломея пришла и заставила его лечь с ней ночью, хочет он того или нет. Эти книги попали в руки Ирода и подняли большой шум против людей, стоявших у власти. И вот Архелай поспешно пришел в Иудею, испугавшись за своего зятя и свою дочь; и он пришел как достойный помощник, и очень благоразумно, и хитростью заставил царя не исполнять того, что он угрожал; ибо, когда он пришел к нему, он воскликнул: "Где же этот несчастный зять мой? Где я увижу голову того, кто умудрился убить своего отца, которую я разорву на куски собственными руками? То же самое я сделаю и с моей дочерью, у которой такой прекрасный муж; ибо хотя она и не участвует в заговоре, но, будучи женой такого существа, она оскверняется. И я не могу не восхищаться твоим терпением, против которого составлен этот заговор, если Александр еще жив; ибо, приехав со всей поспешностью из Каппадокии, я ожидал, что он уже давно будет предан смерти за свои преступления; но все же, чтобы расспросить тебя о моей дочери, которую я из уважения к тебе и по достоинству обвенчал с ним; но теперь мы должны посоветоваться о них обоих; и если твоя отцовская любовь так велика, что ты не можешь наказать своего сына, который замышлял против тебя заговор, то давай поменяем наши правые руки и будем сменять друг друга в выражении нашей ярости по этому поводу".

2. Сделав это напыщенное заявление, он заставил Ирода смягчить свой гнев, хотя тот был в смятении, и тот дал ему книги, которые Александр сочинил для чтения им; и так как он пришел к каждой главе, он обдумал это вместе с Иродом. Таким образом, Архклай воспользовался случаем для той хитрости, которую он использовал, и мало-помалу возложил вину на тех людей, чьи имена были в этих книгах, и особенно на Ферора; и когда он увидел, что король поверил ему, он сказал: "Мы должны подумать, не сам ли молодой человек был заговорен против такого количества злых негодяев, и не ты ли заговор против молодого человека; ибо я не вижу никакого повода для того, чтобы он впал в такое ужасное преступление, так как он уже пользуется преимуществами королевской власти и надеется стать одним из твоих преемников; Я имею в виду это, если только не было некоторых людей, которые убеждают его в этом, и таких людей, которые плохо используют возможность, которую они знают, чтобы убедить молодых людей; ибо такими людьми иногда навязываются не только молодые люди, но и старики, и ими иногда опрокидываются самые знаменитые семьи и царства".

3. Ирод согласился с тем, что он сказал, и мало-помалу ослабил свой гнев против Александра, но еще больше разгневался на Ферора, ибо главным предметом четырех книг был Ферор, который, видя, что наклонности царя внезапно изменились и что дружба Архелая может сделать с ним все, что угодно, и что у него нет достойного способа сохранить себя, обеспечил себе безопасность своей дерзостью. Поэтому он оставил Александра и обратился к Архелаю, который сказал ему, что не видит, как он может оправдать его, так как он был непосредственно пойман в стольких преступлениях, из которых было очевидно, что он замышлял заговор против царя и был причиной тех несчастий, которые теперь испытывал молодой человек, если он, кроме того, не оставит своего хитрого плута и отрицания того, в чем его обвиняли, и не признается в обвинении, и не попросит прощения у своего брата, который все еще был добр к нему.оказать ему всю возможную помощь.

4. Ферор послушался этого совета и, приняв на себя такую привычку, которая могла бы возбудить сострадание, пришел с черной одеждой на теле и со слезами на глазах, бросился к ногам Ирода и попросил у него прощения за то, что он сделал, и признался, что поступил очень нечестиво и виновен во всем, в чем его обвиняли, и оплакивал то расстройство своего ума и рассеянность, к которым, по его словам, привела его любовь к женщине. Поэтому, когда Архелай привел Ферора, чтобы обвинить и засвидетельствовать против себя самого, он затем оправдал его и смягчил гнев Ирода на него, и это с помощью некоторых домашних примеров; ибо, когда он пострадал от гораздо большего зла от своего собственного брата, он предпочел обязательства природы страсти мести, потому что это происходит в царствах, как и в грубых телах, где тот или иной член всегда раздувается под тяжестью тела, и в этом случае не подобает отсекать такой член, но исцелять его мягким способом вылечить.

5. После того, как Ареелай сказал это и многое другое с той же целью, неудовольствие Ирода против Ферора было смягчено; и все же он продолжал негодовать на Александра и сказал, что хочет, чтобы его дочь развелась и забрала его, и это до тех пор, пока он не довел Ирода до такого состояния, что, вопреки своему прежнему поведению по отношению к нему, он просил Архелая за молодого человека и что он позволит своей дочери продолжать обручаться с ним; но Архелай убедил его твердо, что он позволит ей выйти замуж за кого-нибудь другого, но не за Александра, потому что он видел в этом очень ценное преимущество, что связь, которую они заключили этой близостью, и привилегии, которые шли вместе с ним, могли быть сохранены. И когда король сказал, что его сын примет это за великую милость к нему, если он не расторгнет этот брак, тем более что у них уже были дети между молодым человеком и ею, и так как эта его жена была так горячо любима им, и что, пока она остается его женой, она будет для него большим спасением и удержит его от обиды, как он делал это раньше; так что, если она однажды будет оторвана от него, она станет причиной его отчаяния, потому что попытки таких молодых людей лучше всего смягчаются, когда они отвлекаются от них, улаживая свои

привязанности дома. Итак, Ареелай исполнил то, чего хотел Ирод, но не без труда, и сам примирился с юношей, и примирил с ним своего отца. Однако он сказал, что его непременно нужно отправить в Рим для беседы с Цезарем, потому что он уже написал ему полный отчет обо всем этом деле.
6. Таким образом, был положен срок хитрости Архелая, посредством которой он избавил своего зятя от опасностей, в которых тот находился; но когда эти примирения закончились, они проводили время в пиршествах и приятных развлечениях. И когда Архелай уходил, Ирод подарил ему семьдесят талантов с золотым троном, украшенным драгоценными камнями, и несколькими евнухами, и наложницей, которая называлась Паннихис. Он также воздавал почести каждому из своих друзей в соответствии с их достоинством. Точно так же все родичи царя по его повелению делали славные подарки Архелаю; итак, Ирод и его знатные люди проводили его до Антиохии.

ГЛАВА 26.

КАК ЕВРИКЛ (40) КЛЕВЕТАЛ НА СЫНОВЕЙ МАРИАМНЫ, И КАК ЭВАРАТ ИЗ ИЗДЕРЖЕК ИЗВИНЕНИЯ ЗА НИХ НЕ ИМЕЛ НИКАКОГО ЭФФЕКТА.

1. ВСКОРЕ после этого в Иудею пришел человек, намного превосходивший хитрости Ареелая, который не только отменил то примирение, которое было так мудро заключено с Александром, но и стал причиной его гибели. Он был лакедемонянин, и звали его Эврикл. Он был настолько развращенным человеком, что из желания получить деньги предпочел жить под властью царя, ибо Греция не могла удовлетворить его роскоши. Он преподнес Ироду великолепные дары, как приманку, которую тот положил, чтобы обойти его концы, и быстро получил их обратно; и все же он считал пустые дары ничем, если только не обагрял королевство кровью своими покупками. Соответственно, он навязывался царю, льстя ему и тонко разговаривая с ним, а также лживыми комплиментами, которые он делал ему; ибо, как скоро он увидел слепую сторону

Ирода, так он говорил и делал все, что могло понравиться ему, и таким образом стал одним из его самых близких друзей; ибо и царь, и все, кто был вокруг него, имели большое уважение к этому спартанцу из-за его страны (41).
2. Как только этот человек узнал о гнилой части семьи, о том, какие ссоры были между братьями и в каком расположении был отец к каждому из них, он решил сначала поселиться в доме Антипатра, но ввел Александра в заблуждение, притворившись ему другом, и ложно заявил, что он старый знакомый Архелая; по этой причине он был вскоре допущен к Александру как верный друг. Вскоре он также порекомендовал себя своему брату Аристобулу. И когда он таким образом произвел суд над этими несколькими людьми, он наложил на одного из них один метод, а на другого другой. Но главным образом он был нанят Антипатром и тем самым предал Александра, упрекая Антипатра в том, что, будучи старшим сыном, он не замечал интриг тех, кто стоял на пути его ожиданий.; и упрекая Александра за то, что тот, кто родился от царицы и был женат на дочери царя, позволил тому, кто родился от скупой женщины, претендовать на престол, и это тогда, когда у него был Архелай, чтобы поддержать его самым полным образом. Юноша не считал его советы иначе как верными из-за его мнимой дружбы с Архелаем, из-за чего Александр жаловался ему на поведение Антипатра по отношению к самому себе, и при этом ничего от него не скрывал.; и не удивительно, что Ирод, убив их мать, лишил их ее царства. На это Еврикл сделал вид, что сочувствует его состоянию и скорбит вместе с ним. Он также, с помощью приманки, которую он приготовил для него, заставил Аристобула сказать то же самое. Так он уговорил обоих братьев пожаловаться на отца, а затем отправился к Антипатру и передал ему эти великие тайны. Он также добавил свою собственную выдумку, как будто его братья составили заговор против него и были почти готовы напасть на него с обнаженными мечами. За эти сведения он получил большую сумму денег, и за это он похвалил Антипатра перед своим отцом, и в конце концов предпринял работу по приведению Александра и Аристобула в могилу и обвинил их перед своим отцом. Тогда он пришел к Ироду и сказал ему, что спасет ему

жизнь в награду за милости, которые он получил от него, и сохранит его свет [жизни] в качестве возмездия за его добрые развлечения; ибо меч был давно отточен, и правая рука Александра была давно протянута против него; но то, что он поставил препятствия на его пути, помешал его скорости, и то, что он сделал вид, что помогает ему в его замысле; как Александр сказал, что Ирод не удовлетворился царствованием в царстве, которое принадлежало другим, и сделал обветшание в правлении их матери после того, как он убил ее; но кроме всего этого, что он представил ложного преемника и предложил отдать царство их предков этому чумному собрату Антипатру; что он теперь успокоит призраков Гиркана и Мариамны, отомстив ему; за то, что ему не подобало принимать престолонаследие от такого отца без кровопролития; за то, что каждый день происходит много вещей, провоцирующих его на это, так что он вообще ничего не может сказать, но это дает повод для клеветы на него; за то, что если кто-нибудь упомянет о знатности происхождения, даже в других случаях, его оскорбляют несправедливо, в то время как его отец сказал бы, что никто, конечно, не благородного происхождения, кроме Александра, и что его отец был бесславен из-за отсутствия такого благородства. Если они в любое время охотятся, а он ничего не говорит, он дает обиду; и если он хвалит какое-нибудь тело, они воспринимают это как шутку. Что они всегда находят своего отца безжалостно суровым и не питают никакой естественной привязанности ни к кому из них, кроме Антипатра; по этой причине, если этот заговор не состоится, он очень хочет умереть; но что в случае, если он убьет своего отца, у него есть достаточные возможности для спасения себя. Во-первых, у него есть тесть Архелай, к которому он легко может обратиться, а во-вторых, у него есть Цезарь, который до сих пор не знал характера Ирода; ибо тогда он не предстанет перед ним с тем ужасом, который он испытывал, когда его отец был там, чтобы устрашить его; и тогда он не будет выдвигать обвинений, которые касались только его одного, но, во-первых, открыто будет настаивать на бедствиях их народа, и как они облагаются налогами до смерти, и на какие способы роскоши и злых поступков расходуются те богатства, которые были получены

кровопролитием; что это за люди, которые получают наши богатства, и кому принадлежат те города, которым он дарует свои милости; что он будет расспрашивать о том, что случилось с его дедом [Гирканом] и его матерью [Мариамной], и открыто объявит о грубом злодействе, которое было в царстве; по этим причинам он не должен считаться отцеубийцей.
3. Когда Еврикл произнес эту зловещую речь, он высоко оценил Антипатра, как единственного ребенка, который питал привязанность к своему отцу и поэтому был препятствием для заговора другого против него. Тогда король, едва сдерживавший свой гнев на прежние обвинения, пришел в неизлечимое раздражение. В это время Антипатр воспользовался еще одним случаем, чтобы послать к своему отцу других людей, чтобы обвинить своих братьев и сказать ему, что они беседовали наедине с Юкундом и Тираном, которые когда-то были хозяевами лошади у царя, но за некоторые проступки были отстранены от этой почетной работы. Ирод был очень разгневан этими известиями и вскоре приказал подвергнуть этих людей пыткам, но они не признались ни в чем из того, что было сообщено царю.; но было предъявлено некое письмо, написанное Александром губернатору замка, с просьбой принять его и Аристобула в замок, когда он убьет своего отца, и дать им оружие и любую другую помощь, какую он сможет оказать в этом случае. Александр сказал, что это письмо-подделка Диофанта. Этот Диофант был секретарь царя, человек смелый и ловкий в подделке любой руки; и после того, как он подделал большое количество, он был, наконец, предан смерти за это. Ирод также приказал подвергнуть пыткам наместника замка, но не добился от него ничего из того, что предполагали обвинения.
4. Однако, хотя Ирод нашел доказательства слишком слабыми, он приказал держать своих сыновей под стражей, ибо до сих пор они были на свободе. Он также назвал этого вредителя своей семьи и виновника всех этих гнусных обвинений Эвриклом, своим спасителем и благодетелем, и дал ему награду в пятьдесят талантов. После чего он предотвратил любые точные сведения о том, что он сделал, немедленно отправившись в Каппадокию, и там он получил деньги от Архелая, имея наглость притворяться,

что он примирил Ирода с Александром. Оттуда он перешел в Грецию и использовал то, что он таким образом нечестиво получил, в таких же нечестивых целях. Поэтому его дважды обвиняли перед Цезарем в том, что он наполнил Ахаию мятежом и разграбил ее города, и поэтому он был отправлен в изгнание. И таким образом он был наказан за те злые поступки, в которых он был виновен по отношению к Аристобулу и Александру.
5. Но теперь стоит противопоставить этому спартанцу Эварата из Коса, так как он был одним из самых близких друзей Александра и приезжал к нему во время его странствий в то же время, что и Эврикл; поэтому царь задал ему вопрос: правда ли то, в чем обвиняли Александра? Он заверил его под присягой, что никогда не слышал ничего подобного от молодых людей, но разве это свидетельство не помогло очистить этих несчастных существ? Ибо Ирод был только расположен и более всего готов выслушать то, что было против них, и все были наиболее благосклонны к нему, кто считал их виновными и показывал свое негодование на них.

ГЛАВА 27.

ИРОД ПО УКАЗАНИЮ ЦЕЗАРЯ ОБВИНЯЕТ СВОИХ СЫНОВЕЙ В ЭВРИТЕ. ОНИ НЕ ПРЕДСТАЮТ ПЕРЕД СУДОМ, НО ВСЕ ЖЕ ОСУЖДЕНЫ; И ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ИХ ОТПРАВЛЯЮТ В СЕВАСТИЮ И ТАМ ДУШАТ.

1. КРОМЕ того, Саломея возмутилась жестокостью Ирода по отношению к его сыновьям, ибо Аристобул желал подвергнуть ее, свою тещу и тетку, такой же опасности, как и они сами; поэтому он послал к ней, чтобы позаботиться о ее собственной безопасности, и сказал ей, что царь готовится предать ее смерти из-за обвинения, которое было выдвинуто против нее, как будто, когда она прежде пыталась выйти замуж за Сильлея Араба, она открыла ему великие тайны царя, который был врагом царя; и это было то, что пришло как последний шторм, и полностью потопило молодых людей, когда они были в большой опасности прежде. Ибо Саломея прибежала к царю и рассказала ему о том, что ей было сказано, и он, не выдержав, приказал связать обоих

юношей и разлучил их. Он также немедленно послал к Цезарю Волумния, военачальника своей армии, а также своего друга Олимпа, который принес с собой письменные сведения. Как только они отплыли в Рим и доставили царские письма Кесарю, Цезарь был сильно встревожен судьбой молодых людей; однако он не думал, что должен отнять у отца право осуждать своих сыновей; поэтому он написал ему ответ и назначил его иметь власть над своими сыновьями; но вместе с тем сказал, что ему следовало бы рассмотреть этот вопрос о заговоре против него в публичном суде и взять в качестве своих заседателей своих родичей и губернаторов провинции. И если эти сыновья будут признаны виновными, предать их смерти; но если они, по-видимому, думали только о том, чтобы улететь от него, то он должен умерить их наказание.
2. С этими указаниями Ирод повиновался и пришел в Берит, где Цезарь приказал собрать суд, и собрал судию. Первыми, как и было предписано в письмах Цезаря, сели президенты Сатурнин и Педаний, а также их помощники, с которыми был также прокуратор Волумний; рядом с ними сидели родственники и друзья царя, а также Саломея и Ферор; после них сидели главные люди всей Сирии, за исключением Архелая, ибо Ирод подозревал его, так как он был тестем Александра. Однако он не представил своих сыновей на открытом суде, и это было сделано очень хитро, так как он хорошо знал, что если бы они только появились, их, несомненно, пожалели бы; и если бы им позволили говорить, Александр легко ответил бы на то, в чем их обвиняли; но они были заключены под стражу в Платане, деревне сидонтов.
3. Тогда король встал и стал бранить своих сыновей, как будто они были при нем; а что касается той части обвинения, которую они замышляли против него, то он настаивал на ней лишь слабо, потому что у него не было доказательств; но он настаивал перед заседателями на упреках, и шутках, и оскорбительной осанке, и десяти тысячах подобных оскорблений против него, которые были тяжелее самой смерти; и когда никто не возражал ему, он заставил их пожалеть его дело, как если бы он сам был осужден, теперь он одержал горькую победу над ним его сыновья. Поэтому он спросил у каждого приговор, который прежде всего

был вынесен Сатурнином, и был таков: он осудил юношей, но не на смерть, ибо ему, у которого теперь было трое собственных сыновей, не подобало отдавать свой голос за уничтожение сыновей другого. Оба наместника тоже отдали свой голос; некоторые другие последовали их примеру, но Волумний стал голосовать более меланхолично, и все, кто пришел после него, приговорили молодых людей к смерти, некоторые из лести, а некоторые из ненависти к Ироду; но не из-за возмущения их преступлениями. И теперь вся Сирия и Иудея были в великом ожидании и ждали последнего акта этой трагедии; однако никто не предполагал, что Ирод будет настолько варваром, чтобы убить своих детей; однако он увез их в Тир, а оттуда отплыл в Кесарию и обсуждал с самим собой, какую смерть должны претерпеть молодые люди.

4. Был у царя один старый воин по имени Теро, у которого был сын, хорошо знакомый Александру и друг, и который сам особенно любил юношей. Этот солдат был в некотором смятении от избытка негодования, которое он испытывал по поводу того, что делал; и сначала он громко кричал, когда он шел, что справедливость попрана ногами, что истина погибла, и природа посрамлена, и что жизнь человека полна беззакония, и все остальное, что страсть может предложить человеку, не щадящему своей жизни; и наконец он отважился пойти к царю и сказал: "Поистине, я думаю, что ты самый несчастный человек, когда слушаешь самых злых негодяев против тех, кто должен быть тебе дорог; ибо ты часто решал, что Ферор и Саломея должны быть преданы смерти, и все же веришь им против твоих сыновей; в то время как они, отсекая преемственность твоих собственных сыновей, оставляют все целиком Антипатру и тем самым выбирают себе такого царя, который будет полностью в их власти. Однако подумайте, не вызовет ли эта смерть братьев Антипатра ненависть солдат; ибо нет никого, кто бы не сочувствовал молодым людям, а из капитанов многие открыто выражают свое негодование по этому поводу". Сказав это, он назвал тех, кто был так возмущен, но король приказал немедленно схватить этих людей, а также самого Теро и его сына.

5. В это время жил некий цирюльник по имени Трифон. Этот человек выскочил из толпы в каком-то безумии, обвинил себя и сказал: "Этот Теро пытался убедить меня также перерезать тебе горло моей бритвой, когда я обрезал тебя, и обещал, что Александр даст мне за это большие подарки". Услышав это, Ирод вместе с сыном и цирюльником подвергнул Теро пыткам, но так как остальные отрицали обвинение, а он ничего не сказал, то Ирод приказал подвергнуть Теро более жестоким пыткам; но его сын, из жалости к отцу, обещал открыть все царю, если тот согласится [чтобы его отца больше не мучили]. Согласившись на это, он сказал, что его отец, по настоянию Александра, имел намерение убить его. Одни говорили, что это подделка, чтобы избавить его отца от мучений, а другие говорили, что это правда.
6. И ныне Ирод обвинил военачальников и Теро в собрании народа и собрал народ против них; и соответственно они были преданы смерти вместе с цирюльником Трифоном; они были убиты кусками дерева и камнями, которые были брошены в них. Он также послал своих сыновей в Севастию, город недалеко от Кесарии, и приказал их там задушить; и как то, что он приказал, было немедленно исполнено, так он приказал, чтобы их мертвые тела были доставлены в крепость Александриум, чтобы быть похороненными вместе с Александром, их дедом по материнской линии. И это был конец Александра и Аристобула.

ГЛАВА 28.

КАК НЕНАВИДЯТ АНТИПАТРА ВСЕ ЛЮДИ, И КАК ЦАРЬ ОТДАЕТ СЫНОВЕЙ УБИТЫХ СВОИМ РОДСТВЕННИКАМ, НО ЭТОТ АНТИПАТР ЗАСТАВИЛ ЕГО ПОМЕНЯТЬ ИХ НА ДРУГИХ ЖЕНЩИН. О БРАКАХ ИРОДА И ЕГО ДЕТЯХ.

1. НО непереносимая ненависть обрушилась на Антипатра со стороны народа, хотя теперь он имел неоспоримое право на престолонаследие, потому что все они знали, что он был человеком, который придумал все клеветы против своих братьев. Однако он начал испытывать страшный страх, видя, как

растет потомство убитых, ибо у Александра было два сына от Глафиры, Тигран и Александр, а у Аристобула-Ирод, Агриппа и Аристобул, его сыновья, с Иродиадой и Мариамной, его дочерьми, и все от Берниды, дочери Саломеи. Что же касается Глафиры, то Ирод, убив Александра, отослал ее вместе с ее частью в Каппадокию. Он женил Берниду, дочь Аристобула, на дяде Антипатра по матери, и именно Антипатр, чтобы примирить ее с ним, когда она была в ссоре с ним, устроил этот брак; он также вошел в расположение Ферора и в расположение друзей Цезаря подарками и другими способами угодливости и послал немалые суммы денег в Рим; Сатурнин также и его друзья в Сирии были хорошо пополнены подарками, которые он им сделал; но чем больше он давал, тем больше его ненавидели, потому что он делал эти подарки не из щедрости, а тратил деньги из страха. Соответственно, вышло так, что получатели не питали к нему больше доброжелательности, чем прежде, но те, кому он ничего не давал, были его злейшими врагами. Однако он с каждым днем раздавал свои деньги все щедрее и щедрее, замечая, что, вопреки его ожиданиям, король заботится о сиротах, и в то же время обнаруживая свое раскаяние в убийстве их отцов своим сочувствием к тем, кто от них произошел.
2. Поэтому Ирод собрал своих родных и друзей, поставил перед ними детей и с глазами, полными слез, сказал им так: "Несчастная судьба отняла у меня отцов этих детей, которых дети рекомендуют мне тем естественным сочувствием, которого требует их сиротское положение; однако я постараюсь, хотя и был самым несчастным отцом, казаться лучшим дедом и оставить этим детям таких опекунов после себя, которые мне дороги. Поэтому я обручаю твою дочь Ферору со старшим из этих братьев, детьми Александра, чтобы ты был обязан заботиться о них. Я также обручаюсь с твоим сыном Антипатром, дочерью Аристобула; поэтому ты будешь отцом этой сироты, а мой сын Ирод [Филипп] будет иметь ее сестру, дед которой по материнской линии был первосвященником. И пусть каждый, кто любит меня, будет разделять мои чувства в этих расположениях, которые никто из тех, кто имеет ко мне привязанность, не отменит. И я молю Бога, чтобы он соединил этих детей вместе в браке на благо моего царства и моего

потомства; и пусть он смотрит на них более спокойными глазами, чем он смотрел на их отцов".
3. Произнося эти слова, он заплакал и соединил руки детей вместе; после чего он нежно обнял их всех и распустил собрание. После этого Антипатр сразу же пришел в большое смятение и публично оплакивал содеянное, так как полагал, что это достоинство, которое было даровано этим сиротам, было для его собственного уничтожения, даже при жизни его отца, и что он подвергнется еще одному риску потерять правительство, если сыновья Александра будут иметь и Архелая [царя], и Ферора тетрарха, чтобы поддержать их. Он также размышлял о том, как его самого ненавидит народ и как они жалеют этих сирот; как великую любовь евреи питают к его братьям, когда те были живы, и как радостно они вспоминают о них теперь, когда они погибли по его вине. Поэтому он решил всеми возможными способами расторгнуть эти помолвки.
4. Теперь он боялся тонко говорить об этом со своим отцом, который был трудно доволен и вскоре был тронут малейшим подозрением; поэтому он осмелился пойти к нему прямо и просить его перед его лицом не лишать его того достоинства, которое он был рад даровать ему; и чтобы он не мог иметь голого имени царя, в то время как власть была в других лицах; ибо он никогда не сможет сохранить правительство, если сын Александра будет иметь и своего деда Архелая, и Ферора в качестве своих опекунов; и он горячо умолял его, так как в живых было так много членов королевской семьи, чтобы он изменил эти [предполагаемые] браки. У царя было девять жен (42) и дети от семи из них; сам Антипатр родился от Дориды, а Ирод Филипп от Мариамны, дочери первосвященника; также Антипа и Архелай были от Малфака, самарянина, как и дочь его Олимпиада, на которой женился сын его брата Иосифа (43). От Клеопатры Иерусалимской у него были Ирод и Филипп, а от Паллады-Фазель; у него были также две дочери, Роксана и Саломея, одна от Федры, а другая от Елпиды.; у него было также две жены, у которых не было детей, одна его двоюродная сестра, а другая племянница; и кроме них у него было две дочери, сестры Александра и Аристобула, от Мариамны. Так как

царская семья была столь многочисленна, Антипатр просил его изменить эти предполагаемые браки.

5. Когда царь понял, в каком расположении он находится к этим сиротам, он рассердился на это, и ему пришло в голову подозрение относительно тех сыновей, которых он предал смерти, не было ли это вызвано ложными рассказами Антипатра; так что в то время он дал Антипатру длинный и раздраженный ответ и велел ему уйти. Однако впоследствии он был хитро одурачен своей лестью и изменил браки; он выдал за него дочь Аристобула, а сына - за дочь Ферора.

6. Теперь можно узнать, как много мог сделать этот льстивый Антипатр - даже то, чего не могла сделать Саломея в подобных обстоятельствах; ибо когда она, его сестра, через Юлию, жену Цезаря, горячо желала выйти замуж за Силлея Аравитянина, Ирод поклялся, что будет считать ее своим злейшим врагом, если она не откажется от этого замысла; он также заставил ее, против ее собственного согласия, выйти замуж за Алексаса, его друга, и что одна из ее дочерей должна выйти замуж за Алексаса сына, а другой дядю Антипатра по материнской линии. Что же касается дочерей царя от Мариамны, то одна была замужем за Антипатром, сыном его сестры, а другая за сыном его брата Фазелем.

ГЛАВА 29.

АНТИПАТР СТАНОВИТСЯ НЕВЫНОСИМ. ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В РИМ И ВЕЗЕТ С СОБОЙ ЗАВЕЩАНИЕ ИРОДА; ФЕРОР ОСТАВЛЯЕТ СВОЕГО БРАТА, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ЖЕНУ. ОН УМИРАЕТ ДОМА.

1. ТЕПЕРЬ, когда Антипатр лишил сирот надежды и заключил с ними такие родственные отношения, которые были бы наиболее выгодны ему самому, он действовал бодро, как будто имел известное ожидание царства; и так как теперь к его нечестию добавилась уверенность, он стал невыносим; ибо, не будучи в состоянии избежать ненависти всех людей, он построил свою безопасность на страхе, который он вселил в них. Ферор также помогал ему в его замыслах, считая его уже закрепившимся в

царстве. При дворе также была компания женщин, что вызвало новые волнения; ибо жена Ферора вместе со своей матерью и сестрой, как и мать Антипатра, стала очень наглой во дворце. Она также была настолько дерзка, что оскорбила двух дочерей царя, за что царь ненавидел ее до большой степени; но хотя эти женщины были ненавидимы им, они доминировали над другими; была только Саломея, которая воспротивилась их хорошему соглашению и сообщила царю об их встречах, как не для пользы его дел. И когда эти женщины узнали, какую клевету она подняла против них и как сильно был недоволен Ирод, они прекратили свои публичные собрания и дружеские развлечения друг с другом; более того, они притворились, что ссорятся друг с другом, когда царь был в пределах слышимости. Подобным же притворством пользовался Антипатр; и когда дело касалось публичных дел, он выступал против Ферора; но все же у них были частные заговоры и веселые встречи в ночное время; и наблюдение других не более чем подтверждало их взаимное согласие. Однако Саломея знала все, что они делали, и рассказывала обо всем Ироду.
2. Но он воспылал гневом на них, и главным образом на жену Ферора, ибо Саломея главным образом обвиняла ее. Тогда он собрал своих друзей и родственников и обвинил эту женщину во многих вещах, особенно в оскорблениях, которые она нанесла его дочерям, и в том, что она снабдила фарисеев деньгами в качестве награды за то, что они сделали против него, и добилась того, чтобы его брат стал его врагом, дав ему любовные снадобья. Наконец он обратился с речью к Ферору и сказал ему, что даст ему выбор между этими двумя вещами: будет ли он жить с братом или с женой? А когда Ферор сказал, что скорее умрет, чем оставит жену? Ирод, не зная, что делать дальше в этом вопросе, обратился с речью к Антипатру и приказал ему не вступать в сношения ни с женой Ферора, ни с самим Ферором, ни с кем-либо из ее близких. И хотя Антипатр не нарушал этого своего повеления публично, все же он тайно приходил на их ночные собрания.; и так как он боялся, что Саломея заметит то, что он делает, он добился с помощью своих итальянских друзей, чтобы он мог поехать и жить в Риме; ибо когда они написали, что Антипатру надлежит быть посланным к Цезарю на

некоторое время, Ирод не стал медлить, а послал его, и что с великолепным сопровождением, и с большим количеством денег, и дал ему завещание, чтобы он взял его с собой, - в котором Антипатр завещал ему царство и в котором Ирод был назван в честь преемника Антипатра; что Ирод, я имею в виду, кто был наследником Антипатра.сын Мариарм, дочери первосвященника.

3. Также и Силлей, араб, отплыл в Рим, не обращая никакого внимания на предписания Цезаря, и это для того, чтобы всеми силами противостоять Антипатру, как и тот судебный иск, который Николай имел с ним прежде. У этого Силлея было также большое состязание с Аретой, его собственным царем, ибо он убил многих других друзей Ареты, и в особенности Сохема, самого могущественного человека в городе Петра. Кроме того, он уговорил Фабата, который был управляющим Ирода, дать ему большую сумму денег, чтобы помочь ему против Ирода; но когда Ирод дал ему больше, он заставил его покинуть Силк и тем самым потребовал от него все, что требовал от него Цезарь. Но когда Силлей не заплатил ничего из того, что должен был заплатить, а также обвинил Фабата перед Цезарем и сказал, что он был управляющим не для пользы Цезаря, а для пользы Ирода, Фабат рассердился на него за это, но все еще был в очень большом почете у Ирода, и открыл великие тайны Силлея, и сказал царю, что Силлей подкупил Коринфа, одного из телохранителей его тела, и поэтому он должен был заботиться о нем. Поэтому царь подчинился; ибо этот Коринф, хотя и был воспитан в царстве Ирода, но по рождению был арабом; поэтому царь приказал немедленно взять его, и не только его, но и двух других арабов, которые были пойманы вместе с ним; один из них был другом Силлея, а другой-главой племени. Эти последние, подвергнутые пыткам, сознались, что за большие деньги уговорили Коринфа убить Ирода, и когда их допросили перед Сатурнином, президентом Сирии, их отправили в Рим.

4. Однако Ирод не переставал приставать к Ферору, но продолжал принуждать его к тому, чтобы он прогнал свою жену; (45) однако он не мог придумать никакого способа, которым он мог бы подвергнуть наказанию саму женщину, хотя

у него было много причин ненавидеть ее, пока, наконец, он не был в таком большом беспокойстве о ней, что изгнал и ее, и своего брата из своего царства. Ферор очень терпеливо принял это оскорбление и ушел в свою тетрархию [Перею за Иорданом] и поклялся, что его бегству будет положен только один конец, и это будет смерть Ирода; и что он никогда не вернется, пока жив. И действительно, он не вернулся, когда его брат был болен, хотя он искренне послал за ним, чтобы прийти к нему, потому что он хотел оставить некоторые предписания с ним, прежде чем он умрет; но Ирод неожиданно выздоровел. Вскоре после этого сам Ферор заболел, когда Ирод проявил великую умеренность; ибо он пришел к нему, пожалел его и заботился о нем; но его любовь к нему не принесла ему пользы, так как Ферор умер немного позже. И хотя Ирод до последнего дня своей жизни питал к нему такую сильную привязанность, все же распространился слух, что он убил его ядом. Тем не менее, он позаботился о том, чтобы его мертвое тело было перенесено в Иерусалим, и назначил очень большой траур для всего народа по нему, и даровал ему самые пышные похороны. И это был конец, к которому пришел один из убийц Александра и Аристобула.

ГЛАВА 30.

КОГДА ИРОД СПРОСИЛ О СМЕРТИ ФЕРОРА, ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО АНТИПАТР ПРИГОТОВИЛ ДЛЯ НЕГО ЯДОВИТОЕ ЗЕЛЬЕ. ИРОД ИЗГОНЯЕТ ДОРИДУ И ЕЕ СООБЩНИКОВ, А ТАКЖЕ МАРИАМНУ ИЗ ДВОРЦА И ВЫЧЕРКИВАЕТ ЕЕ СЫНА ИРОДА ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ.

1. НО теперь наказание перешло к первоначальному автору, Антипатру, и началось со смерти Ферора; ибо некоторые из его вольноотпущенников пришли с печальным лицом к царю и сказали ему, что его брат был убит ядом, и что его жена принесла ему что-то, приготовленное необычным образом, и что, съев его, он вскоре впал в смуту; что мать и сестра Антипатра за два дня до этого привезли из Аравии женщину, которая умела смешивать такие снадобья, чтобы приготовить для него любовное зелье. Ферор; и что вместо любовного зелья

она дала ему смертельный яд; и что это было сделано по распоряжению Силлеуса, который был знаком с этой женщиной.
2. Царь был глубоко взволнован столь многими подозрениями и приказал также подвергнуть пыткам служанок и некоторых свободных женщин, одна из которых в агонии воскликнула: "Пусть Бог, правящий землей и небом, накажет эту виновницу всех наших несчастий, мать Антипатра!" Король взял эту исповедь в свои руки и принялся расспрашивать дальше, в чем дело. Итак, эта женщина узнала о дружбе матери Антипатра с Ферором и женщинами Антипатра, а также об их тайных встречах, и о том, что Ферор и Антипатр пили с ними целую ночь, когда они возвращались от царя, и не допустили, чтобы кто-нибудь, будь то слуга или служанка, был там, в то время как одна из свободных женщин узнала об этом.
3. После этого Ирод подвергал пыткам служанок, каждую в отдельности, которые все единодушно соглашались с предыдущими открытиями, и что, соответственно, по соглашению они уехали, Антипатр в Рим, а Ферор в Перею; ибо они часто говорили друг с другом так: Что после того, как Ирод убил Александра и Аристобула, он нападет на них и на их жен, потому что после того, как он пощадит Мариамну и ее детей, он никого не пощадит; и что Антипатр часто оплакивал свое собственное положение перед матерью и говорил ей, что у него уже есть седые волосы на голове, и что его отец с каждым днем становится все моложе, и что, возможно, смерть настигнет его прежде, чем он начнет всерьез становиться царем; и что в случае смерти Ирода, о которой еще никто не знал, когда это произойдет, наслаждение престолонаследием, конечно, может быть только на короткое время; за то, что эти головы Гидры, сыновья Александра и Аристобула, росли; за то, что он был лишен своим отцом надежды стать преемником своих детей, за то, что его преемником после его смерти должен был стать не кто-нибудь из его собственных сыновей, а Ирод, сын Мариамны; за то, что в этом пункте Ирод был явно сбит с толку, думая, что его завещание должно иметь место; за то, что он позаботился о том, чтобы не осталось ни одного из его потомков, потому что он был из всех отцов величайшим ненавистником своих детей. И все же ненавидит ли он своего

брата еще сильнее; вот почему он недавно дал себе сто талантов, чтобы не иметь сношений с Ферором. И когда Ферор сказал: "Чем мы ему навредили? Антипатр ответил: "Я хотел бы, чтобы он лишил нас всего, что у нас есть, и оставил нас только голыми и живыми; но действительно невозможно убежать от этого дикого зверя, который так предан убийству, который не позволяет нам любить кого-либо открыто, хотя мы и вместе наедине; но мы можем быть так же открыто, если у нас есть только мужество и руки людей".

4. Эти слова были сказаны женщинами во время пытки, как и то, что Ферор решил лететь с ними в Перею. Ирод отдавал должное всему, что они говорили, из-за дела о ста талантах, ибо он ни с кем не говорил о них, а только с Антипатром. Поэтому он выместил свой гнев прежде всего на матери Антипатра, отнял у нее все украшения, которые он ей подарил и которые стоили много талантов, и во второй раз изгнал ее из дворца. Он также заботился о женщинах Ферора после их пыток, так как теперь примирился с ними; но он сам был в большом смятении и воспламенялся от всякого подозрения, и многие невинные люди были подвергнуты пыткам из страха, чтобы он не оставил без наказания ни одного виновного.

5. И вот он отправился допрашивать Антипатра Самарийского, который был управляющим [его сына] Антипатра; и, подвергнув его пыткам, он узнал, что Антипатр послал за зельем смертельного яда для него из Египта через Антифила, своего товарища; что Ферор, дядя Антипатра, получил его от него и передал Ферору; ибо Антипатр поручил ему забрать своего отца, пока он был в Риме, и таким образом освободить его от подозрения, что он сделал это сам и передал это зелье своей жене. Тогда король послал за ней и велел немедленно принести ему то, что она получила. Поэтому она вышла из дома, как будто собиралась принести его с собой, но бросилась вниз с крыши дома, чтобы предотвратить любые допросы и пытки со стороны короля. Однако случилось так, что, по-видимому, по промыслу Божию, когда он намеревался наказать Антипатра, она упала не на голову, а на другие части тела и спаслась. Царь, когда ее привели к нему, позаботился о ней (ибо она сначала была совершенно бесчувственна при падении) и спросил ее, почему

она бросилась вниз, и дал ей клятву, что, если она скажет истинную правду, он освободит ее от наказания, но если она что-нибудь утаит, он велит истерзать ее тело пытками и не оставит ни одной части его нужно похоронить.
6. После этого женщина немного помолчала, а затем сказала: "Почему я жалею говорить об этих великих тайнах теперь, когда Ферор мертв? это только спасло бы Антипатра, который и есть наша погибель. Слушай же, о царь, и будь ты и сам Бог, который не может быть обманут, свидетелями истинности того, что я собираюсь сказать. Когда ты сидела, плача, рядом с умирающим Ферором, он позвал меня к себе и сказал: "Дорогая жена, я сильно ошибся в расположении моего брата ко мне, и возненавидел того, кто так привязан ко мне, и умудрился убить того, кто так беспокоится за меня, прежде чем я умру. Что касается меня, то я получаю воздаяние за свое нечестие; но ты принеси тот яд, который оставил нам Антипатр и который ты хранишь, чтобы уничтожить его, и немедленно сожги его в огне у меня на глазах, чтобы я не был ответственен перед мстителем в невидимом мире". Я принес его, как он велел, и большую часть высыпал в огонь, но немного приберег для собственного употребления против неопределенного будущего и из страха перед тобой".
7. Сказав это, она принесла шкатулку, в которой было немного этого зелья; но царь оставил ее в покое и передал мучения матери и брату Антифила, которые оба признались, что Антифил принес шкатулку из Египта и что они получили зелье от своего брата, который был врачом в Александрии. Тогда призраки Александра и Аристобула обошли весь дворец и стали инквизиторами и первооткрывателями того, что иначе не могло быть обнаружено, и привели тех, кто был свободен от подозрений, чтобы подвергнуться допросу; в результате выяснилось, что Мариамна, дочь первосвященника, знала об этом заговоре, и даже ее братья, когда их пытали, заявили, что это так. Тогда царь отомстил за это дерзкое покушение матери на ее сына и изгнал Ирода, которого он имел от нее, из своего царства, который прежде был назван в нем преемником Антипатра.

ГЛАВА 31.

АНТИПАТР ОСУЖДЕН БАТИЛЛОМ, НО ОН ВСЕ ЕЩЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ РИМА, САМ ТОГО НЕ ЗНАЯ, И ИРОД ПРИВОДИТ ЕГО НА СУД.

1. ПОСЛЕ того, как все это было кончено, Батилл явился на допрос, чтобы осудить Антипатра, который доказал окончательное подтверждение замыслов Антипатра, ибо на самом деле он был не кто иной, как его вольноотпущенник. Этот человек пришел и принес еще одно смертоносное зелье, яд аспидов и соки других змей, чтобы, если первое зелье не поможет, Ферор и его жена могли вооружиться и этим, чтобы уничтожить царя. Он привез также дополнение к дерзкому покушению Антипатра на своего отца, которое заключалось в письмах, написанных им против своих братьев, Архелая и Филиппа, которые были сыновьями царя и получили образование в Риме, будучи еще молодыми, но великодушными. Антипатр решил избавиться от них как можно скорее, чтобы они не нанесли ущерба его надеждам, и с этой целью он подделал против них письма от имени своих друзей в Риме. Некоторых из них он подкупил, чтобы они написали, как они грубо упрекали своего отца и открыто оплакивали Александра и Аристобула, и были обеспокоены тем, что их отозвали, потому что их отец уже послал за ними, и это было именно то, что беспокоило Антипатра.
2. В самом деле, когда Антипатр был в Иудее и перед тем, как отправиться в Рим, он дал денег, чтобы подобные письма против них были посланы из Рима, а затем пришел к своему отцу, который еще не подозревал его, и извинился за своих братьев, и утверждал от их имени, что некоторые вещи, содержащиеся в этих письмах, были ложными, а другие-всего лишь юношескими заблуждениями. Но в то же самое время, когда он тратил много своих денег, делая подарки тем, кто писал против его братьев, он стремился привести свои счета в замешательство, покупая дорогие одежды и ковры различных контекстов, серебряные и золотые кубки и много других любопытных вещей, чтобы таким

образом, среди многих больших расходов, возложенных на такую мебель, он мог скрыть деньги, которые он использовал для найма людей [для написания писем]; ибо он принес отчет о своих расходах, составивший двести талантов, главным его предлогом был судебный иск, в котором он был обвинен.с Силлеусом. Итак, в то время как все его злодеяния, даже меньшего рода, были покрыты его большим злодейством, в то время как все допросы под пытками возвещали о его попытке убить отца, а письма возвещали о его второй попытке убить своих братьев, однако никто из тех, кто прибыл в Рим, не сообщил ему о его несчастьях в Иудее, хотя между его осуждением и возвращением прошло семь месяцев, так велика была ненависть, которую все они питали к нему. И, возможно, это были призраки тех его братьев, которые были убиты, которые заткнули рты тем, кто намеревался рассказать ему. Затем он написал из Рима и сообщил своим [друзьям], что скоро приедет к ним и что Цезарь с честью отпустил его.

3. Царь же, желая заполучить в свои руки этого заговорщика против него, а также опасаясь, как бы он каким-нибудь образом не узнал, как обстоят его дела, и не был настороже, скрыл свой гнев в своем послании к нему, как и в других местах, которые он писал ему ласково, и просил его поторопиться, потому что, если он приедет быстро, он тогда отложит жалобы, которые он имел на свою мать; ибо Антипатр не знал, что его мать была изгнана из дворца. Однако прежде он получил письмо, в котором содержалось сообщение о смерти Ферора в Таренте (46), и сильно оплакивал его; за что некоторые хвалили его, как за своего собственного дядю; хотя, вероятно, эта путаница возникла из-за того, что он таким образом потерпел неудачу в своем заговоре [о жизни своего отца]; и его слезы были больше из-за потери того, кто должен был быть подчинен ему, чем из-за [дяди] Ферора; кроме того, он испытывал своего рода страх перед своими намерениями, чтобы яд не был обнаружен. Однако, когда он был в Киликии, он получил вышеупомянутое послание от своего отца и очень поспешил. Но когда он отплыл в Челендерис, ему пришло в голову подозрение, связанное с несчастьями его матери; как будто его душа предчувствовала какую-то беду. Поэтому те из его друзей, которые были

наиболее внимательны, советовали ему не спешить идти к отцу, пока он не узнает, по каким причинам была изгнана его мать, потому что они боялись, что он может быть вовлечен в клевету, которая была брошена на его мать; но те, которые были менее внимательны и больше заботились о своем собственном желании увидеть родную страну, чем о безопасности Антипатра, убедили его поспешить домой и, откладывая поездку, не дать отцу основания для дурных подозрений, и дать отпор тем, кто поднимал против него слухи; ибо если что-то и было сделано в его пользу, то только из-за его отсутствия, чего не посмели бы сделать, если бы он присутствовал. И они говорили, что нелепо лишать себя некоторого счастья из-за неопределенного подозрения, а не скорее вернуться к отцу и взять на себя королевскую власть, которая колебалась только из-за него. Антипатр исполнил этот последний совет, ибо Провидение торопило его [к гибели]. Итак, он пересек море и высадился в Себастусе, гавани Кесарии.

4. И здесь он нашел совершенное и неожиданное одиночество, в то время как все тело избегало его, и никто не осмеливался подойти к нему; ибо он был одинаково ненавидим всеми людьми; и теперь эта ненависть имела свободу проявить себя, и страшные люди были в гневе царя, заставляли людей держаться от него подальше; ибо весь город [Иерусалим] был наполнен слухами об Антипатре, и сам Антипатр был единственным человеком, который не знал о них; ибо как никто не был отпущен более великолепно, когда он начал свое путешествие в Рим, так и никто не был теперь принят обратно с большим позором. И действительно, он уже начал подозревать, какие несчастья были в семье Ирода; но он хитро скрывал свое подозрение; и хотя внутренне он был готов умереть от страха, он напустил на себя дерзкое выражение лица. Не мог он теперь и улететь куда-либо, не имел возможности выбраться из окружавших его трудностей; да и не было у него там никаких известий о делах королевской семьи из-за угроз короля; но были у него и слабые надежды на лучшее известие, ибо, может быть, ничего и не было обнаружено.; а если бы и было сделано какое-нибудь открытие, то, может быть, ему удалось бы оправдаться с

помощью наглости и хитрых уловок, на которые он полагался в своем спасении.

5. И с этими надеждами он скрывался, пока не пришел во дворец, не имея с собою друзей; ибо они были оскорблены и заперты у первых ворот. В это время во дворце находился Вар, президент Сирии; Антипатр вошел к отцу и, сделав дерзкое лицо, приблизился, чтобы приветствовать его. Но Ирод простер руки, отвернул от него голову и воскликнул: "Даже это признак отцеубийства желать заключить меня в свои объятия, когда он подвергается таким гнусным обвинениям. Да проклянет тебя Бог, мерзкий негодяй!; не прикасайся ко мне, пока не очистишься от тех преступлений, которые тебе вменяют. Я назначаю тебе суд, где ты будешь судим, и этот Вар, который находится здесь очень вовремя, будет твоим судьей; и подготовь свою защиту к завтрашнему дню, потому что я даю тебе так много времени, чтобы подготовить подходящие оправдания для себя". И так как Антипатр был так смущен, что не мог ответить на это обвинение, он ушел; но мать и жена пришли к нему и рассказали ему обо всех уликах, которые они получили против него. Тут он опомнился и стал обдумывать, как ему защититься от обвинений.

ГЛАВА 32.

АНТИПАТР ОБВИНЯЕТСЯ ПЕРЕД ВАРОМ И ОБВИНЯЕТСЯ В ЗАГОВОРЕ [ПРОТИВ СВОЕГО ОТЦА] ПО САМЫМ ВЕСКИМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ. ИРОД ОТКЛАДЫВАЕТ НАКАЗАНИЕ ДО ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ, А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ИЗМЕНЯЕТ ЗАВЕЩАНИЕ.

1. На следующий день царь собрал двор из своих родичей и друзей и позвал также друзей Антипатра. Сам Ирод вместе с Варом были председателями, и Ирод призвал всех свидетелей и приказал привести их; среди них были и некоторые из домашних слуг матери Антипатра, которых незадолго до этого поймали, когда они несли следующее письмо от нее к ее сыну: "Так как все это уже было открыто твоему отцу, не приходи к нему, если не сможешь получить некоторую помощь от Цезаря".

Когда этот и другие свидетели были представлены, Антипатр вошел и, упав лицом к ногам своего отца, сказал: "Отец, умоляю тебя, не осуждай меня заранее, но пусть твои уши будут беспристрастны и внимательны к моей защите"; ибо если ты дашь мне разрешение, я докажу, что невиновен".

2. Тогда Ирод крикнул ему, чтобы он помолчал, и сказал так Вару: "Я не могу не думать, что ты, Вар, и всякий другой честный судья определит, что Антипатр мерзкий негодяй. Я также боюсь, что ты возненавидишь мое несчастье и сочтешь меня достойным всяческих несчастий за то, что я произвел на свет таких детей; и все же меня следовало бы пожалеть, ведь я был таким любящим отцом для таких несчастных сыновей; ибо, когда я возложил царство на моих бывших сыновей, даже когда они были еще молоды, и когда, помимо того, что я поручил им образование в Риме, я сделал их друзьями Цезаря и заставил их завидовать другим царям, я обнаружил, что они замышляют против меня заговор. Они были преданы смерти, и это в значительной степени ради Антипатра; так как он был тогда молод и назначен был моим преемником, я позаботился главным образом о том, чтобы уберечь его от опасности; но этот распутный дикий зверь, когда он был сверх того пресыщен терпением, которое я выказывал ему, использовал это изобилие, которое я дал ему, против самого себя; ибо я казался ему слишком долгим, и он очень беспокоился о старости, к которой я пришел; и он не мог оставаться дольше, но был бы королем через отцеубийство. И он справедливо служит мне за то, что вернул его из страны ко двору, когда он прежде не пользовался уважением, и за то, что изгнал моих сыновей, рожденных от королевы, и за то, что сделал его наследником моих владений. Признаюсь тебе, Вар, в великом безрассудстве, в котором я был повинен, ибо я спровоцировал этих моих сыновей действовать против меня и лишил их справедливых ожиданий ради Антипатра; и в самом деле, какое добро я сделал им, которое могло бы сравниться с тем, что я сделал Антипатру? я в некотором роде отдал своего царя, пока я жив, и которого я открыто назвал преемником моих владений в моем завещании, и дал ему годовой доход в размере пятидесяти талантов, и снабдил его деньгами в экстравагантной степени из моих собственных

доходов; и когда он собирался отплыть в Рим, я дал ему три таланта и рекомендовал его, и его одного из всех моих детей, Цезарю, как избавителя его отца. В каких же преступлениях были повинны другие мои сыновья, как это случилось с Антипатром? и какие доказательства против них были настолько сильны, чтобы доказать, что этот сын замышлял против меня заговор? И все же этот отцеубийца осмеливается говорить за себя и надеется скрыть правду своими хитрыми уловками. Ты, о Вар, должен остерегаться его, ибо я знаю дикого зверя и предвижу, как правдоподобно он будет говорить, и его фальшивые стенания. Это он увещевал меня заботиться об Александре, пока он жив, а не поручать мое тело всем людям! Это он подошел к самой моей постели и огляделся, чтобы никто не расставил мне силки! Это был тот, кто заботился о моем сне и защищал меня от страха перед опасностью, кто утешал меня в беде, в которой я оказался после убийства моих сыновей, и смотрел, какую любовь питают ко мне мои оставшиеся в живых братья! Это был мой защитник и хранитель моего тела! И когда я вспоминаю, о Вар, его хитрость при каждом удобном случае и его искусство лицемерия, я едва могу поверить, что я все еще жив, и я удивляюсь, как я избежал такого глубокого заговорщика зла. Однако, так как какая-то судьба опустошает мой дом и постоянно поднимает против меня тех, кто мне дорог, я буду со слезами оплакивать свою тяжелую судьбу и в одиночестве стенать о своем одиночестве; однако я твердо решил, что никто, жаждущий моей крови, не избежит наказания, хотя доказательства этого должны распространяться на всех моих сыновей".

3. Сказав это, Ирод был прерван смятением, в котором пребывал, но приказал Николаю, одному из своих друзей, представить доказательства против Антипатра. Но в это время Антипатр поднял голову (ибо он лежал на земле у ног своего отца) и громко воскликнул: "Ты, о отец, извинился за меня, ибо как я могу быть отцеубийцей, которого ты сам признаешь всегда своим опекуном? Ты называешь мою сыновнюю привязанность чудовищной ложью и лицемерием! как же могло случиться, что я, столь хитрый в других делах, был здесь настолько безумен, чтобы не понять, что нелегко было скрыть от людей того, кто

совершил такое ужасное преступление, но невозможно, чтобы он был скрыт от Судьи неба, который видит все и присутствует везде? или я не знал, к какому концу пришли мои братья, на которых Бог наложил столь великое наказание за их злые замыслы против тебя? И в самом деле, что могло спровоцировать меня против тебя? Может ли надежда стать королем сделать это? Я уже был королем. Мог ли я заподозрить в тебе ненависть? Нет. Разве я не был любим тобою? Да и чего еще мне бояться? Нет, оберегая тебя, я наводил ужас на других. Хотел ли я денег? Нет, ибо кто мог потратить столько, как я? В самом деле, отец, если бы я был самым отвратительным из всех людей и если бы у меня была душа самого жестокого дикого зверя, разве я не был бы побежден теми благами, которые ты даровал мне? кого, как ты сам говоришь, ты привел [во дворец]; кого ты предпочел перед столькими твоими сыновьями; которого ты сделал царем при своей жизни, и благодаря огромному количеству других преимуществ, которыми ты наделил меня, ты сделал меня предметом зависти. О несчастный! чтобы ты претерпел это горькое отсутствие и тем самым дал великую возможность зависти восстать против тебя и долгое пространство для тех, кто замышлял против тебя заговоры! И все же я отсутствовал, отец, в твоих делах, чтобы Силлеус не мог относиться к тебе с презрением в старости. Рим - свидетель моей сыновней любви, как и Цезарь, правитель обитаемой земли, который часто называл меня Филопатром. (47) Возьмите здесь письма, которые он послал вам, им больше можно верить, чем клевете, поднятой здесь; эти письма-мое единственное извинение; их я использую как доказательство той естественной привязанности, которую я испытываю к вам. Помните, что я отплыл [в Рим] против своего собственного выбора, зная скрытую ненависть, которая была в королевстве против меня. Это ты, отче, хоть и неохотно, но погубил меня, заставив дать мне время для клеветы на меня и зависти ко мне. Однако я пришел сюда и готов выслушать доказательства против меня. Если я отцеубийца, то прошел по суше и по морю, не испытав ни на одном из них никакого несчастья; но этот способ испытания не приносит мне никакой пользы; ибо кажется, о отец, что я уже осужден, как перед Богом, так и перед

тобой; и так как я уже осужден, я прошу тебя не верить другим, которые были замучены, но пусть огонь будет принесен, чтобы мучить меня; пусть дыбы пройдут через мои внутренности; не обращай внимания на любые жалобы, которые может сделать это оскверненное тело; ибо если я отцеубийца, то не должен умирать без мучений". Так воскликнул Антипатр с плачем и плачем и заставил всех остальных, и в особенности Вара, посочувствовать ему. Ирод был единственным человеком, чья страсть была слишком сильна, чтобы позволить ему плакать, зная, что показания против него были правдивы.
4. И вот, по повелению царя, Николай, когда он много размышлял о коварстве Антипатра и предотвратил последствия их сочувствия к нему, впоследствии выдвинул против него горькое и большое обвинение, приписав ему все злодеяния, которые были в царстве, и особенно убийство его братьев; и показал, что они погибли от клеветы, которую он поднял против них. Он также сказал, что он строил планы против них, которые все еще были живы, как если бы они строили заговоры для наследования; и (сказал он) как можно предполагать, что тот, кто приготовил яд для своего отца, должен воздерживаться от зла по отношению к своим братьям? Затем он обвинил его в попытке отравить Ирода и дал отчет по порядку нескольких сделанных открытий; и был очень возмущен делом Ферора, потому что Антипатр был за то, чтобы заставить его убить своего брата, и развратил тех, кто был дорог царю, и наполнил весь дворец нечестием; и когда он настаивал на многих других обвинениях и доказательствах для них, он прекратил.
5. Тогда Вар велел Антипатру защищаться, но тот лежал молча и сказал только одно: "Бог свидетель, что я совершенно невиновен". Тогда Вар попросил зелье и дал его выпить осужденному преступнику, который тогда сидел в тюрьме и умер на месте. Итак, Вар, побеседовав с Иродом наедине и написав Цезарю отчет об этом собрании, уехал после дневного пребывания. Царь также связал Антипатра и послал известить Цезаря о его несчастьях.

6. После этого выяснилось, что Антипатр замышлял заговор и против Саломеи, ибо один из слуг Антифила пришел и привез из Рима письма от служанки Юлии, жены Цезаря, по имени Акме. Она послала королю сообщение, что нашла среди бумаг Юлии письмо, написанное Саломеей, и отправила его ему тайно, по доброй воле. В этом письме Саломеи содержались самые горькие упреки царя и самые высокие обвинения против него. Антипатр подделал это письмо, совратил Акме и убедил ее послать его Ироду. Это было доказано ее письмом к Антипатру, так как эта женщина писала ему: "Как ты желаешь, я написала письмо твоему отцу и послала это письмо, и я убеждена, что царь не пощадит свою сестру, когда прочтет его. Ты хорошо сделаешь, если вспомнишь, что обещал, когда все будет исполнено".
7. Когда было обнаружено это послание и то, что содержалось в послании, подделанном против Саломеи, у царя возникло подозрение, что, возможно, были подделаны и письма против Александра; кроме того, он был сильно встревожен и в ярости, потому что чуть не убил свою сестру из-за Антипатра. Поэтому он больше не медлил, чтобы подвергнуть его наказанию за все его преступления; однако, когда он страстно преследовал Антипатра, его удержала сильная смута, в которую он впал. Тем не менее, он послал все отчеты Цезарю об Акме и хитростях против Саломеи; он послал также за своим завещанием, изменил его и сделал царем Антипу, не заботясь об Архиклаусе и Филиппе, потому что Антипатр погубил их репутацию вместе с ним; но он завещал Цезарю, кроме других даров, которые он дал ему, тысячу талантов, а также своей жене, детям, друзьям и вольноотпущенникам около пятисот; он также завещал всем остальным большое количество земли и денег и выказал свое почтение Саломее, своей сестре, сделав ей самые великолепные подарки. И это было то, что содержалось в его завещании, как оно теперь было изменено.

ГЛАВА 33.

БЕРКУТ РАЗРЕЗАН НА КУСКИ. ВАРВАРСТВО ИРОДА, КОГДА ОН БЫЛ ГОТОВ УМЕРЕТЬ. ОН ПЫТАЕТСЯ ПОКОНЧИТЬ С СОБОЙ. ОН ПРИКАЗЫВАЕТ УБИТЬ АНТИПАТРА. ОН ПЕРЕЖИВАЕТ ЕГО ПЯТЬ ДНЕЙ, А ПОТОМ УМИРАЕТ.

1. ТЕПЕРЬ болезнь Ирода становилась все более и более тяжелой для него, и это потому, что эти его расстройства падали на него в старости, и когда он был в меланхолическом состоянии; ибо ему было уже семьдесят лет, и он был принесен бедствиями, которые случались с ним вокруг его детей, из-за чего он не имел удовольствия в жизни, даже когда он был здоров; горе также, что Антипатр был еще жив, усугубило его болезнь, которую он решил умертвить теперь не наугад, но как только он поправится, и решил убить его. (Публично)
2. И теперь с ним, среди прочих его бедствий, случилось известное народное восстание. В городе [Иерусалиме] было два ученейших человека, которые считались самыми искусными в законах своей страны и за это пользовались большим уважением во всем народе; это были Иуда, сын Сепфориса, и Матфий, сын Маргалуса. К этим людям, когда они разъясняли законы, приходило большое сборище молодых людей, и каждый день собиралась целая армия таких, которые вырастали и становились мужчинами. Когда же эти люди узнали, что царь изнемогает от меланхолии и смуты, они бросили своему знакомому несколько слов о том, что настало самое подходящее время для защиты дела Божьего и разрушения того, что было воздвигнуто вопреки законам их страны, ибо незаконно, чтобы в храме были какие-либо изображения, или лица, или подобные изображения каких-либо животных. Теперь царь повесил золотого орла над большими воротами храма, и эти ученые мужи увещевали их срубить его; и сказал им, что если возникнет какая-нибудь опасность, то славно умереть за законы своей страны, потому что душа бессмертна и что вечное наслаждение счастьем ожидает тех, кто умер из-за этого; в то время как подлые и те, кто не был достаточно мудр, чтобы показать

правильную любовь к своей душе, предпочли смерть от болезни тому, что является результатом добродетельного поведения.

3. В то самое время, когда эти люди говорили эту речь своим ученикам, распространился слух, что царь умирает, что заставило молодых людей взяться за работу с большей смелостью; поэтому они спустились с вершины храма на толстых веревках, и это в полдень, когда в храме находилось большое количество людей, и срубили того золотого орла топорами. Вскоре об этом сообщили царскому начальнику храма, который прибежал с большим отрядом воинов, схватил около сорока молодых людей и привел их к царю. И когда он спросил их, прежде всего, были ли они так храбры, чтобы срубить золотого орла, они признались, что сделали это; и когда он спросил их, по чьему приказу они это сделали, они ответили, по приказу закона их страны; и когда он далее спросил их, как они могут быть так радостны, когда их предадут смерти, они ответили, потому что они будут наслаждаться большим счастьем после того, как умрут. (48)

4. При этом царь был в такой экстравагантной страсти, что он преодолел свою болезнь [на время] и вышел и обратился к народу; в чем он сделал ужасное обвинение против этих людей, как виновные в святотатстве и как делающие большие попытки под предлогом их закона, и он думал, что они заслуживают наказания как нечестивые люди. Тогда народ испугался, как бы многие не были признаны виновными, и пожелал, чтобы, когда он сначала накажет тех, кто поручил им эту работу, а затем тех, кто был пойман на ней, он оставил свой гнев на остальных. С этим царь согласился, хотя и не без труда, и приказал сжечь заживо тех, кто спустился вместе со своими раввинами, а остальных, пойманных, передать соответствующим офицерам, чтобы они предали их смерти.

5. После этого чумка охватила все его тело и сильно расстроила все его части с различными симптомами, потому что у него была легкая лихорадка, и невыносимый зуд по всей поверхности его тела, и постоянные боли в толстой кишке, и водянка вокруг ног, и воспаление брюшной полости, и гниение его интимного члена, которое производило глистов. Кроме того, он с трудом дышал и мог дышать только тогда, когда сидел прямо, и у него были

судороги всех членов, так что прорицатели говорили, что эти болезни были наказанием для него за то, что он сделал с раввинами. И все же он боролся со своими многочисленными расстройствами, и все еще имел желание жить, и надеялся на выздоровление, и обдумывал несколько способов лечения. Поэтому он перешел Иордан и воспользовался горячими ваннами в Каллирроэ, которые впадают в Асфальтированное озеро, но сами по себе достаточно сладкие, чтобы их можно было пить. И здесь врачи сочли нужным омыть все его тело теплым маслом, опустив его в большой сосуд, полный масла; после чего глаза его подвели, и он приходил и уходил, как будто умирал; и когда слуги подняли шум, он снова ожил, услышав их голос. И все же, отчаявшись выздороветь, он приказал, чтобы каждый солдат получал по пятьдесят драхм за штуку, а его командиры и друзья получали большие суммы денег.

6. Затем он вернулся назад и пришел в Иерихон в таком печальном состоянии тела, что почти угрожал ему настоящей смертью, когда он попытался совершить ужасное злодеяние; ибо он собрал самых прославленных людей всего еврейского народа из каждой деревни в место, называемое Ипподром, и там запер их. Затем он позвал свою сестру Саломею и ее мужа Алексея и обратился к ним с такой речью: "Я достаточно хорошо знаю, что евреи устроят праздник после моей смерти, однако в моей власти оплакать их по другим причинам и устроить пышные похороны, если вы будете подчиняться моим приказам. Позаботьтесь только о том, чтобы послать солдат, чтобы окружить этих людей, которые сейчас находятся под стражей, и убить их сразу же после моей смерти, и тогда вся Иудея и каждая их семья будут плакать об этом, хотят они того или нет".

7. Таковы были приказания, которые он дал им; когда пришли письма от его послов в Риме, в которых сообщалось, что Акме был предан смерти по приказу Цезаря и что Антипатр был приговорен к смерти; однако они писали вместе с тем, что если Ирод намеревался скорее изгнать его, то Цезарь позволил ему это сделать. Таким образом, он на некоторое время ожил и имел желание жить; но вскоре после того, как он был подавлен своими болями, и был расстроен отсутствием пищи, и судорожным кашлем, и попытался предотвратить естественную

смерть.; тогда он взял яблоко и попросил нож, потому что он имел обыкновение резать яблоки и есть их; затем он огляделся вокруг, чтобы увидеть, что никто не мешает ему, и поднял правую руку, как будто хотел заколоть себя; но Ахиаб, его двоюродный брат, подбежал к нему и, держа его за руку, помешал ему сделать это; по этому случаю во дворце раздался очень большой плач, как будто царь умирал. Как только Антипатр услышал это, он набрался храбрости и с радостью во взгляде попросил у своих сторожей денег, чтобы они освободили его и отпустили; но главный надзиратель тюрьмы не только воспрепятствовал ему в этом намерении, но побежал и рассказал царю о своем замысле; тогда царь закричал громче, чем мог бы вынести его смута, и немедленно послал нескольких своих стражников и убил Антипатра; он также приказал похоронить его в Гиркане, и снова изменил свое завещание, и в нем сделал Архкла, своего старшего сына, и брата Антипы, своего преемника, и сделал Антипу тетрархом.

8. Итак, Ирод, пережив убиение сына своего пять дней, умер, царствовав тридцать четыре года с тех пор, как он приказал убить Антигона и получил его царство; но тридцать семь лет с тех пор, как римляне сделали его царем. Что же касается его состояния, то оно было благополучно во всех других отношениях, если только кто-либо другой мог быть таковым, так как от частного лица он получил королевство, и держал его так долго, и оставил его своим собственным сыновьям; но все же в своих домашних делах он был самым несчастным человеком. И вот, прежде чем солдаты узнали о его смерти, Саломея и ее муж вышли и отпустили тех, кто был в узах, которых царь приказал убить, и сказали им, что он передумал и хочет, чтобы всех их отправили по домам. Когда эти люди ушли, Саломея сказала солдатам, что царь умер, и собрала их вместе с остальной толпой на собрание в амфитеатре в Иерихоне, где Птолемей, которому царь доверил свой перстень с печаткой, предстал перед ними и рассказал о счастье, которого достиг царь, и утешил толпу, и прочитал послание, которое было оставлено для солдат, в котором он искренне увещевал их проявить добрую волю к своему преемнику.; и после того, как он прочитал послание, он открыл и прочитал свое завещание, в котором

Филипп должен был унаследовать Трахонит и соседние страны, и Антипа должен был быть тетрархом, как мы говорили раньше, и Архелай был сделан царем. Ему также было приказано отнести кольцо Ирода к Цезарю и запечатать сделанные им поселения, потому что Цезарь должен был быть господином всех построенных им поселений и подтвердить свое завещание; и он приказал, чтобы распоряжения, которые он сделал, были сохранены так, как они были в его прежнем завещании.

9. И было сделано приветствие Архелаю, чтобы поздравить его с его продвижением; и солдаты, вместе с толпой, обошли его войсками, и обещали ему свою добрую волю, и, кроме того, молили Бога благословить его правление. После этого они приступили к приготовлениям к похоронам царя, и Архелай не упустил в них ничего великолепного, но вынес все царские украшения, чтобы усилить пышность покойного. Там стояли носилки, все золотые, расшитые драгоценными камнями, и пурпурное ложе разного цвета, на котором лежало мертвое тело, покрытое пурпуром; и возложили ему на голову диадему, и золотой венец над нею, и секптр в правой руке его; и близ гроба были сыновья Ирода и множество родичей его; рядом с ними шли стражники его и полк фракийцев, германцев. также и галлы, все считались, как будто они шли на войну; но остальная армия шла впереди, вооруженная и следовавшая за своими капитанами и офицерами в обычном порядке; за ним последовали пятьсот его слуг и вольноотпущенников со сладкими благовониями в руках; и тело было перенесено на двести фарлонгов в Иродий, где он приказал похоронить. И этого будет достаточно для завершения жизни Ирода.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Я не вижу большой разницы в нескольких рассказах Иосифа Флавия о египетском храмовом луке, на которые его комментаторы высказывают большие претензии. Ония, по-видимому, надеялся сделать его очень похожим на тот, что был в Иерусалиме, и того же размера; и так он, по-видимому, действительно сделал, насколько мог и считал нужным. Об этом храме см. Antiq. B. XIII. ch. 3. sect. 1--3, а о Войне-B. VII. ch. 10. sect. 8.

(2) Почему этот Иоанн, сын Симона, первосвященника и правителя Иудеев, был назван Гирканом, Иосиф Флавий нигде не сообщает нам; и он не назван иначе, как Иоанном в конце Первой книги Маккавеев. Однако Сикст Сеуенсис, давая нам краткое изложение греческой версии этой книги, сокращенной Иосифом Флавием, или Хроник этого Иоанна Гиркана, дошедших до нас, уверяет нас, что он был назван Гирканом из-за завоевания им одного из этих имен. См.Authent. Rec. Part I. p. 207. Но об этом младшем Антиохе см. Здесь записку декана Олдрича.

(3) Иосиф Флавий называет этого Антиоха последним из Селевкидов, хотя еще оставалась тень другого царя этого рода, Антиоха Азиатского, или Комагена, который царствовал или, вернее, скрывался, пока Помпей совсем не прогнал его, как отмечает здесь Декан Олдрич у Аппиана и Юстина.

(4) Матфея 16:19; 18:18. Здесь мы имеем древнейшее и наиболее достоверное еврейское объяснение связывания и освобождения для наказания или отпущения грехов, а не для объявления действий законными или незаконными, как тщетно утверждают некоторые современные евреи и христиане.

(5) Страбон, B. XVI. p. 740, рассказывает, что эта Селена Клеопатра была осаждена Тиграном не в Птолемаиде, как здесь, а после того, как она покинула Сирию, в Селевкии, цитадели в Месопотамии; и добавляет, что, когда он держал

ее некоторое время в тюрьме, он предал ее смерти. Декан Олдрич полагает здесь, что Страбон противоречит Иосифу Флавию, что мне не кажется; ибо, хотя Иосиф Флавий говорит и здесь, и в "Древностях", Б. 4, что Тигран осадил ее теперь в Птолемаиде и что он взял город, как сообщают нам Древности, однако он не знает, где он взял теперь саму царицу; так что оба рассказа Страбона и Иосифа все еще могут быть правдой, несмотря на это.

(6) Что этот Антипатр, отец Ирода Великого, был идумеянином, как утверждает здесь Иосиф Флавий, см. 2. Несколько вероятно, как полагает Хаперкамп, а отчасти и Спенгейм, что латынь здесь самая верная; что Помпей сделал ему Гиркана, как он сделал бы другим из Аристобула, раздел 6, хотя его замечательное воздержание от 2000 талантов, которые были в иудейском храме, когда он взял его немного позже, гл.

(7) О знаменитых пальмах и бальзаме в Иерихоне и Энгадле см. Примечания в издании Хаверкампа, как здесь, так и В. II. ch. 9. sect. 1. Они несколько длинноваты, чтобы их можно было переписать в этом месте.

(8) Так говорит Тацит: Сп. Pompelna прежде всего покорил евреев и вошел в их храм по праву завоевания, Hist. B. V. ch. 9. И не прикоснулся ни к одному из его богатств, как это было замечено на параллельном месте Древностей, B. XIV. ch. 4. sect. 4, из самого Цицерона.

(9) Монета этой Гадары, все еще сохранившаяся, с датировкой этой эпохи, является определенным доказательством этого ее восстановления Помпеем, как уверяет нас здесь Спанхейм.

(10) Возьмите аналогичное свидетельство истинности этого подчинения Ареты, царя Аравии, римскому полководцу Скавру, говоря словами декана Олдрича. "Отсюда, - говорит он, - происходит тот древний и знаменитый Динарий, принадлежащий к семейству Эмилиев [изображенный в издании

Хаверкампа], где Арета появляется в позе мольбы и, взявшись левой рукой за уздечку верблюда, правой рукой протягивает ветвь ладанного дерева с надписью: M. SCAURUS EX S. C.; а внизу REX ARETAS."

(11) Эта цитата теперь не нужна.

(12) То, что здесь отмечено Хадсоном и Спанхеймом, что это разрешение на восстановление стен городов Иудеи было сделано Юлием Цезарем не как здесь Антипатру, а Гиркану, Antiq. XIV. ch. 8. sect. 5, едва ли имеет видимость противоречия; Антипатр теперь, возможно, рассматривается только как заместитель и министр Гиркана; хотя впоследствии он сделал шифр Гиркана и, при большой порядочности поведения по отношению к нему, взял реальную власть себе.

(13) Или двадцать пять лет. См. Примечание к Antiq. B. I. ch. 12. sect. 3; и на B. XIV. ch. 9. sect. 2; и о войне, B. II. ch. 11. sect. 6; и Polyb. B. XVII. p. 725. Многие авторы римской истории рассказывают об этом убийстве Секста Цезаря и о войне в Апамии по этому поводу. Они цитируются в записке декана Олдрича.

(14) В Древностях, Б. XIV. ch. 11. sect. 1, продолжительность правления Юлия Цезаря составляет три года шесть месяцев; но здесь три года семь месяцев, начиная с ночи, говорит дин Олдрич, от его второй диктатуры. Вполне вероятно, что реальная продолжительность может составлять три года и от шести до семи месяцев.

(15) Из рассказов Иосифа Флавия, как здесь, так и в его "Древностях", б. XIV, гл. 11, раздел 2, очевидно, следует, что этот Кассий, один из убийц Цезаря, был жестоким угнетателем и взыскателем дани в Иудее. Эти семьсот талантов составляют около трехсот тысяч фунтов стерлингов и составляют примерно половину годового дохода царя Ирода впоследствии. См. Примечание к Antiq. B. XVII. ch. 11. sect. 4. Оказывается также, что Галилея платила тогда не

более ста талантов, или седьмой части всей суммы, взимаемой по всей стране.

(16) Здесь мы видим, что Кассий поставил тиранов над всей Сирией, так что его помощь в уничтожении Цезаря, по-видимому, исходила не из его истинного рвения к общественной свободе, а из желания самому быть тираном.

(17) Фазель и Ирод.

(18) Этот большой и отмеченный лес, или лес, принадлежащий Кармилу, называемый апаго Септуагинтой, упоминается в Ветхом Завете, 2 Царств 19:23; Исаия 37:24 и I Страбоном, Б. XVI. с. 758, как очень уместно замечают здесь Олдрич и Спанхейм.

(19) Эти сведения, как здесь, так и в Антик. XIV. ch. 13. sect. 5, о том, что парфяне сражались в основном верхом и что лишь некоторые из их солдат были свободными людьми, полностью согласуются с Трогом Помпеем в Justin, B. XLI. 2, 3, как хорошо замечает декан Олдрич в этом месте.

(20) Мариамак здесь, в копиях.

(21) Этот Брентезий или Брундузий до сих пор сохранил монету, на которой написано, как сообщает нам Спанхейм.

(22) Этот Деллий знаменит или, скорее, печально известен в истории Марка Антония, как отмечают здесь Спенгейм и Олдрих, по монетам, по Плутарху и Диону.

(23) В этом Сепфорисе, столице Галилеи, так часто упоминаемом Иосифом Флавием, до сих пор сохранились монеты, как сообщает нам здесь Спанхейм.

(24) Этот способ выражения "по прошествии сорока дней" истолкован самим Иосифом Флавием "в сороковой день", Антик. 4. Подобным же образом, когда Иосиф Флавий говорит,

гл. 33, раздел 8, что Ирод жил "после того, как" он приказал убить Антипатра "пять дней"; это он сам истолковал, Antiq. B. XVII, гл. 8, раздел 1, что он умер "на пятый день после этого." Так же и то, что в этой книге, гл. 13, раздел 1, "по прошествии двух лет", есть, Antiq. B. XIV, гл. 13, раздел 3, "на второй год." И декан Олдрич здесь отмечает, что эта манера говорить знакома Иосифу Флавию.

(25) Эта Самосата, столица Коммагены, хорошо известна по ее монетам, как уверяет нас здесь Спанхейм. Декан Олдрич также подтверждает то, что здесь отмечает Иосиф Флавий, что Ирод был великим средством захвата города Антонием, а также Плутархом и Дионом.

(26) То есть женщина, а не мужчина.

(27) Эта смерть Антигона подтверждается и Плутархом. Straho; последний из которых цитируется для него самим Иосифом Флавием, Antiq. B. XV. ch. 1. sect. 2, как замечает здесь декан Олдрич.

(28) Эта древняя свобода Тира и Сидона при римлянах, на которую обратил внимание Иосиф Флавий, как здесь, так и в Antiq. B. XV. ch. 4. sect. 1, подтверждается свидетельством Сирабы, B. XVI. p. 757, как замечает декан Олдрич; хотя, как он справедливо добавляет, эта свобода продержалась лишь немного дольше, когда Август отнял ее у них.

(29) Этот седьмой год царствования Ирода [от завоевания или смерти Антигона], с великим землетрясением в начале той же весны, которое здесь полностью подразумевается незадолго до битвы при Акциуме между Октавием и Антонием и которое, как известно из римских историков, было в начале сентября, в тридцать первом году до христианской эры, определяет хронологию Иосифа Флавия относительно царствования Ирода, а именно: что он начал в 37-м году, вне рационального противоречия. Не совсем недостойно нашего внимания и то, что этот седьмой год царствования Ирода, или тридцать

первый до христианской эры, содержал в себе последнюю часть Субботнего года, в который, следовательно, и произошло это великое землетрясение в Иудее.

(30) Эта речь Ирода изложена дважды Иосифом Флавием, здесь и в Antiq. B. XV. ch. 5. sect. 3, с той же целью, но отнюдь не в тех же словах; отсюда следует, что смысл был Иродом, а композиция-Иосифом Флавием.

(31) Поскольку Иосиф Флавий, как здесь, так и в своем Антик. XV. гл. 7. раздел 3, причисляет Газу, которая была свободным городом, к числу городов, данных Ироду Августом, и все же подразумевает, что Ирод сделал Костобара ее правителем раньше, Антик. XV. гл. 7. раздел 9, Хардейн имеет некоторое основание утверждать, что Иосиф здесь противоречил самому себе. Но, возможно, Ирод считал, что у него достаточно власти, чтобы поставить правителя в Газе, после того как он стал тетрархом или царем, во время войны, прежде чем город был полностью отдан в его руки Августом.

(32) Этот форт был впервые построен, как предполагается, Иоанном Гирканом; см. в 107 году; и называется "Барис", Башня или Цитадель. Впоследствии он был перестроен Иродом с большими улучшениями при правлении Антония и назван в его честь "Башней Антония"; и примерно в то время, когда Ирод перестраивал храм, он, по-видимому, приложил к нему свою последнюю руку. См. Antiq. B. XVIII. ch. 5. sect. 4; О войне, B. I. ch. 3. sect. 3; ch. 5. sect. 4. Он лежал на северо-западной стороне храма и был на четверть больше.

(33) Что Иосиф говорит правду, когда он уверяет нас, что гавань этой Кесарии была сделана Иродом не меньше, а скорее больше, чем та знаменитая гавань в Афинах, называемая Пирекум, будет казаться, говорит декан Олдрич, тому, кто сравнивает описания этой гавани в Афинах у Фукидида и Павсания с описанием Кесарии у Иосифа здесь, и в Антик.

(34) Об этих постройках городов по имени Цезаря и об учреждении торжественных игр в честь Августа Цезаря, как

здесь, так и в "Древностях", рассказанных Иродом Иосифом Флавием, свидетельствуют римские историки, как это было тогда часто в провинциях той империи, как замечает дин Олдрич в этой главе.

(35) В Иудее было два города, или цитадели, называемые Иродиумом, и оба упоминаются Иосифом Флавием не только здесь, но и в Антик. 9; B. XV. ch. 9. sect. 6; О войне, Б. И. ч. 13. 8; B. III. ch. 3. sect. 5. Один из них был в двухстах, а другой в шестидесяти фарлонгах от Иерусалима. Один из них упоминается Плинием, Hist. Nat. B. V. ch. 14, как замечает здесь декан Олдрич.

(36) Здесь, по-видимому, есть небольшой недостаток в копиях, которые описывают диких зверей, на которых охотился Ирод в определенной стране, не называя вообще никакой такой страны.

(37) Здесь есть либо недостаток, либо большая ошибка в нынешних копиях или памяти Иосифа; ибо Мариамна теперь упрекала Ирода не в том, что он впервые приказал Иосифу убить ее, если он сам будет убит Антонием, а в том, что он дал такое же повеление и Соему во второй раз, когда тот боялся быть убитым Августом. Antiq. B. XV. ch. 3. sect. 5 и т. д.

(38) О том, что этот остров Элевса, впоследствии названный Севастой, близ Киликии, имел на нем царский дворец этого Архиклауса, царя Каппадокии, свидетельствует Страбон(XV в. Стефан Византийский также называет его "островом Киликии, который теперь является Севастией"; оба эти свидетельства уместно цитируются здесь доктором Хадсоном. См. ту же историю, Antiq. B. XVI. ch. 10. sect. 7.

(39) То, что у евреев и их предков, патриархов, был извечный обычай иметь иногда больше жен или жен и наложниц, чем одна, и что эта полигамия не была прямо запрещена в законе Моисея, очевидно; но что полигамия когда-либо была должным образом и отчетливо разрешена в этом законе Моисея, в местах, приведенных здесь дином Олдричем, Второзаконие

17:16, 17 или 21:15, или вообще где-либо еще, мне не кажется. И то, что наш Спаситель говорит об обычных еврейских разводах, которые могут претендовать на такое разрешение гораздо больше, чем многоженство, кажется мне верным и в этом случае; что Моисей, "по жестокосердию их", позволил им иметь несколько жен одновременно, но что "от начала не было так" (Матфея 19:8; Марка 10:5).

(40) Этот мерзкий человек, Еврикл лакедемонянин, кажется, был тем самым, о ком упоминает Плутарх, как о компаньоне Марка Антония и как о живущем с Иродом, откуда он мог легко проникнуть в знакомство сыновей Ирода, Антипатра и Александра, как справедливо полагают Ашер, Гудзон и Спенгейм. Причина, по которой то, что он был спартанцем, делало его приемлемым для евреев, как мы здесь видим, видна из публичных записей евреев и спартанцев, считающих этих спартанцев родственными евреям и происходящими от их общего предка Авраама, первого патриарха еврейского народа, Антик. 10; B. XIII. ch. 5. sect. 8; и 1 Макк. 12:7.

(41) См. предыдущее примечание.

(42) Декан Олдрич замечает здесь, что эти девять жен Ирода были живы в одно и то же время; и что если считать знаменитую Мариамну, которая теперь была мертва, то эти жены были во всех десяти. И все же примечательно, что у него было не более пятнадцати детей.

(43) Во избежание путаницы, возможно, будет не лишним, вместе с деканом Олдричем, провести различие между четырьмя Иосифами в истории Ирода. 1. Иосиф, дядя Ирода и муж сестры его Саломеи, убитый Иродом за Мариамну. 2. Иосиф, квестор Ирода, или казначей, убит по той же причине. 3. Иосиф, брат Ирода, убитый в битве с Антигоном. 4. Иосиф, племянник Ирода, муж Олимпиады, упомянутый в этом месте.

(44) Эти дочери Ирода, которых оскорбила жена Ферора, были Саломея и Роксана, две девы, которые родились у него от двух

его жен, Елпиды и Федры. См. Генеалогию Ирода, Antiq. B. XVII. ch. 1. sect. 3.

(45) Это странное упрямство Ферора, удерживающего свою жену, которая была из низкого рода, и отказывающегося жениться на женщине, близкой к Ироду, хотя он так горячо желал этого, как и допуск этой жены к советам других знатных придворных дам, вместе с собственной назойливостью Ирода относительно развода Ферора и других браков, все это так замечательно здесь или в Древностях XVII, гл. это хорошо объяснимо, но при условии, что Ферор верил, а Ирод подозревал, что предсказание фарисеев о том, что корона Иудеи должна быть передана от Ирода потомству Ферора и что, скорее всего, потомству Ферора через его жену, также окажется верным. См. Antiq. B. XVII. ch. 2. sect. 4; и ch. 3. sect. 1.

(46) В этом Таренте до сих пор сохранились монеты, как сообщает нам Реланд в своей записке.

(47) Возлюбленный своего отца.

(48) Поскольку в этих двух разделах мы имеем очевидное изложение иудейских мнений во времена Иосифа Флавия о будущем счастливом государстве и воскресении мертвых, как в Новом Завете, Иоанна 11: 24, я буду здесь ссылаться на другие места у Иосифа Флавия, прежде чем он стал католическим христианином, которые касаются тех же вопросов. II. ch. 8. sect. 10, 11; B. III. ch. 8. sect. 4; B. VII. ch. 6. sect. 7; Контр. Apion, B. II. sect. 30; где мы можем заметить, что ни один из этих отрывков не находится в его Книгах Древностей, написанных специально для использования язычниками, которым он считал неуместным настаивать на темах, столь далеких от их пути, как эти. Это замечание также не следует здесь упускать, особенно из-за того, что мы имеем сейчас перед собой разумное различие в рассуждении Иосифа Флавия о том, как раввины убеждали своих ученых рисковать жизнью ради оправдания закона Божьего против изображений Моисея, а также об

ответах, которые эти ученые давали Ироду, когда их ловили и готовы были умереть за то же самое; я имею в виду по сравнению с параллельными аргументами и ответами, представленными в "Древностях", Б. Подобное же различие между еврейскими и языческими понятиями читатель найдет в моих заметках о древностях, Б. III, гл. 7; B. XV. ch. 9. sect. 1. См. то же самое и в случае трех иудейских сект в Древности, Б. XIII. гл. 5. сект. 9 и гл. 10. сект. 4, 5; Б. XVIII. гл. 1. сект. 5; и по сравнению с этим в его войнах иудеев, Б. II. гл. 8. раздел 2-14. И сам Апостол Павел не рассуждает с язычниками в Афинах, Деяния 17:16-34, как он рассуждает с иудеями в своих Посланиях.